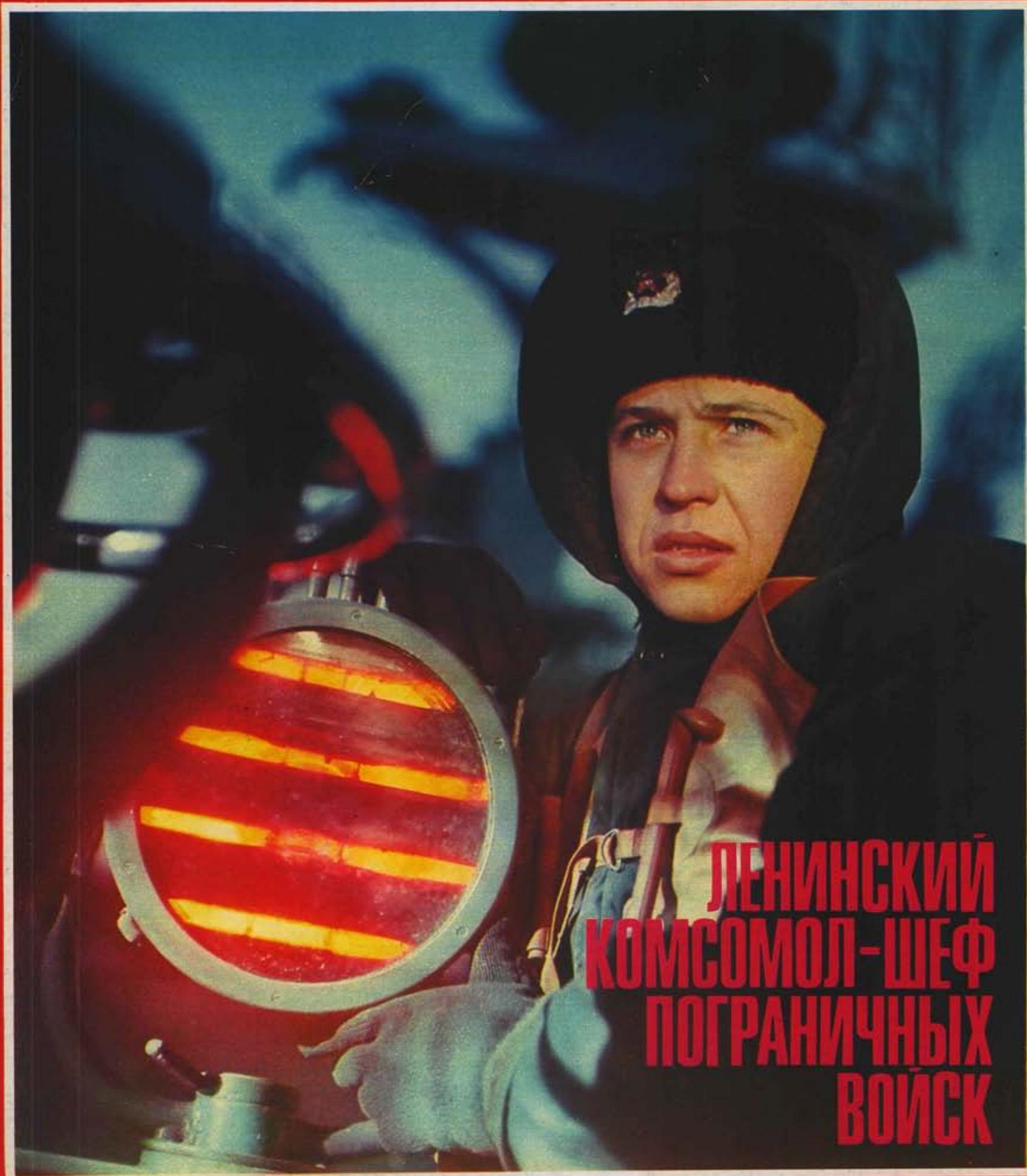

СМЕНА

№ 10 МАЙ 1978

**ЛЕНИНСКИЙ
КОМСОМОЛ-ШЕФ
ПОГРАНИЧНЫХ
ВОЙСК**

...ГРАНИЦЫ РОДИНЫ НАДЕЖНО ПРИКРЫТЫ ОТ ЛЮБЫХ НЕОЖИДАННОСТЕЙ, ДЕЛО ЕЕ ЗАЩИТЫ НАХОДИТСЯ В ОПЫТНЫХ, ВЕРНЫХ РУКАХ. И МОГУ ЗАВЕРИТЬ, ЧТО МОЛОДЫЕ ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ, ОХРАНЯЮЩИЕ ЕЕ МИР И ПОКОЙ, ИМЕЮТ ВСЕ НЕОБХОДИМОЕ, ЧТОБЫ С ЧЕСТЬЮ ВЫПОЛНЯТЬ СВОЮ ВЫСОКУЮ МИССИЮ.

Из речи Л. И. БРЕЖНЕВА на XVIII съезде ВЛКСМ.

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

Всегда на страже

28 мая исполняется 60 лет со дня учреждения в нашей стране пограничной охраны. Лучших своих воспитанников направляет комсомол в пограничные войска. Воины-комсомольцы, глубоко преданные Коммунистической партии и советскому народу, встретили XVIII съезд ВЛКСМ новыми успехами в боевой и политической подготовке. Об одном из эпизодов в жизни моряков-пограничников рассказывает этот репортаж.

-М

ягче перекладывай, Оверченко, ягче.

Рулевой косит глазами на командира, пожимает плечами, но все-таки чуть убавляет угол поворота.

— Сбрось еще пять гравдусов.

— Есть сбросить.

— То-то, и нечего плечами дергать, не в театре...

Цвет воды за бортом резко меняется, из бирюзового становится буро-фиолетовым, под нами впадина, которую местные рыбаки по-свойски именуют мешком. Название точное не только потому, что впадина на штурманских картах формой своей напоминает мешок с туго перевязанным горлом, но и по смыслу. В рыбацкую путину здесь, как нигде вокруг, легко и много берут красной рыбы и терпуга, кальмара и макроруса. С этим самым рыбным мешком связано у капитана III ранга Ивана Афанасьевича Алексеенко и экипажа пограничного корабля одно не самое приятное воспоминание.

В сезон ловли кальмара экипаж 577-го под командованием Алексеенко засек рыболовную шхуну, стоявшую на плавякоре там, где находится ей было никак не положено. Командир приказал врубить «самый полный» и идти на сближение с судном-нарушителем; «иностранец», воспользовавшись туманом, брал кальмара как раз над тем самым мешком. Увидев пограничный

корабль, шхуна спешно выбрала якорь и, убрав кормовой парус, взяла курс в открытое море.

Ни на сигнал остановки, ни на предупредительные ракеты шхуна не реагировала, а когда корабль приближался к ней почти вплотную, она опасно маневрировала, подставляя корму. Ночью, да еще в тумане, гоняться за шхуной в районе, где вели лов несколько десятков иностранных судов, как две капли

воды похожих одно на другое, было непросто и могло кончиться тем, что пострадало бы одно из них. В итоге шхуна, убравшись из наших территориальных вод, затерялась среди других судов. Но Алексеенко тогда поклялся самому себе, что не успокоится, пока не разыщет ее.

Впрочем, долго ждать не пришлось. Цепкий глаз его даже в тумане схватил одну деталь, отличавшую браконьер-

ское судно от других,—кнехты на юте шхуны были несоразмерно высокими и толстыми. Мелочь вроде, но для опытного моряка, тем более пограничника, это все равно, что особая примета для следователя-розысчника. К тому же Оверченко, стоявший тогда на руле, заметил, что один кранец у шхуны с правого борта совсем дохлый, с размо- чаленной каболой.

— Взяли мы ее тепленькой ровно через неделю после нашей неудачной погони,—рассказывал Алексеенко,—на мостике стоял мой помощник старший лейтенант Николай Назаренко, он и засек шхуну. Борта ее и надпалубные постройки были уже перекрашены—чу- яла кошка, чье мясо съела,—но кнехты так на ходу не заменишь, они ее и выдали, ну а кранец они просто заме- нить не догадались. Шла она тяжело,

ОТСУТСТВИЕМ АППЕТИТА
НА МОРЕ НЕ СТРАДАЮТ.

ХОРОШАЯ ПЕСНЯ
И ПОЕТСЯ ХОРОШО.

**ТЕПЕРЬ ИМ ОТ НАС УЖЕ
НЕ УЙТИ!**

осевшая в воду почти по самый ахтерштевень. Налицо был явный перелов. Тогда уж они не пытались уйти, понимали, что в открытом море да еще с грузом им от нас никуда не деться. Проверили мы корабельные документы, лицензию, оказалось, что взяли они кальмара вдвое больше, чем было положено. Ну заодно и припомнили их капитану ту ночную погоню... В общем, судно было арестовано.

...Впрочем, иначе быть не могло. Не Алексеенко, так другой обнаружил бы ту шхуну. Прошли времена, когда один на тысячемильном морском пространстве пограничный корабль «Воровский» отгонял от советских территориальных вод стаи японских судов-хищников, промыслявших крабов у самых наших бере-

«ВИЖУ ЦЕЛЬ!»

**ЧЛЕНЫ ОСМОТРОВОЙ ГРУППЫ
ОДИН ЗА ДРУГИМ ПРЫГАЮТ
В ВСТАЮЩИЙ НА ДЫБЫ КАТЕР.**

**ОБЪЯСНЕНИЕ С КАПИТАНОМ
СУДНА-НАРУШИТЕЛЯ.**

Наша обложка:
на страже
рубежей
Родины.

Фото Владимира
ЧЕИШВИЛИ

- 1 «ВСЕГДА НА СТРАЖЕ».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА
и Владимира ЧЕИШВИЛИ.
- 3 Стихи Геннадия ГОЛОВАТОГО.
- 4 РЕШЕНИЯ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ — В ЖИЗНЬ!
«ИЗ ДИНАСТИИ АНГЕЛИНЫХ».
Фотоочерк Олега СПАССКОГО и Юрия УСТИНОВА.
- 6 ПРОФИОРИЕНТАЦИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ.
«ЕСТЬ ТАКАЯ ДОЛЖНОСТЬ...». Статья Игоря СЕРКОВА.
- 10 «ПОДГОТОВКА».
Фоторепортаж Владимира АНИСИМОВА
и Сергея ПЕТРУХИНА.
- 14 НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Юрия КОЗЛОВА «МОСКОВСКАЯ ЗНАКОМАЯ».
- 17 ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
«МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КАЛИНИН».
Очерк Николая МИХАЙЛОВА.
- 19 Стихи Юрия АПЕНЧЕНКО.
- 20 МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 22 Повесть Артура ХЕЙЛИ и Джона КАСТЛА
«ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА 08».
- 25 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«ДОРОГИ ЩЕДРАЯ ЛАДОНЬ».
Фотоочерк Льва ФИЛИМОНОВА, Александра НАГРАЛЬЯНА
и Виктора СИДЕЛЬНИКОВА.
- 30 ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЮ.
Виктор ПЕРЕВЕДЕНЦЕВ, кандидат экономических наук.
«СНОВА О СЕМЬЕ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
А. Ю. КОМАРОВ, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секре-
тарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ,
В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин.

Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1978 г.

гов. Обнаглевшие рыбаки под прикрыти-
ем вооруженных до зубов миноносцев
почти безнаказанно высребали шель-
фы Сахалина и Камчатки, обстреливали
наши боты и лодки с представителями
Рыбнадзора, издевались над захвачен-
ными в плен советскими досмотрщиками.

Вот лишь одно из сообщений с дальне-
восточной границы в штаб РККА и НКВД
от 13 июля 1932 года: «...4 июля с. г.
японский миноносец, стоявший в трех
милях от берега против устья р. Сопоч-
ная, что западнее побережья Камчатки,
обстрелял пулеметным огнем дозор на-
шей погранохраны. Никаких поводов к
обстрелу со стороны нашей погранохра-
ны не было. Обстреляв наш дозор,
миноносец ушел на юг...»

В ту пору у советской дальневосто-
чной погранохраны еще не имелось до-
статочно сил, чтобы преградить путь
в наши воды нарушителям всех мас-
тей: шхун было сотни, погранкораб-
лей — единицы. Сколько нужно было
мужества первым советским погранич-
никам, чтобы вступать в схватку с во-
оруженными экипажами, зная, что враг
вдесятеро превосходит тебя численно-
стью.

С тех пор, как В. И. Лениным был
подписан Декрет Совнаркома о созда-
нии пограничной охраны, прошло 60 лет.
Система охраны государственной грани-
цы качественно изменилась во всех
отношениях. Сегодня арсенал погранич-
ников — современная электроника, ин-
женерная техника, новейшее оружие.
Быстроходные боевые корабли, осна-
щенные по последнему слову военной
науки, способны засекать цели на ог-
ромных расстояниях днем и ночью;
морскую границу стерегут береговые
станции наблюдения и специальные
авиаподразделения. Территориальные
воды — 12-мильная полоса вдоль наше-
го берега стала неприкосновенной зо-
ной. Да, с позиции силы теперь с нами не
поговоришь.

...Мы обгоняем толстобрюхую, солид-
ную матку — рыбопловецкую базу, за ко-
торой семенит ее выводок — малые и
средние сейнеры. База протяжно, хрип-
ловато тянет «бу-у-у», сейнеры отвеча-
ют короткими «ту-уп». С одного из них
нас окликают; оказывается, на сейнере
капитан старый приятель Ивана Афа-
насьевича. Алексеенко спрашивает в
мегафон, как улов. Капитан «рыба-
ка» — в распахнутой штормовке, улыба-
ющийся — кричит, что взяли сегодня
неплохо, только вот «не шибко крупный
идет чего-то». Мы принимаем у рыбаков
подарок: свежий окунь-деликатес, сов-
сем не то, что мороженный, и сегодня у
нас будет царский ужин.

Пограничники имеют самое прямое
отношение к рыбной ловле: охраняя
неприкосновенность наших вод от нару-
шителей, они помогают сохранить рыб-
ные ресурсы морей, и практический
результат их работы вполне осяза-
ем — это сотни тонн уберезженной от
браконьеров ценной рыбы. Экипаж од-
ного только нашего корабля, точнее, его
осмотровая группа под командованием
старшего лейтенанта Назаренко лишь
за одну путину выявила десятки случа-
ев браконьерского лова, спасла народ-
ного добра на многие тысячи рублей.

Вот он стоит на баке, высокий, пря-
мой, худощавый, руки на бедрах, ноги на
ширине плеч, на нем даже пробковый
спасательный жилет сидит как сшитый
на заказ. Кто-то рядом с ним поднял
ворот — холодно, ветер прямо в лицо, а
Назаренко хоть бы что: закалка. Четыре
года на «сторожевиках», каждый день
лицом к лицу с опасностью. Невозможно
предугадать заранее, что предпримет
браконьер или нарушитель, застигнутый
с поличным. Всякое бывало в его корот-
кой пограничной биографии — угрожали
оружием, выбивали из-под ног трап,
провоцировали. А Назаренко, оставаясь
спокойным, продолжал делать дело,
своей железной невозмутимостью до-
водя нарушителей закона до бешен-
ства.

Впрочем, Николай первый перестал
бы себя уважать, если бы позволил себе
сорваться хоть единожды. Он бывший
суворовец, теперь кадровый военный,
для которого понятия чести и долга
святы при любых обстоятельствах. По-
этому он не имеет ни морального, ни
служебного права ответить на наглость
наглостью, низостью на низость. Но,
наверное, в этом и его преимущества.

Николай неразговорчив, вставит сло-
во, улыбнется; он мастер слушать, что
тоже, кстати, дар немалый. Кто любит
побалагурить, так это Саша Яременко.
Старшина II статьи, командир штурман-
ского отделения, франтоватый, бы-
стрый, отчаянный парень, прекрасный
знаток своего дела, член осмотровой
группы, куда берут самых опытных. При-
боры, за которые он отвечает на кораб-
ле, пожалуй, самые сложные, почти все
на микросхемах, но не было случая,
чтобы хоть один из них отказал. Сейчас
Яременко в ударе, рассказывает о
своей первой высадке на шхуну-
нарушительницу:

— Туман, ребята, страшный. Наше-
го корабля не видно, а на шхуне как
будто все вымерли. Ну, попрыгали мы с
катера ей на корму, я — второй осмот-
щик, значит, мои ходовая рубка, кубрик,
в общем, сами знаете. И вдруг чувствую,
колени дрожат, все-таки первый раз на
«иностранце», а вдруг что-нибудь такое
случится. Лезу в их кубрик и вижу: сидят
на рундуках четверо, лиц не разобрать,
но одежда на них, честное слово, дыра
на дыре и гнильем пахнет, хоть нос
затыкай. Встал один из них и ко мне,
бумажку какую-то сует и что-то по-
своему говорит, улыбается, сесть пред-
лагает. А условия, в которых они живут,
ну самые скотские. Зрелище они из себя
представляли тогда жалкое. Только жа-
леть их было не за что, вору они и есть
воры, тонны три лишних взяли, да еще в
термоды наши залезли.

— А что, Саша, колени больше не
дрожали? — спрашивает кто-то.

— Нет, больше нет. Но вообще-то
дрожь в коленях — это естественная ре-
акция на всякое волнение, и ничего
позорного в этом нет. Я вот сколько раз
за район в футбол играл, и почти всегда
перед ответственным матчем, правда,
только до свистка, легкий мандраж...

Яременко рассказывает свои байки,
тонко чувствуя ситуацию и настрой
аудитории, и его балагурство не просто
развлекает, но и сплачивает ребят,
помогает им понять друг друга лучше.

Видел я Сашу и иным, деловитым,
страстным, требовательным. Это было
на комсомольском собрании. Речь шла о
выполнении членами экипажа личных
обязательств, принятых в честь XVIII
съезда ВЛКСМ. Заместитель секретаря
комсомольского бюро ВЛКСМ корабля
Александр Яременко зачитывал обяза-
тельства каждого и предлагал товари-
щам отчитаться в их выполнении. И вот
один из матросов, скомкав свой ответ,
сказал, что старался выполнить обяза-
тельства, но не может определить, на-
сколько это ему удалось. Яременко
посмотрел на матроса в упор и коротко
выдохнул:

— Яснее. В пункте повышения боево-
го мастерства у тебя записано абсолют-
но конкретно: изучить то-то и то-то,
освоить такую-то аппаратуру. Это
сделано?

— В общем, да. Но пока еще не
разобрался в схеме одного из блоков...

— Бюро дает тебе неделю сроку,
чтобы с помощью командира отделения
разобраться в этом блоке. Через неде-
лю доложишь о результатах... И запом-
ни, ты комсомолец, пограничник, твое
слово должно быть законом для тебя
самого.

...Холодный туманный сумрак осел на
бухту быстро и внезапно. Казалось, кто-
то попросту накрыл корабли, недалекий
шумный порт, бархатные горбатившиеся
сопки ватно-непроницаемым одеялом.
Сразу бухта стихла, туман заглушил все
звуки работавшего берега, еще чет-
верть часа назад ясные и чистые. Насту-

пал вечер, снимавший напряжение и хлопоты дня, время, когда люди нормального жизненного уклада могут решить себе час-другой отдыха, беззаботного покоя.

И хотя я был не первый раз на границе и, казалось, должен был знать и помнить, что здесь все иначе, что здесь совсем другой, непохожий на наш ритм, я каждый раз привыкал к границе снова. Тут виновато и немалое время, отделявшее командировки к пограничникам одну от другой, и непохожесть, специфика каждой из застав, как и участков, оберегаемых ими. Но было и общее: граница требовала от людей, которые ее охраняют, полного подчинения своим законам, не прощала малейших промахов, небрежности, расслабленности. Она каждый час, каждую минуту оставалась фронтом, передовой, пересекала ли памирские хребты, бескрайние пески, холодные или теплые моря. И вот, оказываясь рядом с границей, я вновь привыкал к тому, что ей безразлично, чем бы ты хотел заниматься и что у тебя на уме, если границе будет нужно, она оторвет тебя от любых забот и заставит думать о себе.

...Наш корабль, вернувшись с дежурства на базу, был оставлен временно в резерве. Это значило, что в любой час нас могли снова отправить в море. А пока мы сидим в матросском кубрике. Моторист Володя Мирончик тихо наигрывает знакомую мелодию. А Михаил Сериков так же тихо напевает: «Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный, десятый наш десантный батальон». И постепенно все ему начинают подтягивать. Хорошая песня, и поется она хорошо, как-то особенно, не так, как в Москве. Может быть, потому, что здесь мы ближе к рубежу, за который эти ребята не имеют права пропустить врага, и они так же, как герои песни, готовы заплатить за это любой ценой...

В это время дежурный по морской пограничной части, к которому сходились нити управления всей системы охраны многомильного морского района, в числе других сообщений принял радиogramму от капитана одного из рыболовных судов.

В радиogramме говорилось о том, что в таком-то квадрате встречным курсом с ними прошло небольшое судно без опознавательных знаков и огней. На запрос рыбаков судно не ответило, и они сочли необходимым сообщить о нем пограничникам. Дежурный отметил время приема телеграммы, нанес на карту местоположение неопознанного судна. Почему оно не ответило на запрос рыбаков? Может быть, просто не заметило огней в тумане? Мало ли судов бороздит под любыми флагами море в пору путини—подбрасывают продукты или пресную воду шхунам, ведущим лов, спешат забрать внезапно заболевшего матроса... Все так. Но обязанность дежурного—учитывать любые варианты, и поэтому он дал команду готовиться к выходу в пограничный район 577-му, стоявшему в резерве, то есть нам.

Судно, на поиск которого мы выходили, двигалось к одному из небольших островов, полумесяцем вытянувшихся вдоль самой кромки территориальных вод. Только вот где оно будет подходить к острову, оставалось загадкой.

Алексеевко, велел держать пока на машине 1200 оборотов и курс 120 градусов, прошел к Торбунакову.

— Ну что, штурман, какие будут мнения?

Торбунаков ткнул карандашом в угол карты, где лисьям хвостом изгибался южный берег острова.

— Думаю, они пойдут к острову с юга, с севера им невыгодно, там сейчас на море движение большое, зачем им лишний раз кому-то глаза мозолить.

Командир хмуро глядел на карту, молчал, щурил глаза, привыкая к темноте штурманского поста.

— Так что, товарищ командир, как вести прокладку?

Алексеевко перевел взгляд на Торбунакова, подумал, что дай бог каждому командиру иметь такого штурмана: парень с хваткой, знает дело, рассчитывает все по науке от «А» до «Я», и вроде бы все в его рассуждениях верно и логично. Но только с годами приходит к людям, охраняющим морскую границу, способность оказываться выше этой логики, противопоставляя ей интуицию, пограничный опыт. В территориальных водах своя логика, свои законы борьбы.

— Нет, штурман, мы будем обходить остров с севера. Там, где цели легче затеряться среди других судов, откуда ей удобнее от нас уходить, прячась за рыбацкими сейнерами.

Тугая высокая волна бьет в левый борт. Корабль раскачивается качелями. Здесь на ходовом мостике качка особенно сильная, колебания достигают нескольких метров; уже не до любования морем, устоять бы на ногах, сдерживать подкатывающуюся снизу тошноту. В какой-то момент кажется, что корабль вот-вот ляжет на борт. Назаренко успокаивает: «У нас угол заката 80 градусов с лишним, перевернуться практически невозможно».

Мы идем, на ходу «переговариваясь» с попадающимися навстречу судами, на прожекторе работает старшина II статьи Михаил Сериков, командир отделения радиотелеграфистов. Несмотря на обжигающе холодный ветер, он работает без перчаток, говорит, что так быстрее ровно на 20 знаков. Сериков в своем деле виртуоз, когда он разговаривает по радиотелеграфу на скорости 110 знаков в минуту, то не всякий его коллега понимает Мишу с первого раза, и Серикову тогда приходится, как он выражается, «дозваниваться». На прожекторе, конечно, темпы не те, но на нем и работать труднее. Сериков скоро демобилизуется, но он уйдет с границы с чистой совестью—подготовил себе достойную замену. Сергей Шевцов работает уже по 1-му классу и передает и принимает, и Слава Ахаев от него немалого отстал. Но сейчас на мостике все-таки он сам, Сериков, с побелевшим от ветра лицом, сведенными к переносице бровями, нетерпеливый, резкий.

Наконец, одно из судов ответило пограничникам, что вахта видела большой катер без опознавательных знаков, прошедший с левого борта от судна.

— Попроси уточнить курс и пеленг катера!—кричит Назаренко Серикову. Тот кивает головой и посылает сухогрузу серию белых вспышек. На сухогрузе с минуту молчат, понятно—надо спросить данные у штурмана и вахтенных матросов, потом Сериков, шевеля губами (привычка сигнальщиков), принимает ответ. Но раньше, чем мы ловим последнюю вспышку прожектора, Назаренко кивает Серикову: «Понял сам» и, слетев по трапу с мостика в ходовую рубку, докладывает командиру, что катер идет к острову с севера.

Мы обнаружили его кабельтовых в тридцати от скалистой гряды, с которой начиналась северная оконечность острова. Белые надстройки на палубе катера делали его почти невидимым среди пенящихся до самого горизонта волн. На катере тоже заметили нас—он увеличил ход, стремясь войти в ворота одной из бухт, прежде чем мы отрежем его от острова. Теперь все решали скорость и маневр. Скорость была на нашей стороне, маневр—на стороне катера. Кроме того, наш корабль не мог идти к острову наперерез «цели», не обогнув прежде отмели. На этом мы теряли еще 10—15 минут.

— Боевая тревога! Личный состав по боевому постам... Корабль к задержанию... Первой осмотровой группе приготовиться к высадке. Форма одежды штурмовая, спасательные жилеты. Катер приготовить к спуску...

Команды, следующие одна за другой почти без интервала, срывали людей с места, бросали по палубе с кормы на нос, в рубки и боевые посты и опять вверх, на палубу. И в этом стремитель-

ном, казалось, неуправляемом круговороте была своя четкая, до каждого движения и шага отшлифованная, несокрушимая система, в которой каждый делал только то, что от него требовали обстоятельства.

Я находился рядом с Алексеевко, когда вдруг за его спиной вырос штурман.

— Через отмель теоретически можно пройти, товарищ командир, там есть проход, только очень узкий, вот посмотри.—Торбунаков держал в руках развернутую карту района.

— Где, давай.—Алексеевко, казалось, нестерпимо долго рассматривал синюю извилистую ленту, прорезавшую бело-голубое пятно отмели. А время не ждало. Наконец, он поднял голову.—Если не пройдем, штурман, нас потом сжуют вместе с кителями, а?.. А все-таки надо идти, риск, конечно, есть, но такое уж наше дело.—И рулевому:—Меняй курс... 180 на румбе!

— Есть!

Только потом, когда мне объяснили, что под днищем корабля в иных местах не оставалось и полутора метров воды до каменного дна, я понял, насколько было сложно и опасно идти через отмель, какие высокие умение и осторожность требовались от тех, кто управлял ходом корабля.

Проверив оружие и получив приказ на высадку, члены осмотровой группы один за другим прыгают вниз, во вставший на дыбы катер. Их пятеро—Миша Сериков, Валерий Мельниченко, Алексей Ананьев, Саша Яременко и командир осмотровой группы старший лейтенант Николай Назаренко. Катер берет с места рывком, слетая с гребня волны вниз, как с трамплина.

Идем на «малом» вдоль самого берега, «цель» от нас кабельтовых в шести мористее. Теперь ей некуда деться, разве только уходить в открытое море, но там уже катер Назаренко, который вот-вот подойдет к судну вплотную. Алексеевко приказывает встать к «цели» правым бортом, и корабль, описывая крутую дугу, подходит к судну еще ближе. Теперь я даже без бинокля вижу встревоженное лицо капитана судна и двух-трех матросов, суетливо бегающих по палубе и что-то швыряющих в распахнутый люк трюма.

Техника задержания и осмотра судов отработана десятки раз в учебной и боевой обстановке; экипаж корабля боится действия своей осмотровой группы, следя за одним бортом цели; те, кто остается на катере, после высадки товарищей для осмотра—за другим.

Назаренко, Яременко и Сериков прыгают на судно с ходу, едва их катер касается бортом низко притопленной кормы судна, пограничники встают по обе стороны рубки. Назаренко объясняется с капитаном, зачем-то надевшим на остроносое лицо черные очки. Старший лейтенант показывает рукой на трюм и сам берется за кольцо люка. Туда кошкой ныряет Яременко и начинает выбрасывать на палубу целлофановые упаковки.

Через 15 минут осмотр закончен, и, оставив двоих пограничников на борту судна-нарушителя, старший лейтенант возвращается на корабль. Он успел промокнуть с головы до ног, даже на бровях и ресницах крохотные капли воды. Когда он докладывает командиру о результатах осмотра, капельки сползают вниз на переносицу и дальше по щекам.

— ...Документы у команды не очень чистые, возможна «липа»... В целлофановых пакетах зафольгированные брикеты с порошком, напоминающим сухое молоко... Очень мощная радиостанция, таких на катерах не ставят...

Алексеевко кивает головой.

— Ладно, на базе разберемся, сигнал, чтобы шли за нами.

Краснознаменный
Тихоокеанский
пограничный округ.

Геннадий ГОЛОВАТЫЙ

Стихи

Все. Делать нечего—берусь писать стихи. Они давно ко мне не приходили. И вдруг, обычно робки и тихи, они меня среди ночи разбудили.

Они ютились где-то в глубине, на доньшке сколонувшего сердца, как в гнездышке птенцы. Их по весне я выпустить хотел на солнце греться.

Я думал: пусть пойдут на зеленя, пусть радуются радуге над речкой... Поставлю на крыло—и без меня: кто в ближний куст, кто далеко-далече.

Я думал так: закончу вот дела, отдам стихам все время и свободу, но, видно, раньше их пора пришла, не согласуясь с временами года.

И вот я в руки птенышка беру: «Куда ж ты, неразумный, в эту стужу? Да и по неотрошему перу я вижу: ты взлетишь еще не дюже».

Я говорю, боюсь его пустить, а он все крылышками бьет, все рвется: «Пусти... пусти меня... пусти... Прости-и!» Окрепнет ли в пути, иль разобьется?

На меже

Может, слишком поспешно, может, поздно уже—подхожу, безутешный, к отведенной меже.

Как возделал я поле—десятинку мою? Все казалось мне, после допашу-допою.

После стану я добрым, после стану другим, а пока что удобней быть блаженным, не благим.

Но скупее и строже оказалась судьба. И себе вот дороже: боль скрипит на зубах.

С этой скрипкою-болью как мой век дотажу? Ты простишь меня, поле. Я себя не прощу.

Переступи

Переступи себя. Всего—каким не хочешь быть. Переберись, как через лес или пучину вод. Переступи себя. Того—зарывшегося в быт. Как через горы перелезь иль через гниль болот.

Переступи, переступи замшелое в себе. На горло «горлу» наступи, коль ты «на горло» брал. И это солнце призови, и теплый свет небес, чтоб он в пути твоём, в любви, в глазах твоих стоял.

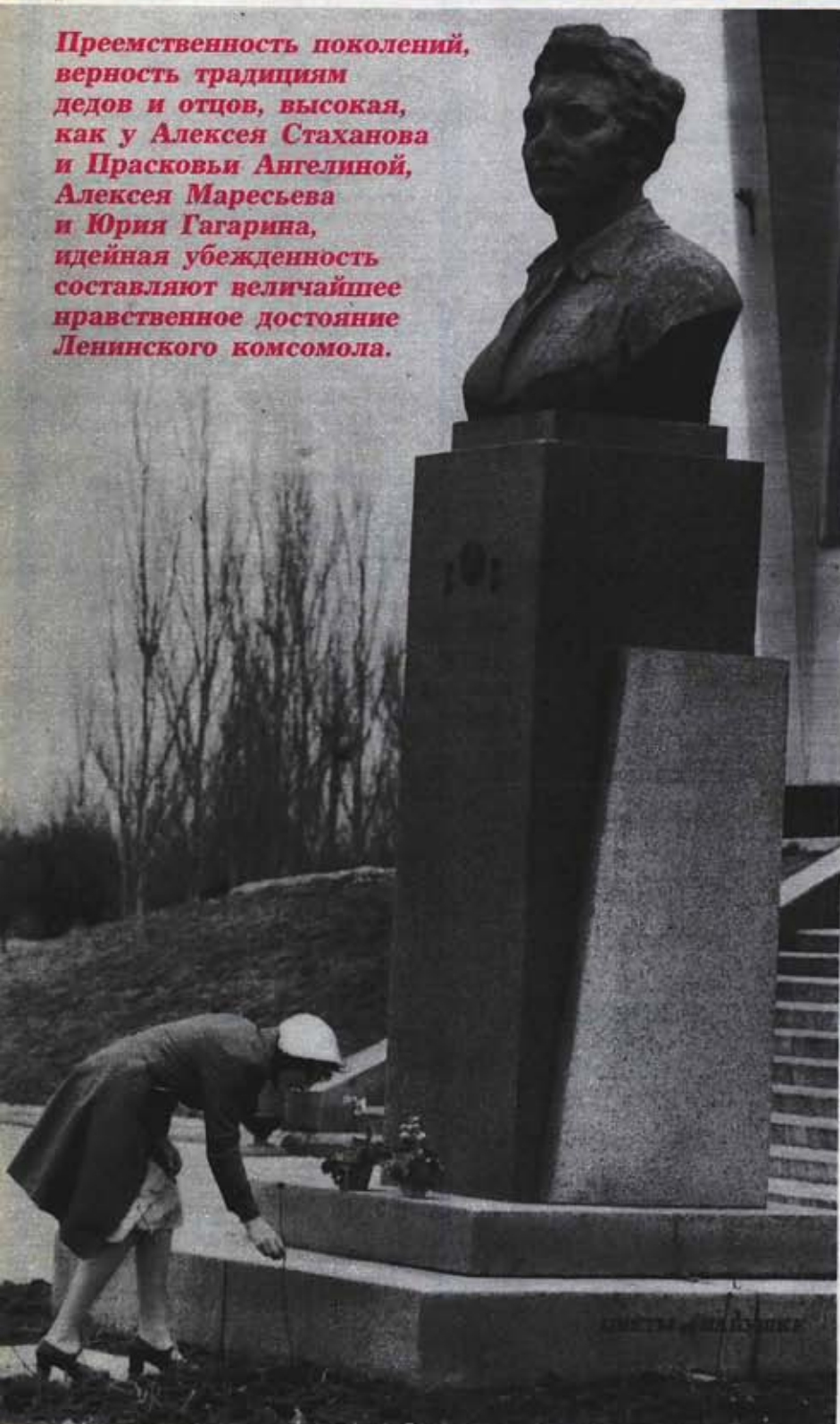
На XVIII съезде ВЛКСМ отмечалось, что силы, энтузиазм и талант комсомольцев и молодежи находят в сфере народного хозяйства страны самое широкое применение. Профессии станочника и строителя, сельского труженика, работника торговли и бытового обслуживания становятся все более молодежными. Именно здесь, в повседневном труде, пользуясь великими социальными правами, предоставленными Конституцией СССР, проходит школу профессионального и граж-

данского мужания, обретают свое призвание миллионы молодых людей, принося максимальную пользу Родине, народу. Школа — профтехучилище — завод, строительная площадка, поле и ферма, торговый зал... Этот путь, выверенный сегодня многими биографиями наших молодых современников, должен стать и стал примером для тех, кто еще выбирает свою жизненную дорогу.

Олег СПАСКИЙ. Фото Юрия УСТИНОВА. Специальные корреспонденты «Смены».

ИЗ ДИНАСТИИ АНГЕЛИНЫХ

Преемственность поколений, верность традициям дедов и отцов, высокая, как у Алексея Стаханова и Прасковьи Ангелиной, Алексея Маресьева и Юрия Гагарина, идейная убежденность составляют величайшее нравственное достоинство Ленинского комсомола.

В СРЕДУ, 21 января, в Москве умирала Прасковья Никитична Ангелина.

Константин Федин однажды писал: «Всю землю облетело слово «пятiletка» как символ нового мира. На своей родине этот символ был реальностью победоносного труда». Паша Ангелина, как и Алексей Стаханов, была символом первых пятилеток, символом реальности победоносного труда. Как и скульптура Мухиной «Рабочий и колхозница», вознесенная в 1937 году над советским павильоном на Всемирной выставке в Париже и установленная сейчас у ВДНХ. Только у Паши в руках был не серп, а руль трактора. Знаменитая трактористка, дважды Герой Социалистического Труда, призвала: «Сто тысяч подруг — на тракторы!» — и призыв этот долетел до самых дальних окраин и стал лозунгом страны, устремленной в Завтра.

21 января 1959 года, на рассвете, Паши Ангелиной не стало.

22 ЯНВАРЯ 1959 ГОДА на Урале, в Свердловске, родилась девочка. Отец ее об этом счастливом событии узнал с опозданием: он улетел в Старобешеве на похороны легендарной Паши.

Телеграмма о рождении девочки пришла в Донбасс в печальные дни. Мать Паши, Ефимия Федоровна, узнав о рождении правнучки, прослезилась и сказала коротко:

— Судьба...

На семейном совете девочку решили назвать Пашей.

— Пусть будет вторая Прасковья Ангелина, — суммировал общее мнение Николай Никитич, самый старший из братьев первой в стране трактористки, которому и поручили дать телеграмму на Урал.

— ЧТО БЫ ВЫ могли сказать сейчас о Паше? — спрашиваю я Николая Никитича.

— Имя и фамилия ей достались по наследству, от родителей, сама она не выбирала. А вот что касается дела, — долго и внимательно рассматривает «деда Колю» Пашу, сидящую по другую сторону стола, — тут уж она сама решила пойти вслед за бабушкой. Сама задумала судьбу, выбрала эту ответственность перед всей нашей семьей. Отец ее — большой трудяга. Он из тех, кто, увидев на земле гвоздь, положит его на видное место, но домой не потянет. Дочь... Лучше все-таки подождем... Очень ведь мы надеемся на нашу Пашу...

В ЧИСТЕНЬКОЙ комнате общежития Раздольненского сельского ПТУ № 10 имени П. Н. Ангелиной светло, и свежие запахи весны напоминают о неумолимом беге времени, о скором завершении учебы: Паше осталось немного. В мае — практика, работа на полях, а там, после уборки урожая — самостоятельная жизнь и работа в колхозе «Заветы Ильича». На полях, где работала легендарная героиня первых пятилеток.

За окном, на косогоре — трактородром, где одна за другой тянутся три учебных машины «Т-150», «ЮМЗ-6ЛС» и «К-700», потом — изумрудная зелень озимых, а дальше, примерно в километре от нас, синий штакетник могильных оград деревенского кладбища и белые дома с крашеными крышами — там уже начинается село Васильково.

Сельское профессионально-техническое училище № 10 пристроилось в том месте, где Волноваха сливается с Кальмиусом, в степном этом краю речки неторопливы и негромки, и от них веет не одной лишь свежестью, но и покоем.

— Всю вашу жизнь, не слишком пока дол-

ЗАВЯТКИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ

...И ПРАКТИЧЕСКИЕ

гую, вы шли к будущему своему делу, Паша, так ведь?..

— Нет, придумывать не стану... На Урале я только родилась, а потом семья вернулась сюда, в Донбасс. Папа, Геннадий Иванович, работал и одновременно учился, окончил сельскохозяйственный институт в Мелитополе, стал инженером-механиком, работает сейчас он на Угледорской ГРЭС, а живут мои родители недалеко отсюда, в Дебальцовском районе, в Светлогорском. Часто в воскресенье, а в каникулы уж непременно, я еду домой.

А мама моя, Людмила Савельевна, мастер-швея. И у нас в школе девочек учили шить. У меня, кажется, получается: платья, юбки на мне — чаще всего собственного производства.

Конечно, у нас постоянно вспоминают Прасковью Никитичну. Папа вырос в доме бабушки и много рассказывал мне о нашей большой семье, где жизнь многих была связана с работой на тракторе, но вы, наверное, знаете об Ангелиных?..

Знаю. Знаю, что на тракторе работали не только братья Прасковьи Никитичны. Клич «Сто тысяч подруг — на тракторы!» всколыхнул двести тысяч женщин, и среди них сестер Паши Лелю и Надю. Знаю, что в трудные дни гитлеровского нашествия бригада Паши эвакуировалась в Западный Казахстан, тракторы шли туда своим ходом, и пока мужчины сражались на фронтах Великой Отечественной, работала в Буденновской МТС женская бригада Ангелиных — Паша, Надежда, Елена, их племянница Марксина — дочь Николая Никитича (родилась она в день рождения Карла Маркса) и Катя, жена брата.

И, право же, не кажется удивительным, что девочка все чаще задумывалась о работе в поле, что решила в конце концов Паша пойти учиться в сельхозинститут в Мелитополе,

чтобы стать высококвалифицированным механизатором. Вот тогда-то и случился у нее разговор с папой, который усомнился в верности избранного дочерью пути:

— Какой же смысл поступать в институт, если ты не знаешь толком будущей своей профессии? Испытай сначала, что такое работа в поле, попробуй сама хлеб вырастить и убрать...

И чем ближе становился день выпускного бала, тем чаще заглядывала Паша в семейный альбом, рассматривая чуточку пожелтевшие от времени карточки: бабушка Паша за рулем «Фордзона», бабушка Леля у «СТЗ-НАТИ», бабушка Надя — на новеньком «ХТЗ».

И повезла свои документы Паша не в Мелитополь, а в Раздольное. В сельское профессионально-техническое училище № 10 имени П. Н. Ангелиной.

Имени бабушки Паши.

У ВХОДА, в главном коридоре старого корпуса, на самом видном месте громадный портрет знаменитой трактористки. И известные слова, которые написала она в ответ на письмо Ефима Егоровича Киселева из Сибири: «Если бы нашелся человек, который сказал бы мне: «Вот твоя жизнь, Паша, начини свой путь сначала», — я, не задумываясь, повторила бы его с первого до последнего дня и только лишь постаралась бы идти путем еще более прямым».

Рядом с портретом стенгазета «Рабочая смена», кумачовый лозунг «60-летию ВЛКСМ — достойную встречу!», а на противоположной стене приказ от 7 марта 1978 года: «За хорошую успеваемость и примерное поведение в быту объявить благодарность следующим учащимся: гр. № 9 — Пастушенко Л., гр. № 1 — Ангелиной П., Лоскутовой Л.».

Лариса Лоскутова и Паша Ангелина живут вместе. В одной комнате. Лариса — первая подруга и первая помощница группкомсорга Ангелиной.

Девушки приглашают нас к себе в комнату,

ОНИ НЕРАЗЛУЧНЫ — ЛАРИСА И ПАША.

и пока они сговариваются, как построить сегодняшний вечер, рассматривая учебники, книги, расписание занятий. Два года в училище—это десятки часов агрономии и обществоведения, слесарных работ и эстетики, правил дорожного движения и устройства автомобиля, электрооборудования и физкультуры, сельхозмашин и начальной военной подготовки, устройства и работы трактора и комбайна, правил техники безопасности.

У подруг много общего, но самое главное сходство, пожалуй, в том, что не стояла перед ними проблема профориентации. Обе выбрали дело по наследству. Семейное дело. И у Ларисы мама в молодости работала трактористкой. Здесь же, в Старобешеве. И старшие сестры, Тамара и Нина, трактористки, механизаторы широкого профиля. Тамаре сейчас 28 лет, она, между прочим, была делегаткой XXII съезда комсомола Украины. Нине 23 года, она удостоена почетного звания «Последовательница Паши Ангелиной» и ее избрали делега-

готовить высококвалифицированных рабочих со средним образованием.

У этого училища долгая история. Четыре земских общества, объединив свои усилия, начали строить в 1909 году учебный корпус сельскохозяйственной школы, которая в 1915 году выпустила первых младших агрономов. В тридцатые годы здесь работали шестимесячные курсы трактористов и комбайнеров, в их распоряжении были пять тракторов «Фордзон», конная молотилка, однокорпусные плуги, жатки-лобогрейки и зерновые сеялки марки «Эльварти». Сейчас же у Паши, Ларисы и их 430 товарищей более тридцати современных тракторов, комбайны «Колос» и «Нива», 14 автомобилей, свыше 90 различных сельскохозяйственных машин. В учебном хозяйстве 212 га земли. Кабинеты ПТУ оснащены новыми техническими средствами обучения, такими, как «Светязь» и «Сигнал-1».

На первую очередь реконструкции училища отпущено 990 тысяч рублей.

НА ЭТОМ ТРАКТОРЕ РАБОТАЛА ЗНАМЕНИТАЯ ГЕРОИНЯ ПЕРВЫХ ПЯТИДЕТОК.

том нынешнего XVIII съезда ВЛКСМ. Обе учились в ПТУ № 10, обе стали первоклассными трактористками.

Лариса с 14 лет каждое лето проводит в поле. Работала помощницей у сестер.

— А трактор, даже хорошо отлаженный,—рассказывает Лариса,—не всегда работает как часы. Вот Тамара или Нина и говорили мне—там подмажь, тут проверь, сюда масла добавь. Так и изучала трактор. Это легче, чем по схеме или в кабинете, у станда. Сестры работают в колхозе имени Ленина, в бригаде Марии Семеновны Трандафиловой. И меня обещали к себе взять. Станет нас трое: буду всегда работать в селе. Работать и учиться. Как Нина, например. Она в Киеве уже на пятом курсе техникума. Заочница. Только вы не пишите, что я уже что-то сделала. Вот сестры у меня...

— СЕМЕЙНЫЕ трудовые династии для нас не редкость,—поясняет директор сельского ПТУ № 10 Павел Григорьевич Сиваш.—Здесь учились когда-то, например, Софья Дурбой и ее муж Юрий. Хорошими механизаторами стали. А теперь у нас занимается их сын—Михаил.

Это самый надежный, конечно, путь профориентации: кто лучше, с большей заинтересованностью расскажет детям о будущей профессии, чем его родные...

Директор знакомит с училищем. Заканчивается строительство учебного корпуса на 720 мест, мастерских на 600 учащихся. Возводятся здание гаража, помещений для комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Во вторую очередь будут построены еще два общежития, в каждом из которых смогут разместиться по сто учащихся.

Сельское ПТУ № 10 на пороге больших перемен: в новом учебном году оно будет переведено в категорию средних училищ, что означает, что отныне в Раздольном станут

— Мы посылаем свой автобус в близлежащие школы, привозим сюда старшеклассников, проводим их по кабинетам, лабораториям, учебным мастерским, приглашаем пообщаться с нами в столовой, потом школьники смотрят, как работают наши ребята в поле,—рассказывает Павел Григорьевич Сиваш.—Это важные ступени профориентации, но не меньшее значение я придаю тому, что рассказывают о своем ПТУ сами учащиеся, родители, бывшие наши выпускники...

СТАРОБЕШЕВО. Бюст, установленный в честь дважды Героя Социалистического Труда Паши Ангелиной. Депутата Верховного Совета СССР пяти созывов. Члена Комиссии по редактированию Конституции СССР, принятой в 1936 году.

Дом культуры имени Паши Ангелиной. Проспект Паши Ангелиной.

Музей Паши Ангелиной. Рядом с ним на невысоком постаменте установлен старенький трактор, на котором работала легендарная героиня.

— Я читала в «Сельском механизаторе», что один человек до сих пор работает на таком тракторе. Как же надо любить свою машину!—с уважением восклицает Паша.

Мы рассматриваем в музее старые фотографии, и Паша говорит:

— Несправедливо, что ко мне и к Ларисе пришла вдруг известность. Это преждевременная слава. Лоскутова и я ни при чем. Пока мы—в будущем. Думают, нам легче—еще бы, дескать, такая родня! А нам труднее, чем друзьям,—ведь нашу жизнь, нашу работу всегда будут измерять великим масштабом. Тем, что совершила «бабушка Паша». Тем, чего добились мама и старшие сестры Ларисы. А нам... Нам тянуться и тянуться до них...

СОГЛАСИТЕСЬ, что может быть и такое решение проблемы профориентации.

После выступлений «Смены»

Статья «Взаимная ошибка» («Смена», 1978 г., № 3) правильно поднимает вопросы, касающиеся работы Житомирского обкома ЛКСМУ.

Выступление журнала обсуждено на заседании бюро обкома ЛКСМ Украины, на котором обращено внимание Житомирского горкома, Богунского райкома ЛКСМУ, комитета комсомола завода «Электроизмеритель» имени 50-летия СССР на недостаточную работу по закреплению молодежи на производстве, развитию движения наставничества. За односторонний подход к проверке письма С. Кондикова первому секретарю Богунского райкома ЛКСМУ г. Житомира И. Згонниковой строго указано. заведующему отделом рабочей и сельской молодежи обкома ЛКСМУ С. Черепяному указано.

Персональное дело члена ВЛКСМ С. Кондикова рассмотрено на заседании комитета комсомола фабрики музыкальных инструментов, где он теперь работает, и бюро Королевского райкома ЛКСМУ г. Житомира. За утерю комсомольского билета, несвоевременное снятие с учета, неуплату членских взносов ему объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку члена ВЛКСМ. С. Кондикову выданы новые комсомольские документы, дано постоянное комсомольское поручение, за ним закреплен опытный наставник.

Принимаются меры к устранению отмеченных недостатков и недопущению их в будущем. На заводе «Электроизмеритель» разработаны условия труда работы наставников, улучшилась индивидуальная работа с молодыми рабочими с учетом их интересов и особенностей. Готовится к открытию музея трудовой славы.

ЦК ЛКСМ Украины указал первому секретарю Житомирского обкома комсомола М. Чигирю на необходимость более внимательно подходить к проверке писем и заявлений комсомольцев.

Н. БЕЛОБЛОЧКИЙ, секретарь ЦК ЛКСМ Украины.

ЕСТЬ

Игорь СЕРКОВ

А казалось, рассчитал все правильно...

Столько слышал, как особенно тяжел первый день—бесцельное мыканье по пустой квартире, раздражающе-бодрый голос диктора по радио, недвижущиеся стрелки тикающих часов,—вот и придумал заранее подгадать все так, чтобы последний его на Магнитке рабочий день пришелся на пятницу. Весь расчет заключался в том, что можно будет целых два дня думать, что это обычные выходные... Как ни уговаривал он себя спать, в шесть, как обычно, был на ногах. Подошел к окну. По проспекту Металлургов уже вовсю валил народ, отправляющийся в ежедневное свое путешествие на другой континент—из Европы в Азию, на левый берег Урала, на комбинат. И это тоже было привычно. И понятно. Только вот у него день необычный, из какой-то другой, словно и не его жизни. Он стоял и смотрел на улицу, а его память в это время прокручивала перед ним картины прошлого, путая, как неумелый киномеханик, последовательность частей. Но ему все было понятно—ведь это была его жизнь. Там было море с зеленой водой и пыльное поле сахарной свеклы с побелевшей под солнцем землей, слишком жесткой для босых ног, и пятьдесят копеек за день работы на нем. И хриплые от курева, пугающе веселые голоса беспризорников: «Эй, Тарантас, айда с нами до Киева! Там житуха!..» И Саша Бричко только беззвучно мотал головой в ответ. Бросить бабушку, бессильно угасавшую под тяжестью всех выпавших ей утрат и беспросветных усилий выжить самой... выжить, чтобы выжил последний оставленный ей судьбой родной человек—внук... А потом был Керченский металлургический, комсомольская ячейка и в 1931-м—командировка на Магнитострой...

И сейчас, когда его память металась по его прошлому, как залетевшая в комнату птица, она все-таки сохранила обычное свое свойство—перепрыгивать из детства сразу в Магнитку. Как ни старайся ее попридержать, все равно упорхнет...

Их было пятнадцать. Барак стоял еще без окон и дверей, и они улеглись все в одной комнате на полу, хотя свободные комнаты были. А когда утром проснулись, все комнаты оказались уже заняты. Работы электрику Бричко хватало. Лопаты и грабарки большинству строителей были привычнее заграничных механизмов. А к мировым рекордам знаменитой комсомольской интернациональной бригады Хабибуллы Галиуллина он имел самое прямое отношение—их бетономешалка «Егор» емкостью 375 литров находилась на полном его попечении. И если она вдруг не выдерживала ударных темпов, электрику бывало туго. Но он не обижался. На кого? На ребят, которые, отработав смену, на себе доставили на площадку три платформы песку, узнав, что смен-

ТАКАЯ ДОЛЖНОСТЬ...

Магнитогорский металлургический комбинат имени В. И. Ленина — крупнейшее предприятие страны. Производственный и морально-политический опыт, накопленный его коллективом, непрерывно обогащается новыми идеями.

К воспитанию у молодежи коммунистического отношения к труду здесь широко привлекаются ветераны партии и комсомола, люди высокого рабочего звания. На комбинате создан институт заместителей начальников производств (цехов) на общественных началах по воспитательной работе с молодежью.

щикам его не хватит... И солнце валилось за горизонт, словно жалея строителей. Но эта жалость их не устраивала, и Саша Бричко карабкался на столбы, и в дымном желтом свете установленных им прожекторов работа продолжалась. В декабре 1931-го 8-я батарея коксохимкомбината выдала первый коксовый пирог Магнитки. И Саша Бричко был среди тех, кто «выпекал» его. А 31 января 1932-го он среди тысяч строителей в лютый мороз у костров ждал первый чугун Магнитки у домны, равной которой тогда не было в мире, и плясал от радости, увидев его ни с чем не сравнимый свет...

Командировку на Магнитку ему выписали на год. Он сам продлил ее себе еще на тридцать девять лет. И что же теперь, хочешь не хочешь, а подводи окончательный итог... Он обернулся. Жена стояла в двери и смотрела на него.

— Знаешь, Надя, схожу-ка я на комбинат.

— А пропуск?

— Да... Ну, я на территорию не пойду.

В. И. Каконин, социолог.

«Это ощущение утраты, какой-то несправедливости было взаимным. Мы понимали, что уходят от нас люди, которые не только создали Магнитку, но и еще очень и очень много могут ей дать. И именно сейчас, когда мы столько занимаемся молодежью...

На ММК накоплен достаточный опыт по трудовому воспитанию. Координирует и направляет всю работу совет по профориентации. Разработана подробная система совместной воспитательной работы коллектива комбината, базовых ПТУ и подшефных школ с учащимися и молодыми рабочими, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания».

И вот собрался уходить Шатилин... Теперь нам понятно, что идея не могла не возникнуть. Не могла потому, что был Шатилин.

Шатилин Алексей Леонтьевич. Родился в 1910 году в деревне Рыжовка Курской области. Почетный гражданин Магнитогорска. Проработал в доменном цехе ММК 43 года. Участвовал в плавке первого чугуна Магнитки. Задувал девять из десяти ее печей. Только за одну военную пятилетку награжден тремя орденами Ленина. Лауреат Государственной премии. Воспитал более 800 учеников. Нахануне XVII съезда ВЛКСМ Шатилина Алексея Леонтьевича было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Просто никто не мог себе этого представить — Магнитку без Шатилина. Не укладывалось в голову. Знали, сколько ему уже стукнуло, что большая нога доминает его все сильнее, и все-таки...

В Москве, в Голубом зале «Комсомолки», его спросили:

— Слышали, вы на пенсию собираетесь, Алексей Леонтьевич?

— Собираюсь, — ответил он и добавил то, что уже давно знал про себя, — но в цехе я останусь, потому что от молодежи уходить не собираюсь.

В 1974 году приказом по ММК Шатилин А. Л. был назначен заместителем начальника доменного цеха по воспитанию молодежи на общественных началах.

Он уже не был обер-мастером, но остался для всех Шатилиным. И случилось, начальник ночной смены звонил ему утром домой и докладывал: «Смена прошла нормально, происшествий никаких...» Или начальник цеха заботился на рапорте: «Сегодня Дед должен зайти, так что имейте в виду...»

Он и сам оставался тем же Шатилиным. Знающим, как родную, каждую из десяти своих домен, знающим про каждого горнового, как он живет, сколько зарабатывает, на что тратит, учится по вечерам или гоняет на мотоцикле... Да что там мотоцикл по нынешним временам! Вон братья Грабко — один машину купил, а второй квартиру кооперативную трехкомнатную, — а учебу все на будущее откладывают. И в то же время он обживался в необычной своей новой должности и с мудрой основательностью старого мастерового разбирался, как сможет он принести в этом деле наибольшую пользу людям.

Теперь, придя в цех, он первым делом заходил в комитет комсомола, где вникал в дела «молодой» секретарь Коля Головин.

— Вот ведь забота... Нашим баскетболистам потренироваться негде, а в подшефном ГПТУ зал новый, только свободных часов нет.

— А почему он тебе пустой нужен? Пусть ребята из училища вместе с нашими доменщиками занимаются — привыкают к коллективу.

Николай Головин, секретарь комитета ВЛКСМ доменного цеха.

«Удачи бывают разные. Бывает, что правду про свою удачу человек поймет через много лет. Так вот мне дважды повезло по-настоящему — это я знаю точно. Во-первых, как доменщику. Могу сказать: прошел школу Шатилина. На Магнитке лучшей рекомендации быть не может. Во-вторых, как секретарю. Работаю, а Алексей Леонтьевич всегда рядом. Могу рассчитывать на его помощь, совет».

...Однажды директор базового ПТУ рассказал ему, как набираются обычно группы доменщиков. Желающих — раз-

два и обчелся. Уговаривают тех, кто не попал в другие группы. И все равно доменщиков каждый год меньше всех. Рядом были преподаватели, подбрасывали живописные эпизоды. Видно было — переживают. А он молчал, слушал. И хотя в цехе проблем с кадрами пока особых нет, именно тогда он решил для себя, что на сегодня должно стать главной его заботой, — школа, весь тот клубок, что называют длинным и неуклюжим для русского уха словом — «профориентация». Сам он говорит, что задача его в том, чтобы ребята жизнь поняли. Не свою, не палину, не Славки из четвертого подъезда, а и свою, и родителей, и товарищей, и завода, и города, и страны... И так, чтобы в их жизни свою видеть, а в своей — их.

ПОЛОЖЕНИЕ
о заместителе
начальника производства,
управления, цеха по воспитанию
молодежи на общественных началах

1. Заместителем начальника производства, управления, цеха по воспитанию молодежи назначается ветеран труда комбината, обладающий организаторскими способностями и имеющий опыт общественной и политической работы. Его назначение производится приказом директора комбината по представлению руководства и общественных организаций производств, управлений, цехов.

2. Заместитель на общественных началах занимается организаторской работой по воспитанию молодых рабочих и специалистов на трудовых традициях комбината...

3. В своей работе заместитель на общественных началах руководствуется планами воспитательной работы, утвержденными советом по работе с молодыми рабочими комбината.

4. При организации мероприятий по работе с молодыми рабочими заместитель начальника на общественных началах действует от имени начальника и опирается в своей деятельности на общественные организации производства...

5. Заместитель начальника производства, управления, цеха по работе с молодежью на общественных началах имеет право:

— ставить вопросы по работе с молодыми рабочими перед руководством цеха для их рассмотрения и решения; — для организации и исполнения мероприятий привлекать любое должностное лицо производства, управления, цеха по согласованию с начальником...

6. Методическую помощь заместителям на общественных началах оказывает отдел кадров комбината.

Владимир Ларин, секретарь комитета ВЛКСМ ММК.

«Это уже второе наше положение.

Первое, принятое одновременно с назначением Шатилина, содержало одни обязанности и ничего не говорило о правах. Нам очень хотелось, чтобы эта идея оказалась живой. И, конечно, мы надеялись, что за Шатилиным последуют другие. Но мы не считали, что это зависит от нас, от руководства комбината. От наших ветеранов зависело, будет это дело жить или заглохнет, как это часто случается с иными начинаниями. Мы не собирались никого уговаривать на эту должность. Смысл был в том, что человек сам взваливает на себя эти обязанности. А они ой какие непростые!..

Вслед за Шатилиным заместителями по ходатайствам своих цехов стали Фальковская и Пиотровский. С тех пор прошло уже три года, и многое произошло. Так, оказалось, что у каждого заместителя свой индивидуальный стиль, своя метода, что называется...

...Трамвай мог в любой момент тронуться, и все равно она прошла мимо прицепного вагона и села в моторный. И сама над собой посмеялась: так и не отучилась от привычки главного инженера управления трамвая ММК — всегда ездить только в моторном, чтобы в случае чего сразу подойти к водителю. На конечной все вышли, она осталась. Выглянула водитель.

— Гражданка!.. Ой, Ида Львовна!.. В мастерские?

— В мастерские. Скоро сессия, Надя?

— Ой, не говорите!

В годы войны здесь было единственное депо и вообще все хозяйство магнитогорского трамвая.

...Сначала их эвакуировали в Сталинград. Там, в вагонных мастерских, днепропетровцы наладились выпускать направляющие для «катюш», но в августе сорок второго опять эвакуация... Через Волгу она переправилась на случайной моторке. От пуль и осколков кипела вода... Эшелон она не нашла. Пожилой железнодорожник, признав в ней по форме свою, сказал, что эшелон уже отогнали километров на семь. «Бегать-то умеешь быстро?.. Тогда давай прямо по путям — не запутаешь. Может, и догонишь...» Она догнала — благо бежать было легко, вещей никаких, только буханка хлеба в руках.

В конце концов попала в Магнитогорск. Ее назначили главным инженером трамвайного депо, которое входило в состав ММК на правах цеха. Трамвай Магнитки тех лет! Семнадцать поездов из рассыпающихся на ходу «казанских» вагонов. В диспетчерской греются кирпичи — девчонки подкладывали их себе под ноги, чтобы не обморозиться за смену. И похоронки, похоронки... И все-таки трамвай ходили как по часам — с интервалом в две минуты. А в вагонах большие глаза, совсем еще мальчишеские лица — рабочий класс военной Маг-

нитки. И о них в «Правде» 43-го года: «Своей героической работой магнитогорцы умножают славу Урала, ставшего металлической опорой нашего фронта».

Ее окликнули. Слава Повелица и Сережа Климов! Два веселых здоровяка — наставник и подшефный. Только сейчас их уже правильнее друзьями называть. И на лыжах вместе и в баньку по субботам, Сережа недавно женился, так теперь у них и жены подруги...

— А что же это у вас с бандажом? Перегрели?.. Как нет, а этот цвет «побежалости» тогда откуда?

— От вас, Ида Львовна, ничего не спрячешь! — смеется Повелица.

— От меня как раз спрятать можно, а вот от него, товарищ наставник, — она показала на Климова, — не скроется.

— Да это просто партия такая, — вступился за наставника Сережа. — Все колесные пары поступили такого цвета.

— Ох, и жизнь! — покрутил головой Повелица. — И Шахматова сегодня тут. Ты, говорю, такая шустрая стала, как секретарем выбрали. А у меня теперь, это она мне, значит, отвечает, теперь каждый день две зарядки: первая в 8.30 — Ида Львовна по телефону звонит, вторая — в 10.00 — Ида Львовна в управление пришла. Забегает! А вот и товарищ секретарь собственной персоной!.. Летит...

— Свищова на курсы шоферов забирают! — еще на ходу сообщила Лилия. — Сколько мы с ним бились, до одиннадцатого класса дотянули! — и пожалуиста, теперь он может на законном основании не учиться.

— Обидно. Причем самое-то обидное, что это не первый случай. Надо это дело как-то вместе с военкоматом решить. Я тогда прямо Буйвиду сегодня позвоню и поговорю с ним. А сейчас давай-ка поищем Бухарина — тут двух ребят из ПТУ на практику прислали, надо подумать, кого к ним в наставники определить.

Так теперь у них всегда. Каждому практиканту из ПТУ — наставник. Сделать это непросто, зато они давно убедились, что вернее пути в коллектив нет. Да и управлению важно знать, какая идет смена. А это очень хорошо можно будет представить по той характеристике, которую после практики напишет своему подшефному каждый наставник. И когда уже полноправными рабочими ребята придут в цех, им не придется привыкать к наставнику — постарайтесь прикрепить того же самого, что опекал во время практики. И так — год. А потом комиссия по работе с молодыми рабочими придет в цех, выслушает всех заинтересованных лиц и решит, может ли человек уже работать самостоятельно. Некоторые к такой самостоятельности очень стремятся, а бывает и по-другому. Вот Галя Дуденко. Ее наставница уходила на пенсию. «Ну, что, Галя, сможешь работать одна?» «Смогу. Только дайте мне, пожалуйста, другую наставницу!» «Да почему?» «Понимаете, привыкла уже, что есть рядом человек, с которым всегда можно поделиться». «Так, может, к тебе лучше практикантку прикрепить?» «Не знаю». «А ты подумай». «Ладно».

— Здравствуйте!

Фальковская остановилась. Володя Никитин. Молчит, а смотрит во все глаза.

— Я договорилась, Володя. Через две недели переведем тебя во второе депо.

— Только через две недели!

— Раньше нельзя. Надо дожидаться, пока ребята вернутся с практики. Только давай условимся: никаких чудес.

Вот уж никогда не думала, что придется с таким столкнуться. Поступил паренек на работу, и вдруг на следующий день — прогул. Вызвали на бюро. Что? Как? Молчал, а потом: проспал. Не могу утром сам встать. Ставлю будильник в пустую кастрюлю, чтобы сильнее

звенел, — и все равно. Ребята в общестии подтвердили — действительно. Ему еще не было восемнадцати, и она договорилась, чтобы Никитину разрешили выходить на работу на час позже. И парня нашла, чтобы тот будил его по утрам, только вот тот из второго депо.

Потом она будет звонить в больницу, чтобы посоветоваться с врачом о другом парнишке. После травмы головы ему очень трудно учиться: час над книжками — и начинается страшная головная боль. А учиться хочется. Может быть, все-таки можно что-то сделать? Потом вместе с секретарем партбюро Юрием Павловичем Путиныхим, которого она по тем военным годам помнит бледным мальчиком, всегда готовым что-то нарисовать для стенгазеты или написать стихи для вечера, они будут готовить распоряжение о создании первых в управлении комсомольско-молодежных бригад и думать об организации социалистического соревнования между ними. А вечером она поедет в общежитие, а потом, рассказывая на комиссии по работе с молодыми рабочими о не очень приятном случае, в котором она разбиралась, будет краснеть так, словно в случившемся виновата она сама.

Б. И. Буйвид, начальник отдела кадров ММК:

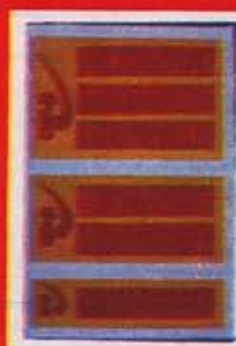
«На нашем комбинате 70 производственных подразделений. Примерно на 45 из них мы считаем целесообразным иметь заместителя начальника на общественных началах. Сейчас у

нас на этой должности работают 16 ветеранов комбината. Оформляем еще троих. Как видите, не спешим. Должность такая. Нужен человек, который, с одной стороны, хотел бы на ней работать, а с другой — мог бы добиваться конкретных результатов. А для этого нужен авторитет не только внутри цеха, но и за его пределами. Потому что совершенно очевидно теперь, что их сила не в должности, а в них самих, в их знании жизни, людей, производства. В умении добиваться. Важный момент — совместимость между начальником производства и его заместителем на общественных началах. Мы обязали начальников всячески содействовать своим замкам, но... Без уважения друг к другу, без понимания друг друга много они не наработают. Это я и по собственному опыту знаю, не только теоретически — у меня тоже есть заместитель на общественных началах. Это бывший секретарь партбюро доменного цеха Гомонков Петр Иванович.

Приезжали к нам представители других предприятий, интересовались нашими замками... И предлагали: а может, стоит им оклад определить, чтобы охотнее шли? Мы считаем, что такие товарищи ничего не поняли. Не поняли главного — что это люди, работающие не из-за денег, но считающие свою нынешнюю работу своим партийным и человеческим долгом. Об этом все знают. И именно этим они как раз сильны.

Сейчас успешно работают П. С. Тарасов, М. М. Литошенко, А. И. Бричко, М. А. Высоцкий, Я. Б. Фурман и другие. Кстати, жизнь, как это обычно бывает, вносит в наши планы коррективы. Мы были совершенно убеждены, что должность заместителя на общественных началах — для тех, кто ушел на пенсию. А вот Яков Борисович работает, и до пенсии ему еще далеко...

— Я калибровщик. Специалист по пластической деформации металлов. Кандидат технических наук. У нас это не редкость. Великий Глум-Гржимайло, первый русский калибровщик, писал, что это люди, способные глубоко думать, а того, кто на это не способен, учить калибровке все равно, что учить бульдога тригонометрии. А еще у меня есть свое представление о комсомоле. Вернее, образ комсомола. Однажды в Первомайске, где я родился, по улицам шла колонна комсомольцев. Все в юнштурмовках, все сильные, удивительно красивые, настоящие хозяева страны! А мы, мальчишки, семенили следом и мучительно завидовали... С тех пор я себе комсомол иначе не представляю — отряд лучших, увлекающий остальных. И вдруг мы замечаем года два назад, что у нас в сортопрокатном, где всегда много молодежи, комсомольцы среди нее словно затерялись и ничем не выделяются. Беспокоило это, разумеется, всех. А мне просто обидно было за комсомол. Чтобы сломать ситу-

ацию, кто-то должен был в это дело влезть с руками, ногами и головой. Кто? У руководства нашего и без этого забот выше всякой нормы. А почему не я?

Пришел я к Владимиру Александровичу Масленникову и Римату Гафиятовичу Загитову—это наш начальник цеха и парторг—и предложил: «А что если я попробую заняться нашей комсомольской организацией? Только мне нужна, разумеется, ваша помощь». «А время где возьмешь? Ты же работаешь». «Найду». Ну, они оба в прошлом калибровщики, знают—возможно. Уплотнить рабочий день, подработать в субботу, в воскресенье... Договорились.

А начать с чего? Решили заходить с двух сторон разом: поднять резко авторитет организации внутри цеха и сплотить ее изнутри. По цеху был издан приказ: ни одного повышения разряда молодому рабочему без обсуждения на бюро комсомола и решения собрания. Присутствие секретаря бюро при распределении квартир обязательно. В самой организации, не мудрствуя лукаво, решили начать с начала—с собрания. Ненавижу длинные собрания, которые свидетельствуют только о бездарности организаторов. После ночной смены высиживать часы говорильни! Раз послушал, а в другой не пошел. Решили с нашим секретарем Женей Подполовым так: максимум конкретности, краткости и максимум эмоциональности. Эмоциями пробиться за рационализм и деловитость, которую они склонны путать с дельностью, за маску равнодушия!

На первое собрание пригласили ребят из музучилища. Во второй части собрания они выступили с программой «Песни пламенных лет». Говорили об истории каждой песни, о времени, когда она создавалась, о людях. Вроде задуманное получилось. Второе собрание посвятили спорту. Решили провести спортивный праздник. С пэтзушниками, конечно,—у нас с ними все общее. Хлопот было!.. И, как нарочно, накануне резко похолодало. Утром я дрожал на стадионе—от холода и страха, что никто не придет. Пришли. Даже больше, чем мы рассчитывали. Семейные с детьми. Хотя я бы своих, наверное, не рискнул привести...

Потом взялись за кружки по интересам. Ну, первым делом, конечно, ансамбль. С аппаратурой плохо. Я в доме отдыха у тамошнего ансамбля все марки и названия переписал, а где их взять? Затем изостудия, фотостудия, молодежное конструкторское бюро... Везде у нас обязательно ребята из ПТУ и подшефной школы. В конструкторском бюро мы специально подбираем для выпускников ПТУ темы для выпускных работ, связанные с узкими местами нашего производства. Посильные, разумеется. Им потом интересно приходиться к нам—уже с идеями, которые можно попробовать внедрить. Правда, для этого еще и характер требуется: во какой! Я заметил, что молодежь от рационализации отталкивают два обстоятельства: неверие в свои силы и элементарное незнание порядка оформления предло-

жения. Справиться с этими причинами нашему кружку вполне по силам.

У нас далеко не все идет гладко. Трудностей в каждом случае куча. Хорошо, когда дело закрутилось и пошло. Но и закрутить совсем не просто, и потом еще надо крутить и крутить, чтобы не стало. Что поделаешь, известно, что вечного двигателя не существует в природе. А главная ошибка—начать дело, не найдя лидера или группу лидеров, которые поведут за собой остальных.

А потом как-то в цехе подошел ко мне Масленников. И предложил должность заместителя на общественных началах. Поговорили.

«Владимир Александрович, я не хотел бы просто числиться на должности. А того, что я делаю, для этого, видимо, мало».

«Занимайся тем, на что тебя хватает». А я не люблю быть в телеге—когда залез в нее, а тебя повезли, а ты и едешь, куда везут. Лучше я сам повезу, только буду знать, куда и зачем.

«Хорошо, я согласен. Только я хотел бы работать двумя руками, а не так, чтобы одной зад прикрывать. А для этого мне нужна полная ваша и Римата Гафиятовича поддержка. А что я за человек, вы знаете. Вот и думайте».

«По рукам».

Не нравится мне только, что сразу после приказа мастера и бригадиры стали таскать ко мне прогульщиков и прочих провинившихся на расправу. Положение у меня выходит безвыход-

ное—ну, и начинаю я парня в присутствии мастера распекают. А иногда и девушку. Как вы думаете, после такой «беседы» я потом смогу с кем-нибудь из них по-человечески поговорить? Не подумайте, будто я считаю, что прогулы меня не касаются. Еще как! Только я хотел бы бороться с ними по-другому. Пришел с этим к Масленникову.

«Так это же хорошо. Значит, тебя признали».

«Но я же не этого хотел!»

«Ладно, потом мы это дело приостановим, а пока утверждайся».

Сейчас у нас всех одна великая забота—профориентация. В принципе дело с ней поставлено у нас на комбинате неплохо. Есть традиции определенные, а это много. Всегда так бывает: сначала ты работаешь на традицию, а потом она на тебя. Но опять же надо крутить...

А то получается иногда так: пришли ребята из подшефной школы в цех, им грохочущие наши валки, жар, пот и копоть покажут—и готово, увели. «Что же вы делаете?»—спрашиваю.—«Что они теперь о цехе подумают? Почему вы их в машинный зал, где у нас вся аппаратура, автоматика, не сводили?»—«Туда нельзя, посторонним вход запрещен». «Так они у вас действительно посторонними на всю жизнь окажутся. Вы бы хоть дверь в зал открыли, показали, что там!» Бегу к Римату Гафиятовичу—что-то тут срочно надо придумать...

Б. И. Буйвид, председатель совета по профориентации.

«Мы не стремимся подчинить работу наших заместителей на общественных началах каким-то жестким рамкам, обязательствам. Доверяем им полностью, потому что уверены—их богатейший производственный и жизненный опыт позволит каждому из них найти свое место в общей системе работы с молодежью на комбинате. Но в их судьбах есть общее—они создавали Магнитку или долгие годы работали на ней. Оно и объединяет всех наших заместителей, таких разных и непохожих, и дает им право обращаться к молодым не от себя лично—от имени Магнитки. Знаете, как они слушают, когда, например, Шатилин рассказывает им, как они возили в Москву подарок пленуму ЦК комсомола—эшелон первого чугуна с комсомольской домны!..»

...«Тогда, в тот самый злополучный день, мне повезло,—скажет потом Александр Ильич Бричко.—У отдела кадров я встретил секретаря парткома Петра Семеновича Грищенко, и он предложил мне возглавить работу совета ветеранов. Так я остался на комбинате».

Здесь хочется внести поправку. В жизни случается так, что закономерность принимает обличье случая. Различить их трудно, только если рассматривать происшедшее изолированно, ничего не зная о том, что ему предшествовало и что было потом.

А потом Александр Ильич Бричко стал заместителем начальника огнеупорного цеха по работе с молодежью на общественных началах. Того цеха, где он проработал сорок лет, где был секретарем комсомольской организации, председателем цехкома, заместителем главного энергетика, секретарем партийной организации.

Из циркулярного письма № В-16 по Магнитогорскому дважды ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени металлургическому комбинату имени В. И. Ленина.

«... Вновь назначенным заместителям начальников производств, управлений, цехов на общественных началах выдать постоянные пропуска на территорию комбината».

с шевроном на рукаве

"Мой труд влияет на труд моей республики»—эти слова Владимира Маяковского стали девизом летней трудовой четверти старшеклассников, проводимой с 1973 года. Они точно отражают смысл трудового движения школьной молодежи, желание юношей и девушек уже в школьные годы быть полезными обществу, Родине.

В прошлом году около 10 миллионов старшеклассников работали летом в составе трудовых объединений на промышленных предприятиях, в сельском хозяйстве, в сфере обслуживания и связи, участвовали в благоустройстве и озеленении городов и сел, охране природы. «Трудовые объединения»,—отмечал товарищ Л. И. Брежнев в Приветствии участникам Всесоюзного слета трудовых объединений школьников, состоявшегося в августе прошлого года в Москве и Московской области,—являются для миллионов юношей и девушек школой идейной, нравственной и физической закалки, воспитывают стремление встать в ряды рабочего класса и колхозного крестьянства, пойти работать на решающие участки коммунистического строительства».

За большую работу по трудовому воспитанию и профессиональной ориентации учащихся ученическими

производственным бригадам Григоропольской и Новоавановской средних школ Ставропольского края, Черемновской средней школы Алтайского края, школьному лесничеству Жуковской средней школы № 1 Брянской области присуждены премии Ленинского комсомола. А в 1976 году за ударный труд во время трудовой четверти 274 школьника удостоены правительственных наград.

Идя навстречу пожеланиям старшеклассников, ЦК ВЛКСМ разработал и утвердил образцы и положения о единых шевронах и знаках различия для членов трудовых объединений.

Каждый шеврон отображает один из главных символов соответствующего вида трудовой деятельности и имеет наименование.

Шевроны «Ученическая производственная бригада» носят учащиеся 7—10 (11-х) классов общеобразовательных школ сельской местности—члены ученических производственных бригад в колхозах и совхозах.

Шевроны «Лагерь труда и отдыха» носят учащиеся 8—10 (11-х) классов, как правило, городских и общеобразовательных школ—члены лагерей труда и отдыха.

Шевроны «Школьное лесничество» носят учащиеся 7—10 (11-х) классов сельских и городских общеобразовательных школ—члены школьных лесничеств.

Шевроны «Трудовой отряд старшеклассников» носят учащиеся 8—10 (11-х) классов городских общеобразовательных школ—члены трудовых отрядов старшеклассников на предприятиях промышленности, в сфере обслуживания, благоустройства и озеленения городов и других отраслей народного хозяйства.

Все шевроны имеют одинаковую форму и размер и размещаются на левом рукаве на 12 сантиметров ниже плеча. Знаки различия носят учащиеся—члены органов самоуправления трудовых объединений школьников. Три красные полосы—руководитель, две—его заместители, одну—члены органов самоуправления. Знаки различия размещаются на высоте 1—2 миллиметра над шевроном.

Шевроны и знаки различия участники трудовых объединений будут получать через горкомы, райкомы комсомола, начиная с 1978—1979 года, по заявкам соответствующих комитетов комсомола.

Введение единых шевронов и знаков различия способствует дальнейшему совершенствованию деятельности трудовых объединений школьников.

Валентин ПЕТУХОВ,
ответственный
отдела школьной молодежи
ЦК ВЛКСМ.

МАСТЕР ЯНИС ЛИЕПИНШ И ЕГО УЧЕНИКИ.

«Необходимость решительного поворота школы к улучшению подготовки молодежи к труду в сфере материального производства, к обоснованному выбору профессии должна быть глубоко осознана советским учительством, учащимися и их родителями».

Из постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду».

Конечно, очень здорово, когда есть полная свобода в выборе профессии, места работы: пробуй, ищи, проверяй свои возможности. Но давайте задумаемся в такие цифры: текучесть кадров среди 17—18-летних достигает 80 процентов, что обходится дорого государству. А моральные «издержки»? Их подсчитать труднее, чем рубль, но вряд ли кто будет оспаривать, что результатом затянувшегося «свободного поиска» своего места в жизни может быть и чья-то несостоявшаяся судьба, и потеря веры в себя, и нелюбимая до отвращения работа, которую не бросишь только потому, что не мальчик уже, стыдно с места на место бегать...

Выбор профессии должен начинаться до, а не после получения аттестата о среднем образовании. Профориентация — слово для нас привычное, однако понимается подчас однопланово — как лекции, экскурсии на заводы и фабрики, выступления специалистов перед ребятами. Такая «умозрительная» профориентация большой пользы не принесет, если нет возможности самому, своими руками прикоснуться к тому или иному делу. Это, казалось бы, аксиома, не требующая доказательств. Но как получается в реальной жизни? Для того, чтобы дать какие-то профессиональные навыки, нужны мастерские, современное оборудование, то есть средства, которые школа имеет далеко не всегда. Кроме того, школа может познакомить с одной, максимум двумя профессиями. А ведь интересов, наклонностей среди старшеклассников вдвое больше. Вывод тут напрашивается сам: что не под силу одиночке, легко осуществить сообща.

На Дне открытых дверей в межшкольном учебно-производственном комбинате Московского района Риги мы встретили школьных педагогов, ходивших по классам и кабинетам и не веривших глазам своим:

— Ну, знаете ли! Да нам такое только присниться может!

«Такое» — это и настоящий машинный телеграф в кабинете судовых электромонтажников; и перво-классные кульманы у чертежников; и целый магазин с разными товарами в комнате, где обучают на продавцов... Весь первый этаж заняли представители сугубо мужских профессий. Обучаются сварочным работам будущие монтажники, осваивают станки токари и слесари-теплотехники. Это — самые «громкие» участки, такова специфика. А у соседей сверху — полная тишина. Здесь идут работы, требующие особого внимания, точности: ювелирное дело, ремонт ЭВМ, часов. Если бы существовал конкурс кабинетов, то трудно было бы отдать какому-либо предпочтение. Например, комната, где готовят проводников железнодорожного транспор-

Владимир АНИСИМОВ.

та, — почти настоящий вагон. Не полностью, правда, но служебные помещения сняты с натурального вагона. В швейном цехе — конвейер, как на фабрике...

Четырнадцать предприятий района объединили здесь свои средства и силы — в комбинате можно получить любую из четырнадцати специальностей. Сравните-ка это с одной-двумя, которые может дать школа! Есть простор для выбора. Можно также, присмотревшись получше, перейти в другую группу, испытать себя в иной сфере.

Комбинат потребовал средств, и немало. Оборудование кабинетов, снабжение материалами, оплата труда мастеров — все ложится на «плечи» предприятий. А отдача? Комбинат не имеет плана выпуска — стало быть, не несет обязанностей по отношению к заводам и фабрикам. Выпускник школы может пойти работать на базовое предприятие, а может и не пойти; может сдавать экзамены на разряд, может и не сдавать; сегодняшняя школьница приходит, допустим, в швейный цех комбината не для того, чтобы потом работать на конвейере, а чтобы научиться самой себе шить платье. На что же рассчитывают шефы? А вот на что.

На открытии комбината директор ювелирного завода заявил: даже если к нему придут только 20—30 человек из ста — проблема кадров на заводе будет решена.

Объединению по ремонту электронно-вычислительных машин «Импульс» кадры не готовит ни одно учебное заведение. Экономисты «Импульса» пришли к выводу: вложить средства в межшкольный комбинат выгодней, чем обучать ребят непосредственно на предприятии.

Экономисты судоремонтного завода подсчитали — ежегодное пополнение в 20—25 человек (уже имеющих какие-то навыки) вполне устроит предприятие...

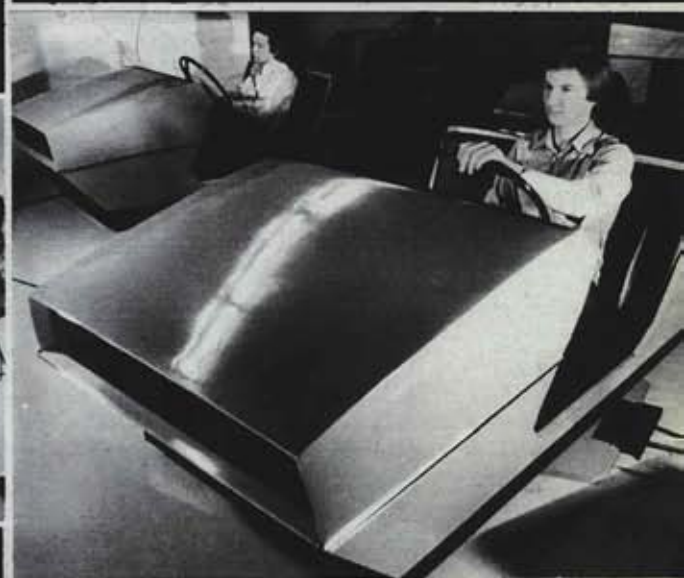
И вот они пришли — 1240 девятиклассников района. В кабинете профориентации познакомились со всеми профессиями; узнали предприятия, где смогут работать, будущий средний заработок. А теперь по расписанию один день в неделю — 6 уроков — занимаются не в школе, а здесь.

Не нужно сравнивать это учебное заведение с профтехучилищем, ибо смысл его не в профессиональной, а в допрофессиональной подготовке молодежи. Иначе говоря — знакомство с целой гаммой специальностей. Ну, а высший смысл — совмещение трудового обучения с трудовым воспитанием. (А есть ли, скажут, разница? Наверное, есть, иначе откуда брались бы хорошо обученные профессии «летуны», искатели не работы, а легкого заработка?).

Не стоит сравнивать занятия здесь и с обычными

ВЫБИРАЙ НА ВКУС: ПРОВОДНИК ВАГОНОВ, ШОФЕР.

ЧЕРТЕЖНИК, ЮВЕЛИР, МАШИНИСТКА, СЛЕСАРЬ ПО РЕМОНТУ ЭВМ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА.

ДОПОЛНЕНИЕ

СШИТЬ КОСТЮМ, ЗАПЕЛЕНАТЬ МЛАДЕНЦА, ВЫТОЧИТЬ ДЕТАЛЬ.

РАЗОБРАТЬСЯ В ЭЛЕКТРООБОРУДОВАНИИ КОРАБЛЯ—ВСЕМУ НАУЧАТ В МЕЖШКОЛЬНОМ КОМБИНАТЕ.

школьными уроками труда. И дело тут не в количестве уроков (два в неделю — в школе, шесть — в учкомбинате). Уроки иные качественно: потому что мастер учит обращаться с напильником или паяльником не всех школьников вообще, а только тех, кому это дело нравится. Значит, мастеру легче, чем школьному учителю? Труднее неизмеримо. Интерес к делу не всегда рождается сразу. Чего стоила одна только история с группой монтажников железобетонных конструкций...

Не повезло этой группе. За два месяца в ней сменились три мастера. Очередной, Ян Казимирович Клищевич, пришел накануне полного развала: частая смена мастеров не могла не повлиять на настроение ребят. А буквально через неделю после прихода Клищевича настроение группы повернулось на 180 градусов. Чем же взял ребят новый мастер?

— Не знаю, — откровенно признается он. — Педагогического опыта у меня никакого. Тридцать лет работал в промышленном строительстве, последнее время — начальником участка. Когда предложили помочь учебному комбинату, думал — легче будет работать: ни тебе планов, ни нарядов, ни графиков. Ан нет, не легче. Здесь свои проблемы. Пятьдесят человек — и за каждым глаз да глаз нужен. Все мое педагогическое образование свелось к одной беседе, когда директор попросил: «Ты уж будь им и папой и мамой»... С чего начал? Постарался увлечь — это первое. Романтику и сложность нашего труда показать. Второе — обеспечить постоянную занятость каждого. Хуже нет, когда парень томится, слоняясь без дела.

Перемен группа монтажников не признает. Давно звонок отзвенел, а в комнате на первом этаже грохот зубил, треск электросварки. Пока это первые учебные швы, но к лету мастер обещает повести на стройку, дать настоящую работу... Увлеченность ребят происходит от одного — от увлеченности самого мастера. Трудно понять, кто с большим азартом кладет на металл простейший шов, определяет марку стали и устройство электрода, — девятиклассник или опытный строитель, постигший все эти элементарные вещи десятки лет назад. Интересно мастеру — интересно и его ученикам. Все так просто — и сложно...

Вспоминается и другой эпизод, в другой группе. Пока мы с мастером слесарей-теплотехников Янисом Лиепиным говорили о том, как трудно найти желающих обслуживать теплотрассы, в дверь прохулась чья-то черноволосая голова.

— Почему не пришел на занятия? — обернулся Лиепиньш.

— В военкомат вызывали. Вот освобождение.

— Ну, топай домой по такому случаю.

(Мечта школьника — разрешили уйти с урока!)

— Не, я сейчас разденусь — и сюда. Дома чего делать? Здесь интересней.

И через минуту сидел Сережа Явгель с паяльником в руке, выжигая на толстой доске слово «сыр» (заказ комбинатской столовой).

«Интересно»... Это я потом слышал не раз. Вот и Роберт Мольчинский, из группы судовых электро-монтажников, о том же:

— Да, интересней, чем в школе. Никаких принуждений. Здесь как-то без громких слов дают понять: учимся только для себя. И еще. Межшкольный комбинат в нашем районе — это эксперимент, и мы его первые участники. От нас зависит успех или неуспех эксперимента. А это — дело серьезное...

Есть такая, в общем, справедливая точка зрения: знакомя ребят с профессией, ни в коем случае нельзя скрывать ее негативные стороны.

У четырнадцати профессий, которым обучают в комбинате, очень разный уровень престижности. Если в группу электромонтажников был конкурс, то идти в техники-приемщики предприятий бытового обслуживания не захотел никто. Завуч комбината даже растерялась. Ну что она могла сказать девятиклассникам? Что должен кто-то работать и в ателье проката, ремонтных мастерских, принимать

или выдавать вещи и выписывать квитанции? «Должен, спору нет, но почему именно я обязан заниматься этим скучнейшим делом?» — ответ прямо-таки читался в глазах школьников.

Неудача заставила педагогов и мастеров комбината подойти к делу с другой стороны. Учебная программа была составлена таким образом, что включила в себя основы бухгалтерского учета, технологию изготовления предметов быта, изучение вычислительной техники, машинопись. Не скажу, что и сюда образовался конкурс, но и недостатка в желающих не было: перед школьниками открылась перспектива в разных направлениях, и они это оценили.

...Межшкольный комбинат — своеобразный посредник между школами и предприятиями, причем посредник активный. Мастера производственного обучения — частые гости в школе: комбинат организует экскурсии восьмиклассников на заводы и стройки; во внутреннем соревновании между группами есть один необычный пункт: профориентация, проводимая в школах самими учениками. В этом есть свой резон и расчет — слово, брошенное старшеклассником будто невзначай, подчас бывает весомей длинных речей «постороннего дяди».

Не все еще идет гладко. Когда я рассказал директору о том, что ежедневно хожу на работу мимо межшкольного комбината в Москве, часто собираюсь зайти, познакомиться, да как-то все недосуг, Алексей Моисеевич Гальперин только вздохнул и сказал, как хотел бы оказаться на моем месте. Ведь единственная возможность обменяться опытом, узнать что-то новое — это редкие встречи с коллегами. Потому что нет еще единой методики преподавания и производственного обучения в таких комбинатах (да что там методики — единой формы документации, журналов — и того нет, каждый выдумывает во что горазд!) Пытались соединить методику школ и ПТУ — не получается, ибо это разные по своим задачам учебные заведения.

Вся подготовка мастеров свелась к недельным курсам при институте усовершенствования учителей. Практическая польза курсов оказалась равной нулю. Нет пока среди мастеров полного единомыслия: кто-то, как Клищев, отдает детям всего себя, всю душу, другие считают свою задачу узкой — дать профессию, но никак не заниматься воспитанием. А именно мастер — главная фигура в комбинате!

Мастера-инженеры — те, кто ведет и практические занятия и читает лекции по теории, поставлены в явно ненормальное положение. Согласно инструкции им позволяется работать не более 240 часов в год, 240 в год — это 6 в неделю. А программа требует 10 часов. И вот, чтобы не нарушать финансовую дисциплину, на 4 «лишних» часа приходится приглашать другого специалиста (да еще попробуй найти желающего на какие-то четыре часа).

Короче говоря, вопросов и проблем — тьма, а решать их некому. Нужен нам, говорили в рижском комбинате, свой методист и методический центр в городе. Как готовить мастеров? Как лучше составить программу обучения? Как организовать соревнование? Как... Этих «как» — бесконечное множество. Каждый комбинат выходит из положения по-своему, и, наверное, немало уже изобретено велосипедов в этих вопросах. Правда, планируется утвердить при роно инспектора, но это должность скорее проверяющая, чем «обучающая».

Межшкольный комбинат — это учебное заведение, через которое будут проходить все девяти- и десятиклассники района. Больше двух тысяч человек! Потому учиться сейчас нужно всем — и ученикам межшкольных комбинатов и их преподавателям.

Учиться надо еще и потому, что допрофессиональная подготовка на таком уровне, какой существует в рижском комбинате, — совсем новая ступень в трудовом обучении и воспитании школьников. И если быть до конца точным, то термин «допрофессиональная подготовка» можно было бы заменить более емким — подготовка к трудовой жизни.

ПРОВОДНИК ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА...
ТЫСЯЧИ ДОРОВ ЗА ОКНОМ...

НОВОЕ ИМЯ

Юрий КОЗЛОВ

Олег ШЕСТИНСКИЙ

МОСКОВСКИЙ ЗНАКОМ

РАССКАЗ

Футбольное поле находится на краю деревни. По одну сторону от него расположен лес, по другую стоит большой бревенчатый дом. Из распахнутых окон доносится музыка. В доме играют свадьбу.

Конь выволок скрипящую телегу на самую середину футбольного поля и остановился, задумчиво уставившись в пустой прямоугольный ворот, словно форвард перед одиннадцатиметровым ударом. Потом, нагнувшись, стал лениво щипать траву, которая в это время года была светло-зеленой и мягкой.

Полдень. Стебли одуванчиков наполняются горьким белым соком, вокруг летают пчелы и бабочки, подскакивают вверх кузнечики — и поле кажется развалившимся на солнце благодушным живым существом.

Конь стоял, опустив голову, и печально смотрел на свои землистые изношенные копыта, на тень, которая съезжилась и уползла под телегу.

Солнце, как желтый футбольный мяч, забитый в небо, висело над полем и не падало вниз. Со стороны леса наплывали на деревню редкие облака, и слабый ветер шевелил тюлевые занавески на окнах в доме, где играли свадьбу.

Сашка Игнатьев — младший брат невесты — сидел в одиночестве на крыльце, а неподалеку от него пестрый петух с многорядным малиновым гребнем и лихими гусарскими шпорами настойчиво обхаживал худую, испуганную курицу. Петуху сегодня повезло. Несколько часов назад он лишь чудом избежал топора, и сейчас не он, а его молодой голенастый напарник — ошипанный и обезглавленный — варился в кастрюле, в невеселой компании двух луковок и размякшей оранжевой морковки. К ужину предполагалось заливное.

Сашка Игнатьев, студент четвертого курса Московского архитектурного института, восседал за столом в старой кожаной куртке — кто-то из гостей окрестил ее лысой — и неглаженных, простроченных брюках, чем вызывал всеобщее недоумение. Несколько раз мать дергала его за рукав и шептала: «Иди переоденься! Что у тебя, костюма нет? Какой год в шкафу висит!» Был Сашка небрит и лохмат — русые волосы чуть-чуть не доставали до плеч. Когда попросили Сашку сказать свадебный тост и приготовились внимательно выслушать, он пробормотал что-то совершенно обыкновенное — такое мог сказать любой — и сел.

— Не знаю, как дома строить, — хмыкнул шофер дядя Володя, — но тосты произносить тебя там не научили...

— И слава богу! — быстро вмешалась Сашкина мать.

— А чего, дядя Володя, языком-то? — ответил ему Сашка. — И так все ясно!

— Ну это ты брось... — растерялся шофер.

Все помнили краснощекого и толстого Шурку Игнатьева, маменькиного сынка и отличника, а этот худой, волосатый парень, заявившийся на свадьбу сестры в неглаженных брюках и не умеющий сказать простого тоста, вызывал удивление. Легче всего было объявить, что он зазнался. Но это значило упростить дело. Лишним, почти чужим выглядел Сашка на свадьбе собственной сестры. Он не зазнался, нет. Просто жизнь его стала другой, и все связанное с деревней казалось ему неинтересным и нудным. Несколько раз Сашка поднимался из-за стола и отправлялся бродить по комнатам. Но везде были гости. Свадьбу гуляли с утра, и им тоже надоело сидеть за столом.

Юрий Козлов — имя новое в нашей молодой прозе. Но мне оно знакомо давно, можно сказать, с отрочества автора, потому что Юрий — сын известного ленинградского прозаика Вильяма Козлова.

Я вспоминаю свою первую встречу с Юрием. Я приехал лет десять назад в небольшое валдайское село, где жили отец с сыном. Был тот краткий и удивительный миг поздней осени, когда в самом преддверии первого снега в природе разлит целомудренный покой, и в то же время ее словно сковывают напряженность и ожидание: матовая поверхность озер зеркально ровна; золотые листья, облетев, замерли в засохших дорожных коленях; звонко, как в пустом зале, звучат шаги по деревянному настилу мостка. Но почему-то больше всего из того дня мне запомнились задумчивые и большие глаза мальчика-подростка, который как-то затаенно-внимательно оглядывал осенний простор и прислушивался к беседе взрослых.

Этот мальчик вырос, окончил школу и редакторский факультет Московского полиграфического института; успел послужить в армии и побывать на Чукотке; стать журналистом...

Я читаю прозу Ю. Козлова и вижу, что молодой прозаик чувствует слово; владеет метафоричностью языка, которая в настоящей прозе не менее важна, чем в поэзии; умеет уловить движение души юных людей, почти своих ровесников. Много ли это? И много и мало. Много, потому что без этих компонентов вообще не существует литературы. Мало, потому что путь в искусстве — это путь поиска, усовершенствования, обогащения знаниями и опытом жизни.

Наверное, позже Ю. Козлов поймет не умозрительно, а с внутренней необходимостью, что удачи в искусстве художник должен оплачивать своей жизнью, судьбой... И тогда он сможет создать произведения, в которых отразятся деяния народа, нравственные и созидательные народные идеалы.

По крайней мере я желаю Ю. Козлову идти только по такому пути.

По левую руку от Сашки сидела Ольга Полянина, его старшая школьная подруга. Два раза она ездила в Москву поступать в педагогический институт, но не поступила и теперь работала продавщицей в сельпо. Веселая, симпатичная девушка с короткой стрижкой и неистово подведенными глазами. Руки у нее как у ребенка: маленькие, пухлые и розовые. Ольга многим нравилась. А кто многим нравится, тому нелегко живется. Ольга не торопилась замуж, и считалось, что она выгадывает, думает о себе бог знает что, не имея, собственно, на то никаких оснований. Высказывали этой ей и в сельпо и на танцах. Иногда Ольга брала в руки алюминиевый совок, которым черпала из мешка сахарный песок, и так смотрела на женщин в очереди, что те умолкали. А иногда начинала смеяться. «Глазищи накрутила, а сама масло недоवेशивает!» — ворчали женщины и, придя домой, взвешивали масло еще раз. Но все было точно.

По магазину Ольга ходила в белом халате. Она его сшила сама, и выглядел халат, как нарядное платье. Стройная, маленькая, стояла она у прилавка, и парни задерживались в магазине, чтобы поговорить с ней. «Королева килек!» — изрек Сашка, увидев первый раз Ольгу в магазине. «Почему килек?» — удивилась она. «Ну, тогда «Белого крепкого», — сказал Сашка. «Это ближе к истине, — засмеялась Ольга, — а кильки никто не покупает...»

Сейчас Сашка думал, случайно или нет Ольга оказалась рядом с ним. И Ольга с любопытством поглядывала на него. Она знала его другим. На каком-то диспуте в школе Сашка так кричал и доказывал свое, что, когда его попросили сесть, он встал и ушел, хлопнув дверью. В парте остались Сашкины рукавицы и портфель. Но он за ними не вернулся. На улице был мороз, дул ветер. А до Сашкиного дома было девять километров...

«А теперь сидит, рта не раскроет. Ну, словно подменили человека», — подумала Ольга.

Сашка нравился ей больше, чем остальные парни. Ольга вспомнила, как она целовалась с ним после выпускного вечера. В пустом классе, где на стенке висела географическая карта. Луна светила прямо в карту, и, казалось, весь мир должен спать. Где-то на этаже хлопнула дверь, и они убежали из класса. Сашка проводил Ольгу домой и обещал написать из Москвы. И как же, написал... Жди.

Задумавшись, Ольга не заметила, как напротив за столом разгорелся спор. Шофер дядя Володя ругал молодежь, которая после окончания вузов не хочет ехать в деревню, а норовит найти теплое местечко в городе. Сашка объяснял, что выпускникам архитектурного института нет смысла ехать в деревню, где все строится по примитивным типовым проектам. Но дядя Володя смотрел на Сашку красными глазами и громко стучал кулаком по столу. Теперь он переключился на Ольгу: ему не давали покоя ее подведенные глаза и короткая юбка.

— Ну вот что, Владимир Яковлевич, — наконец, вмешался жених. — Здесь тебе не чайная... Ты на свадьбу пришел...

Деревня, где гуляли свадьбу и где родился Сашка, называлась Пречистино. Находилась она в семнадцати километрах от станции. Раз в день туда ходил пыльный ободраный автобус, но Сашка уже безнадежно опоздал на него. Автобус подъезжал к станции за три часа до прихода скорого поезда Москва — Камышин. Сашка ненавидел эти три часа ожидания. Один раз он

пересчитал, сколько досок на полу в билетном зале, в другой — сколько гвоздей в потолке (потолок был обит крашеными фанерными листами).

Сейчас Сашка внимательно следил за гулявшим по футбольному полю конем: он рассчитал, что за полтора часа он вполне успел бы добраться до станции на телеге. Хозяина коня звали Петр Тимофеевич. Он спал на веранде. Одна нога в запывившемся ботинке свешивалась с застеленной кровати и тихонько покачивалась. Глаза были закрыты.

Конь забрался в самый конец футбольного поля, где трава погуще и не было горьких одуванчиков. Он жевал траву и лениво отмахивался хвостом от мух и слепней. Мухи и слепни гибли под ударами лошадиного хвоста. Солнце переместилось с центра футбольного поля и висело над воротами.

— Дядя Петя, я возьму твою лошадь? — стал тормошить Сашка спящего. — Возьму лошадь, а на станции около твоего дома оставлю, слышишь, дядя Петя? Ты завтра домой на автобусе вернешься, ладно?

Дядя Петя открыл глаза и внимательно посмотрел на Сашку.

— Э... парень, — как-то нехорошо протянул он. — Тебе за это ого-го что будет...

— Что же это мне будет? — удивился Сашка.

— Ого-го что будет! — сурово подтвердил дядя Петя и погрозил пальцем в пространство. Потом повернулся на другой бок и снова закрыл глаза.

— Это тебе завтра дома — ого-го что! — обиженно сказал Сашка, но дядя Петя не пожелал продолжать разговор и тихонько засвистел носом.

— Не спрашивай у него! — сказала Ольга Полянина. Сашка не заметил, как она появилась на веранде. — Бери лошадь и поезжай...

— Разрешаешь? — Сашка внимательно разглядывал бывшую одноклассницу.

— Как на манекен смотришь... Хочешь, пройдусь по половице? Я умею...

— Мне на станцию надо, — сказал Сашка.

— Нагулялся? — Ольга уселась на подоконник и поправила волосы. Солнце светило прямо в окна. Петр Тимофеевич храпел, жмурился, но просыпаться не желал. — Разве со свадьбы такими уезжают?

— Какими? — не понял Сашка.

— Мрачными...

— На твоей свадьбе я буду веселым, — улыбнулся Сашка.

— Долго ждать! — Ольга прыгнула с подоконника. — Помнишь, как нас пчелы на пасеке покусали? — вдруг спросила она.

— Помню, — Сашка посмотрел в окно. Конь затащил телегу в канаву и теперь не знал, как из нее выбраться.

Осенью пчелы злые. Одна ужалила Сашку в лоб, другая в ухо. Ухо распухло и чесалось. Сашка два дня ничего не слышал.

— На ходу спи... — глядя на коня, пожаловался Сашка. — Сколько ему лет?

— Эх, ты! — засмеялась Ольга. — Я про детство, ты про коня...

Сашка подошел к ней вплотную и положил руки на плечи. Петр Тимофеевич громко чихнул, а потом закашлял.

— Поехали вместе? — предложил Сашка, не отпуская Ольгу. — Ты домой, я на станцию...

— Я боюсь, славный Боливар не выдержит двоих... — тихонько засмеялась Ольга.

— Выдержит...

— Смешной ты стал. — Ольга отошла к окну.

Сашка вдруг вспомнил про иконы, которые в прошлый свой приезд сложил в углу.

— Как ты живешь в Москве? — спросила Ольга.

— В общежитии... — Сашка стащил с икон старое пальто и расставил их на полу вдоль стенки. — Никола Угодник, — сказал он. — А это Параскева Пятница, покровительница воров, мошенников и торгового люда, как пишут в святцах...

— А я вот в них не разбираюсь, — разглядывала Ольга иконы.

— Я тоже раньше не разбирался...

— Когда я была в Москве, заходила в твое общежитие... Мне сказали, что тебя нет уже три дня... Где ты был?

— Не помню, — ответил Сашка. — Ей-богу, не помню...

— В восьмом классе я тебе написала записку...

— Георгий Победоносец... Век восемнадцатый...

— Помнишь записку?

— «Шурка, хочу с тобой дружить. Приходи вечером на футбольное поле». Эта? Ольга кивнула.

Сашка сдувал с икон пыль.

— Я ее в учебнике по географии нашел...

— И подумал: вот дура...

— Подумал, что это Наташка Синицына написала.

— А на поле почему не пришел?

— Не дошел. Наташку на пути встретил. Она в кино торопилась...

— Врешь ты все, — вздохнула Ольга. — Сейчас-то зачем врешь?

— А после выпускного вечера, — Сашка словно не слышал, что она говорила, — я тебе хотел предложение сделать...

— Чего же не сделал?

— Я тогда думал: раз поцеловался, значит, все...

— А сейчас как думаешь?

— Да как тебе сказать...

— Бери лошадь, не бойся... Петр Тимофеевич — двоюродный брат моего отца. Он с нами сейчас живет... Лошадь около дома оставишь. Помнишь хоть, где я живу? — Ольга оглянулась на иконы. — Никола Угодник, Параскева Пятница... Смешной ты стал, Саня...

Конь наконец выбрался из канавы и снова пошел на футбольное поле топтать одуванчики. Но поле оказалось занятым. Босоногие мальчишки играли в футбол и что-то кричали.

— Колька! У вас лошадь вместо вратаря!

Мяч угодил коню точно в лоб. Конь мотал головой и пятился. Мальчишки хохотали, катались по траве и махали в воздухе пятаками, желтыми от раздавленных одуванчиков.

В доме на полную мощность включили радиолу. Сашка некоторое время потолкался среди танцующих, а потом вышел на улицу. Ольги нигде не было. Сестра в белом платье и в фате выскочила на крыльцо и отдышалась. Обняла брата и тут же со смехом оттолкнула его.

— Надоели танцы,—весело сказала она.—Колька Лукин с ума сошел. Чушь какую-то несет... Уедем, бормочет, пока не поздно...

— А муж твой куда смотрит?

Сестра улыбнулась и затаила Сашкиной сигаретой. Но, услышав в сенах шум, бросила сигарету в лопухи. На крыльцо никто не вышел, зато из лопухов вылетел их серенький кот Барсик и огромными прыжками помчался по картофельному полю.

— Чего это он? — удивилась сестра.

— Ты же на него сигарету бросила! — Сашка никак не мог отдышаться от смеха.

Сестра была голубоглазая и смешливая. Когда улыбалась, на щеках появлялись чуть заметные ямочки. Последние несколько лет Сашка с ней почти не виделась. Сначала она училась в техникуме и не жила дома, а потом уехал Сашка. Мужа ее он недолюбливал. Как всякий брат, Сашка считал, что его сестра достойна лучшей партии. Но тем не менее, когда сестра приезжала в Москву и заходила к нему в общежитие, Сашке отчего-то становилось неловко.

Она стацила с головы фату, потрогала волосы.

— Темнеют чего-то, не остановить... Красить хотела, а теперь... — Сестра махнула рукой.

— Не надо красить, — сказал Сашка. — Я привезу тебе специальный шампунь...

Неожиданно он вспомнил, как выглядит этот шампунь. Что-то тягучее в пластмассовом зеленом яблочке. Лежат яблочки в прозрачной коробке. Одна Сашкина московская знакомая мыла голову таким шампунем. Боялась, что волосы потемнеют. Сидела в ванной с намыленной головой, а Сашка лил сверху на нее воду из ковшика. Под пеной была загорелая кожа. А когда волосы высыхали, они становились пышными и золотистыми. И пахли, как клумба гвоздик. Сашка даже вспомнил название шампуня — «Клеопатра».

Московская знакомая жила в большом кирпичном доме на Беговой улице. Летом ее родители уехали в отпуск, и Сашка прожил в этом доме три дня. На четвертый он вернулся в свою трехместную комнату в общежитие, где по утрам никогда не было горячей воды, а соседи за стеной каждое утро заводили музыку. Сашка никому не рассказывал про московскую знакомую. Познакомился он с ней случайно — в библиотеке. Она попросила его взять ей книги без очереди, а в читальном зале села рядом. Первое время Сашка очень много говорил. Он рассказывал ей про деревню, про себя, про институт. Сашке казалось, чем больше люди друг про друга знают, тем ближе они становятся. «Никогда много не болтай», — как-то сказала ему московская знакомая. — Тебе со мной интересно, потому что я слушаю, а мне с тобой — нет... Почему? — Сашка звонил ей по телефону, и она равнодушно говорила: «Да, милый, нет, милый...» Скоро он уже не знал, о чем с ней говорить. В барах, куда они ходили, он научился сидеть спокойно и небрежно. Зевал и лениво подносил ко рту длинные стаканы с коктейлями. Ему было приятно идти с московской знакомой по улице или сидеть с ней в кино. На нее все смотрели, и Сашке казалось, что ему завидуют.

Ни у кого не было такой красивой, рослой и золотоволосой девушки.

...Сестра села на крыльцо рядом с ним.

— Как-то все неожиданно, — сказал Сашка. — Ты замужняя женщина, а скоро институт закончу... Стану для твоих детей дядей Сашей...

— Это точно! — вдруг услышал он над головой голос мужа сестры.

Тот слегка покачивался на крыльце. Одет он был, согласно церемонии, в черную костюмную тройку.

— Не жмет? — полюбопытствовал Сашка, дотрагиваясь пальцем до пуговицы на жилетке.

— Не жмет, — ответил муж сестры. — Все в порядке...

Когда-то они учились в одной школе. Только Сашка был на два года младше. Однажды он пришел на урок физкультуры в новых китайских кедах. Будущий муж сестры стоял в раздевалке и курил. Увидев Сашку, он заставил его снять кеды и надел сам. Кеды затрещали и порвались.

«Варахло это, а не кеды!» — сказал тогда муж сестры и бросил их обратно Сашке.

— Жарко, — сказал он сейчас и посмотрел на свои лакированные ботинки.

— Ага, — согласился Сашка. — Жарковато...

Они увидели коня, бредущего по картофельному полю.

— Танька! — закричал муж сестры. — Иди лошадь с поля прбгони!

— Не лихо ли для первого-то дня, а? — спросил Сашка.

Сестра покраснела и, схватив хвостину, побежала к калитке, но конь, не дожидаясь, пока его огреют, ушел сам.

— К реке пошел, — сказал муж сестры, провожая его взглядом. — Пошли, что ли, шурин, на кухню, потолкуем?

— Пошли, — согласился Сашка.

На кухне никого не было. Только уныло билась в стекло оса.

— Ты, Шурка, за сестру не волнуйся... — усмехнулся муж, доставая из шкафа ненастоящую бутылку. — И на меня не обижайся.

— Помнишь, родственничек, как на танцах меня из-за Ольги били? — спросил Сашка. — А ты за деревом стоял... Чего не вышел?

— Ольга на скамейке сидит... Плачет... — глухо сказал муж сестры, и Сашке даже стало его жалко. — Утешил бы... Она ведь тебя...

— Не понимаю, — Сашка смотрел в его скучное лицо, — ты что, назло Ольге женишься?

На кухню заглянула сестра. Муж обнял и поцеловал ее.

— Будет тебе, Таня, шампунь, — сказал Сашка. — Облака пены полетят...

— Шурка, может, спать, а? — спросила сестра, глядя на пустые стаканы. — Хочешь, на веранде с дядей Петей положу?

— А где мой конь ретивый? — спросил Сашка, подбираясь к окну. — Где он гривую трясет?

А конь в это время как раз стоял напротив калитки. У речки к нему привязалась какая-то маленькая, но очень противная собачонка. Визгливо лая, она гнала его до самой деревни и только недавно оставила в покое. Конь тяжело дышал, бока его ходили ходуном.

Ольга и Сашка оказались около телеги.

— Слушай! — сказал Сашка. — Уезжала бы ты из деревни... Охота тебе в сельпо торговать?

— Ого! — усмехнулась Ольга. — Как наши бабы, заговорил. Скажи еще, всем парням головы закрутила...

— Пусть Танька-то с мужем спокойно живет, ладно? — попросил Сашка.

— За сестру беспокоиться? — Ольга прищурилась. — А ну, как не захочу я, чтобы они спокойно жили, тогда что? — Она вздохнула. — Езжай, Шурка... Вон из окон все выставились...

Сашка хотел было поцеловать ее, но Ольга со смехом оттолкнула его.

— Солнышко-то как печет, — сказала она и нахлобучила Сашке на голову кепку, валявшуюся на телеге. — Не потеряй! Это Петра Тимофеевича кепка! — и

дернула за вожжи. Конь нехотя тронулся с места. Ольга смотрела вслед медленно ползущей телеге. Все было в ярких красках. Синее небо, зеленый лес; белая облака; желтая дорога, коричневый конь... Никаких полутонов. «Ну, словно мультфильм смотрю», — удивилась Ольга. Только Сашку Ольга не видела, потому что солнце слепило глаза...

2

У Сашки отчаянно болела голова. Он с отвращением содрал с головы чужую полосатую кепку, которая обрубем сжимала лоб. Кепка пахла крепким потом и лошадыо. «Ах, Петр Тимофеевич, льянида ты этакий!», — пробормотал Сашка.

Ехали вдоль поля. Сашка посмотрел на часы. Они стояли. «Не опоздаем, а?» — спросил он у коня. Рядом показались ручей.

«Тпруу!» — заорал Сашка и спрыгнул с телеги. Ручей был не очень чистый, в нем плавали мелкие, похожие на пиявок водоросли. Сашка умылся нагретой водой и почувствовал себя лучше. Двинулись дальше. Солнце медленно садилось в сизую дождевую тучу. Сашка лежал на телеге, подложив под голову смятую куртку, и смотрел в небо. Соображал он плохо. Хотелось лежать и лежать с закрытыми глазами, только бы телега не так сильно тряслась по неровной дороге...

Сашка уехал со свадьбы, и одна только Ольга Полянина проводила его. Даже не его, а того мальчика, с которым она целовалась на выпускном вечере четыре года назад.

Одиноким и грустным, сидел теперь Сашка на телеге и смотрел на рыжую плотную спину лошади. В детстве он наверняка бы представил себе, что едет не на телеге, а на колеснице и не по пыльной дороге, а по телам побежденных врагов. Но сейчас ему было все равно. И ехал по дороге не победитель персов или татаро-монголов, а уроженец деревни Пречистино Сашка Игнатьев. Будущий архитектор, и, как предсказали преподаватели, неплохой. Единственным Сашкиным недостатком считалось нежелание самостоятельно мыслить. Все его проекты оценивались отметкой «хорошо». До «отлично» им не хватало фантазии.

«Ну вот и погулял на свадьбе», — думал Сашка о сестре, о ее муже, об Ольге. Но были это мимолетные мысли. Единственное, что опять по-настоящему занимало Сашку, — это московская знакомая. До остальных ему снова не было дела. Захотел он обязательно успеть на поезд, а с вокзала позвонить московской знакомой. Ее смех, ее светлые волосы, ее «да, милый, нет, милый» заставляли его забывать обо всем. Сто раз собирался он порвать с московской знакомой и сто раз звонил ей и умолял встретиться. Она соглашалась в одном случае из трех.

«А может, не надо ей звонить с вокзала?» — подумал Сашка. Дорога сворачивала вправо. Поля кончилась. Теперь с обеих сторон был лес. Показалась поляна и одинокая сосна с широко раскинутыми ветвями.

«Тпруу!» — Сашка соскочил с телеги. Конь недоуменно покачал головой и оттащил телегу на обочину. Он уже порядком устал.

Сашка стоял у сосны и гладил шершавый, клейкий ствол. Он словно заново переживал случай десятилетней давности...

...Гнездо пряталось на самой вершине. Совершенно случайно Сашка разглядел его в бинокль. До половины спрятанное в дупле, оно было непохоже на обычные гнезда. С замирающим сердцем десятилетней Сашка лез на сосну, и пальцы прилипали к веткам. Он лез вверх, а внизу, под сосной, все уменьшалось в размерах его велосипед, школьная сумка, бинокль... Гнездо оказалось гораздо выше, чем представлялось снизу. И когда оставалось только протянуть руку, Сашка вдруг услышал жалобный крик и увидел ястреба, летающего вокруг дерева. Сашка никогда не думал, что ястреб может так жалобно кричать. Ястреб то приближался, то отдалялся, и сквозь просветы сосновых лап Сашка видел его пеструю грудь и кривые желтые когти, прижатые к животу. Сашке стало страшно. Но гнездо было так близко! Он протянул руку, и в ту же секунду ястреб забил крыльями у него над головой, ударил по лицу. Сашка почувствовал, как когти птицы вцепились ему в волосы. Он оглянулся и увидел кричащего ястреба, уносящего тубетейку. Ястреб делал круг для второй атаки. Сашка сползал с дерева, раздирая в кровь руки. А потом мчался на велосипеде, и ему казалось, что зади его нагоняет ястреб, готовый вцепиться в голову.

На следующий день после школы Сашка сидел под деревом со взятым без спросу отцовским ружьем и ждал ястреба. Было жарко, и солнце сначала висело прямо над сосной, потом начало краснеть и опускаться. Солнечный свет еще стоял в верхушках сосен, а по земле стелился холод. Ястреб прилетел на закате. Сделал два круга вокруг сосны и уселся на оттопыренную ветку. Он не желал замечать Сашку. Ястреб замер на ветке, а за ним клонилось к западу солнце. Как красиво сидел на ветке ястреб! Казалось, ему наплевать, что через секунду раздастся выстрел. Он повел головой, и Сашка увидел кривой клюв, надменно повернутый в сторону леса. Ястреб прощался с лесом! «Взлетай! Взлетай, дурачок!» — шептал Сашка, прицеливаясь. — Я промажу...» Но ястреб сидел, как маленькое изваяние.

Раздался громкий выстрел...

...Конь заржал, словно напоминая, что пора ехать. Ему было скучно без толку стоять на дороге.

— Сейчас, сейчас, подожди! — сказал Сашка и сел на мох перед сосной. Сосна шумела и роняла на Сашку иголки.

...Легкое, состоящее из мускулов и перьев тело ястреба бесшумно упало на землю. Ястреб лежал на земле, расправив крылья, и словно держал в клюве спелую смородинку — каплю крови. Сашка стоял над ним, опустив ружье, а ястреб смотрел на него открытыми глазами. Потом он в последний раз дернулся и перевернулся на бок. Теперь он весь был густо засыпан спелыми красными ягодами. Сашка осторожно поднял его и привязал к багажнику. Надо радоваться — ястреб убит, но Сашке было грустно. Так же, как сейчас.

Темнело. Переезжая через мост, Сашка упал с велосипеда, и ястреб свалился в речку. Течение расправило ему крылья. В оцепенении Сашка следил, как плывет и исчезает под водой ястреб. Дома Сашку ждало наказание. За взятое без спросу ружье, за проколотую шину, за разбитые колени...

...Конь нетерпеливо заржал еще раз. Сашка подошел к телеге. Ему было жалко убитого десять лет назад ястреба. «Не буду я ей звонить с вокзала», — решил Сашка. — Вообще не буду больше звонить...

Дорога, небо, сосны, телеграфные столбы, трясущаяся телега — вот Сашкино настоящее. Прошлое — мертвый ястреб, медленно плывущий по течению. Будущее — бетонные и кирпичные здания, которые ему предстоит спроектировать.

Почуввав конец пути, конь припустил почти галопом. Показалась станция.

Поезд Москва — Камышин, набирая скорость, уходил за лес. Победно гудел тепловоз.

Сашка сидел на телеге, опустив голову: увидеть сегодня московскую знакомую он уже не мог...

Михаил Иванович Калинин

Молодости свойственны искания, стремление следовать высоким образцам. Одним из таких образцов для сегодняшних юношей и девушек является жизнь и деятельность Михаила Ивановича Калинина. В нем с огромной полнотой воплотились черты подлинного коммуниста: преданность делу трудящихся, беспредельная вера в партию, мужество, стойкость, исключительная любовь к людям труда и ненависть к эксплуататорским классам.

Есть смысл на примере жизни и деятельности одного из прекрасных представителей ленинской гвардии искать ответ на главный вопрос: как, во имя чего жить сегодня?

Второго октября 1940 года отмечалась двадцатая годовщина исторической речи Ленина на III съезде РКСМ. Этому событию посвятил свое выступление М. И. Калинин. Все, о чем говорил он тогда, обогащало ум, возвышало чувства, вызвало не-

удовлетворенность собой, стремление достичь чего-то более значительного.

Такими всегда были встречи с Калининым. О нем можно сказать, что он на всю жизнь был добровольно партприкрепленным к комсомолу — именно добровольно, в силу понимания революционной роли молодежи, в силу искренней отцовской любви к ней. Так мог любить молодежь только человек, прошедший твердо и мужественно через самые суровые испытания жизни.

Вернемся к собранию в октябре 1940 года. Михаил Иванович напомнил слушателям ленинскую мысль о том, что производительность труда — это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Отношение к труду определяет степень сознательности человека, его активность в построении нового общества. Воспитание в труде есть важнейший элемент коммунистического воспитания.

К проблеме трудового воспитания Калинин возвращался постоянно, освещая ее всесторонне, с различных позиций. Михаил Иванович отечески внушал комсомольцам, молодежи необходимость вырабатывать сознательное социалистическое отношение к труду. Времена изменились. Труд перестал быть тяжелым бременем, как это было в условиях капиталистического общества. Теперь он стал делом чести и славы. Рабочий трудится на свое государство, на себя, поэтому и отношение к труду должно быть иным. Почетен любой, необходимый для Родины труд. Надо ценить и уважать труд рабочего и земледельца. Стране нужны специалисты с высшим образованием. Ей нужны и квалифицированные, знающие свое дело работники промышленности, транспорта, сельского хозяйства.

Тема эта не изжила себя и сегодня. Однажды «Комсомольская правда» обратилась к читателям с просьбой ответить на вопрос «Кем быть?». В редакцию пришли 204 ответа, которые определенно дают повод для размышлений. Письма свидетельствуют, что многие читатели хотят получить такие важные профессии, как учитель, врач, юрист, журналист, артист (наибольшее число ответов). Среди других специальностей популярны такие, как переводчик, архитектор, океанолог, дипломат и т. д. И в сравнительно обширной почте немногих писем, в которых авторы изъявляют желание стать рабочими.

Очевидно, в ответах юношей и девушек сказались влияние романтики. Но при чтении писем возникают и такие вопросы: если все захотят быть рабочими умственного труда, кто же будет плавить и прокатывать металл, выпускать автомобили, строить дома, вырабатывать зерно и овощи, чистить обувь и одежду, приготавливать еду? Вообразим себе остров, заселенный людьми, подготовка которых соответствует содержанию анкет-опросов. Как бы сложилась жизнь этих индивидуумов без работников тех профессий, о которых нет ни слова в анкетах?

Рассматривая явления действительности в их взаимосвязи, взаимодействия, Калинин связывал трудовое воспитание с общенародными задачами. В этом плане характерны и его выступления в комсомольских аудиториях в годы войны.

Весна 1942 года в Московской области ожидалась трудная. Надо было восстанавливать хозяйство, разрушенное гитлеровскими захватчиками. ЦК ВЛКСМ созвал совещание секретарей сельских комсомольских организаций. По нашей просьбе на заключительное заседание приехал Михаил Иванович. Вот как связывал он на том совещании задачу участия в разгроме врага с трудом молодежи:

— Просто хотеть — мало, это равноценно тому, что ничего не делать. Хочешь бить фашистов — бей их не словами, а делом. Если говорить о Московской области, то нужно прямо сказать: если хочешь участвовать в победе над немецко-фашистскими захватчиками, посади больше картофеля.

Работа на картофельной грядке — это не участие в бою на передовой. Но в том-то и сила Калининской пропаганды, что он сумел будничную работу показать как труд, без которого победа невозможна. Так пахарь встал рядом с воином.

Воздавая должное трудовому героизму и молодежи, Михаил Иванович предостерегал в то же время от бахвальства, зазнайства.

...Шло совещание секретарей райкомов и обкомов комсомола. Выступающие рассказывали о том, как сельская молодежь помогает фронту. Один из ораторов подчеркнул при этом, что во многих колхозах молодежь работает лучше, чем взрослые.

— Так и должно быть, — заметил Калинин. — Ведь у молодежи больше сил, энергии. Почему же она должна работать хуже взрослых?

На питерских предприятиях «Старый арсенал», знаменитом Путиловском, Трубочном М. И. Калинин прошел школу мастерства, стал первоклассным токарем-лекальщиком. В нем жила и прекрасно выражала себя гордость рабочего человека. Он терпеть не мог небрежности, небрежности, разгильдяйства. Рассказывая мне о дореволюционном Петрограде, он выделял у рабочих такую черту, как добросовестное отношение к делу.

— В борьбе с капиталистами, в классовых боях рабочие шли на острые акции, вплоть до вооруженных восстаний. Но халтурить на работе не было принято. Уважающий себя рабочий дорожил своей честью, не мог работать спустя рукава.

Припоминаю такую историю.

Весной 1941 года в приемную Михаила Ивановича доставили посылку из Донбасса, из города Горловки. В ней оказался набор слесарных инструментов, изготовленных учащимися школы ФЗО.

— Конечно, за подарок надо сказать спасибо, — рассуждал он, показывая мне инструмент. — Но вот мастерства пока не хватает — и обижать молодежь не хочется и либеральничать не стоит. Попробую все-таки им написать.

Занятый множеством крупных партийных и государственных дел, Калинин нашел время и для ответа в Горловку. Вот содержание его письма:

«Получил ваш подарок, за что сердечно благодарю вас. Но при осмотре установил, что далеко не все образцы работ ваших первых месяцев учебы могут быть признаны удовлетворительными.

Так, например, нарезка винта в ручных тисочках сделана слабовато. Фасонные молотки отработаны очень грубо. Если бы вы приложили линейку, то увидели, что плоскости одного молотка имеют пухлость, а другого — глубокую выемку. Искусный слесарь никогда этого не допустит...

Я надеюсь, что вы поймете меня правильно и не обидитесь на такое письмо. Так как я от души желаю вам успеха, то поэтому и решил сказать всю правду. Пожалуйста, не огорчайтесь и не падайте духом. Помните, что никакая учеба сразу и легко не дается».

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Эта ленинская формула вобрала в себя необычайное по масштабности содержание.

В 1889 году Михаил Калинин с похвальным листом окончил Яковлевское начальное училище. Четырехлетний курс он усвоил в два года. Поступив в услужение к помещику Болтовскому, Калинин выехал в Петербург. У хозяев была обширная библиотека, и Калинин жадно набросился на книги. С поразительной целеустремленностью и упорством занимался он самообразованием.

В ночь на 4 июля 1899 года Калинин был арестован и брошен в тюрьму. Арест не сломил 24-летнего Калинина. Пребывание в тюрьме он превратил в своеобразный университет и за десять месяцев прочитал 160 книг. Среди них был и первый том «Капитала» К. Маркса. Эту книгу, как и некоторые другие, Калинин изучал, неоднократно возвращаясь к прочитанному.

Вершиной науки М. И. Калинин считал марксизм-ленинизм. Всю свою жизнь он посвятил пропаганде революционной теории, осуществлению ее на практике. Все его речи, статьи, выступления — это страстный призыв к строительству нового социалистического мира.

М. И. Калинин был противником формального заучивания революционной теории. Главное, постоянно подчеркивал он, усвоить самое существо этой теории, научиться пользоваться ею на практике, воспринять исторический опыт революционной борьбы Коммунистической партии. «Марксистско-ленинская теория, — высеивая формалистов, говорил Михаил Иванович, — не символ веры, не собрание догматов, а руководство к действию».

Повторяем, Калинин чрезвычайно ценил книгу. Его библиотека насчитывала тысячи томов. Он не брал книг в общественных библиотеках. Михаил Иванович читал, как правило, с карандашом в руках, делал выписки, заметки на полях — он не мог себе позволить делать какие-либо пометки на книге, взятой из общественной библиотеки.

Читал он без торопливости. Лучше, говорил он нам, прочесть меньше, но добиться, чтобы прочитанное было по-настоящему глубоко усвоено.

Калинин, как это уже заметил читатель, превосходно знал классическую литературу. Говорить о книгах, писателях было для него наслаждением. Помню, в одной из бесед он восторгался Чеховым. По-моему, говорил Михаил Иванович, лучше его никто не пишет: все у него выражено коротко, сжато, ясно, прекрасным русским языком.

В годы войны Калинин хотел знать положение на фронтах не только из сводок, но и из бесед с людьми, из поездок на места — и обязательно из чтения литературы, написанной по горячим следам событий. Он особенно ценил произведения, в которых политическая острота, злободневность соединялись с высокой художественностью.

— Это настоящая большая поэзия, — говорил он в беседе про стихи Александра Твардовского.

— Читали очерки Константина Симонова? — спрашивал он в следующий раз. — Оперативный, умеет откликаться на события, глаз у него острый.

Поводом для такой оценки послужили очерки Симонова «Дни и ночи», посвященные боям за Сталинград. На Калинин большое впечатление произвел героизм воинов и рабочих сталинградских предприятий, описанный в очерках.

Михаил Иванович превосходно знал язык, чутко улавливал в беседах различные нюансы.

Однажды мы беседовали до поздней ночи. Была середина октября 1941 года, положение складывалось необычайно трудное: фашистские армии подошли к Москве. Понятно, какая могла быть тема беседы в таких условиях. Калинин советовал, чтобы комсомол помог танковым и пушечным заводам; рекомендовал не упускать работу среди сельской молодежи; дал согласие выступить на собрании комсомольского актива.

Уходя, я обратился к нему с вопросом:

— Михаил Иванович, должны же мы разгромить гитлеровцев?

— Не то слово, — заметил Калинин. — Не должны — надо! — с нажимом произнес он.

В дни войны получило распространение выражение «сверхметкий стрелок». И вот во время очередной встречи Михаил Иванович неодобрительно говорит:

— Что это за выражение — сверхметкий стрелок? Что он, сверх цели, что ли, стреляет?

И продолжает:

— Люди не придают значения смыслу слов, стремятся к вычурности — «сверхметкий», — а приходят к бессмысленности.

Нельзя относиться к слову небрежно, заключил Калинин.

Умение самостоятельно работать с книгой, жажду познания, стремление отыскивать новое, проявлять живой интерес к политической жизни — эти качества комсомольская организация призвана воспитать у комсомольца так, чтобы они стали чертой его характера. Современная обстановка предъявляет высокие требования к идеологической работе. Глубоко прав был Михаил Иванович, когда призывал комсомол глубоко изучать революционную теорию, воспитывать в себе идейную убежденность.

В творческом наследии М. И. Калинина большое место занимают вопросы воспитания молодежи в духе советского патриотизма. Великая Отечественная война явилась решающей проверкой силы советского строя. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» вобрал в себя главное, чем жил народ, его молодежь. В работе по пропаганде этого призыва почетное место принадлежит М. И. Калинин. Перечитывая сейчас статьи и речи М. И. Калинина военных лет, ощущаешь, сколь сильным было воздействие его слова, как он умел и в трудной обстановке вселять в своих слушателей дух революционного оптимизма, веры в Коммунистическую партию, в нашу победу.

Осенью 1941 года я ехал вместе с М. И. Калининым в Куйбышев. Естественно, что постоянной темой наших бесед была война против гитлеровской Германии. Мы условились, что по приезду в Куйбышев Михаил Иванович выступит на собрании комсомольского актива. Предполагалось, что с помощью газет, радио его выступление будет доведено до всех комсомольских организаций и станет хорошим мобилизующим фактором.

Собрание состоялось 12 ноября. Речь Михаила Ивановича слушали с исключительным вниманием. Это была действительно большевистская пропаганда задач комсомола, вытекающих из указаний Центрального Комитета партии.

«У меня теплилась надежда, что современное поколение комсомольцев, являющееся любимцем народа, — говорил он, — будет расти в более или менее спокойной обстановке, впитывая в себя знания и опыт».

Но вот, видите, на ваше поколение выпадают не менее трудные, а, пожалуй, еще более жестокие испытания».

Надо было слышать, с какой любовью и горечью были сказаны эти слова, как чутко восприняла их комсомольская аудитория.

На протяжении всех военных лет Михаил Иванович регулярно выступал перед молодежью. Если бы сейчас конспектировать эти его выступления, то вырисовался бы стройный план, в котором нашли бы отражение самые острые и самые важные проблемы работы комсомола в условиях войны.

Читатель помнит, вероятно, что система государственных трудовых резервов была создана по инициативе Центрального Комитета партии накануне войны против гитлеровской Германии. Председателем комитета работал Петр Георгиевич Москатов — бывший рабочий-металлург, прошедший большую школу партийной и профсоюзной работы. Вместе мы обратились к Калинин с просьбой — выступить перед работниками системы трудовых резервов и комсомольским активом.

Калинин согласился.

— В самом деле, трудовые резервы оказались в трудных условиях. Не успели они опериться — началась война. Теперь и учить надо и заказы для фронта выполнять.

С этого и начал Михаил Иванович свою речь. Заметив, что воспитание трудовых резервов — дело очень трудное, как он выразился, кропотливое, Калинин выдвинул три главных момента. Первое — надо подготовить более или менее квалифицированных рабочих. Второе — надо, чтобы новые эти кадры были достойным пополнением рабочего класса. Третье — надо учить будущих рабочих и одновременно брать заказы для фронта.

Обратим внимание на такое пожелание Калинина — надо, чтобы новые кадры были достойным пополнением рабочего класса.

Делясь со мной впечатлениями о том, как обсуждался в Центральном Комитете партии вопрос о трудовых резервах, Михаил Иванович подчеркивал: партия не может быть безразличной к тому, какими кадрами пополняется рабочий класс. Моло-

дые рабочие должны быть носителями лучших революционных традиций российского пролетариата, в них должно быть высоко развито чувство собственного достоинства.

— В борьбе против эксплуататоров,— рассказывал он в другой раз,— пролетариат мог пойти на самые решительные действия. Но настоящий сознательный рабочий никогда не стал бы халтурить, работать кое-как. Звание рабочего не позволяло ему работать спустя рукава. Мы должны культивировать среди рабочей молодежи чувство профессиональной чести.

Сам прошедший большую трудовую школу, Михаил Иванович очень хотел, чтобы молодежь росла не изнеженной, не чуралась физического труда.

— Наш молодой человек должен быть хваток и в физическом труде и вместе с тем интеллектуально развит,— внушал он.

По-другому говорил Калинин с представителями сельской молодежи. Помню его окруженным комсомольцами из колхозов Московской области. Восстанавливая его беседу с комсомольцами-колхозниками Ярославской области; это было 18 марта 1943 года. Перед коллективом ярославцев он согласился выступить, потому что они умело и активно брались за подготовку к весне.

— Хорошие ребята, их надо поддержать,— заключил он, выслушав рассказ о делах в области.

Калинин начал речь очень просто. Война, говорил он, возложила на сельское хозяйство трудные задачи: людей в деревне стало меньше, не хватает тракторов, лошадей, а продуктов производить надо больше.

Все ясно, просто. Сказать так, как сказал Калинин, мог, пожалуй, любой колхозник; Калинин выражал мысль, которой жила вся сельская молодежь.

Фронт отодвинулся на Запад. Это хорошо, говорил Калинин, но не успокаивал. Чтобы изгнать врага, надо напрячь все силы, подчеркивал он.

Кто же должен снабдить продовольствием Красную Армию, промышленные предприятия? Надо положиться на молодежь. Вам, комсомольцам, делал вывод Михаил Иванович, надо стать настоящими организаторами молодежи.

Когда началась демобилизация, многие эшелоны прикатили на Белорусский вокзал. Здесь были удивительные, трогательные встречи. Ветеран с пшеничными усами, в мятой пилотке поднимал на руки и обнимал выросшего сынишку. Мать беззвучно плакала на плече сына. Жена обнимала мужа, не отрываясь смотрела на дорогое лицо и снова бросалась в объятия.

Все было прекрасно: и яркое солнце, и зелень сквера, и красные транспаранты, и звон оркестров.

Но самыми прекрасными были люди, великое их счастье.

Насмотревшись таких удивительных счастливых картин, мы попросили Михаила Ивановича приехать на встречу с девушками-воинами. Такая встреча состоялась 26 июля 1945 года.

Выступили летчицы—представители знаменитого комсомольского женского авиаполка, девушки-снайперы, связистки. Майор Кондрашина, бывший работник ЦК ВЛКСМ, теперь пом. начальника Политуправления по комсомолу Южного фронта, говорила:

— Где бы мы ни были—около пушки, орудия, аэростата, в госпитале, на родной земле или в Венгрии, Польше, мы всегда помнили свою ответственность, всегда помнили о долге перед Родиной.

Михаил Иванович был необычайно растроган. Может быть, в его сознании вновь вспыхивали эти четыре года невероятной борьбы? Он нервно крутил бумажку, все его внимание было поглощено речами девушек-воинов. И первым его словом было поздравление с Великой Победой. Женщины, сказал Калинин, сыграли выдающуюся роль в победе над врагом.

— Теперь вы возвращаетесь к мирной жизни. А мирная жизнь—это нормально поставленная жизнь, которая вообще присуща человеку. Вот я и пожелаю,— закончил Михаил Иванович,— чтобы и в эту мирную жизнь вы внесли частицу тех творческих сил, которые у вас накопились, которые вы принесли из армии.

Громадный опыт партийной и государственной работы, глубокая эрудиция, специальное изучение таких важных для дела воспитания наук, как история, философия, психология, педагогика, логика, позволяли Калинин анализировать существо комсомольской работы, давать советы и предложения комсомолу, его руководящим кадрам.

Человек по натуре чрезвычайно чуткий, деликатный, Михаил Иванович умел видеть комсомол не только как массовую организацию. «Комсомол,— говорил он,— богат людьми самых разнообразных профессий: ученые, писатели, инженеры, агрономы, рабочие и колхозники, профсоюзные, политические и административные работники,

красноармейцы, летчики и т. д. Сколько здесь характеров и умов, сколько профессиональных особенностей! И к тому же это люди зазорные, с обостренной впечатлительностью и повышенной активностью, стремящиеся принести максимальную пользу своему народу». Из этого Калинин делал такой вывод: задача комсомола—в том, чтобы всю эту людскую энергию умело использовать и направить ее органически, не ломая личных устремлений, не тормозя бюрократическими выкрутасами, в русло ленинизма, в русло партийности.

Комсомол—организация коммунистического воспитания. На приеме комсомольских работников Красной Армии один из ораторов спросил: как быть с тем, что у нас есть и плохие комсомольцы?

«А что же сделаешь? Комсомольцы не с неба свалились, они вышли из народа. В народе есть хорошие, очень хорошие люди, а есть плохие—труссы, лентяи, лицемеры».

Людей надо воспитывать. Конечно, иногда можно встретить и отсталых. Не надо их упускать из-под нашего влияния; объяснял Михаил Иванович.

Комсомольская организация не безликая масса. Комсомольский коллектив состоит из людей, и боеспособность коллектива зависит от степени активности каждого комсомольца. Из этого складывается успех и всего Ленинского комсомола. Эту простую истину постоянно подчеркивал Калинин. Комсомольская работа не самоцель. Ценность комсомольца не в том, что он хорошо выступает на собраниях, а в том, как он справляется с той основной работой, которая ему поручена. Комсомольские организации должны знать, как работает каждый комсомолец. Комсомольская организация призвана воспитывать в каждом комсомольце высокую идейность, сознание глубокой ответственности за дело Родины, за строительство коммунизма.

Всей своей жизнью М. И. Калинин воспитывал у комсомольцев, молодежи любовь и уважение к Коммунистической партии, готовность беззаветно бороться за ее идеалы. Он подчеркивал, что наша партия дает своим членам глубокое сознание, что они приносят пользу своей работой трудящимся. Михаил Иванович страстно желал, чтобы новые молодые поколения воспринимали от ленинской гвардии веру в дело партии, были ее верными сынами и дочерьми.

В октябре 1943 года отмечалось 25-летие ВЛКСМ. Естественно, что Михаил Иванович пришел на этот праздник, на торжественное собрание в Большом театре. В печати он выступил со статьей, охарактеризовав славный путь Ленинского комсомола как боевого помощника большевистской партии. Оценивая беспримерный героизм комсомольцев и молодежи в боях с врагом, Калинин в качестве его источника указывал на неразрывную связь комсомола с Коммунистической партией. Партия вдохновляет комсомол на подвиги во имя общего дела. Цели, поставленные нашей партией, величественные—добиться блага народа, его братского единства; за эти цели боролась и борется наша партия, а вместе с ней и под ее руководством беззаветно борется и комсомол, увлекая за собой всю советскую молодежь.

Борьба за счастье народа, его молодежи Михаил Иванович Калинин посвятил всю свою жизнь.

В 1898 году он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Он выдержал 14 тюрем и ссылок, и ничто не сломило его.

Работа М. И. Калинин неотделима от деятельности нашей партии, от истории Советского государства.

С марта 1919 года он являлся членом ЦК, кандидатом в члены Политбюро, а с января 1926 года, на протяжении более чем 20 лет, был членом Политбюро.

В течение 27 лет М. И. Калинин занимал посты—Председателя ВЦИК, Председателя ЦИК СССР, Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Дважды награждался Михаил Иванович орденом Ленина, дважды—орденом Боевого Красного Знамени.

В 1944 году товарищу Калинин было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В этот день Центральный Комитет партии и Советское правительство, приветствуя его, отмечали:

«Теснейшей связью с широкими массами трудящихся, своей сердечностью и простотой, богатейшим жизненным опытом и большевистской мудростью Вы снискали себе глубокое уважение и искреннюю любовь всех народов. Ваше имя стало символом беззаветного служения и преданности интересам Родины, ее благосостояния и процветания».

Жизнь и труд таких людей, как Михаил Иванович Калинин,—пример для комсомольцев и всей молодежи.

Юрий АПЕНЧЕНКО

Военный летчик

Н. А. Белкову.

Июньский полдень. Чисто поле.
Я сплю и вижу сон о воле.
Как в давнем детстве, снится мне,
что я пелу, раскинув руки,—
и нет, наверно, слаще муки,
чем то парение во сне.
Изгиб реки, деревьев купы,
тропы, намеченная скупой,
гряда холмов, а там, за ней,
когда поднимешься повыше,—
дождями тронутые крыши.
То крыши родины моей.
Мне все здесь мило и знакомо.
Но как давно я не был дома!..
Мой дом—за тридевять земель.
Во сне меня томит истома...
Сплю на краю аэродрома,
вернувшись с вылета на цель...

Вокзал

Свет—желт. Шум—гулок.
Запах—как всегда.
Сорят. Метут. Минуты легче капель.
Тут люди ожидают поезда.
А если устают, ложатся на пол.
Вокзал не заповедник, это лес.
В битком набитом зале ожидания
ты лично можешь наблюдать разрез
всей нашей жизни. Изучать желанья
и помыслы. Сумеешь отличить
добро от зла, надежду от сомненья.
И, может быть, ты скажешь:—Надо жить,
как на вокзале. Тут людские мненья
не прячутся, глаза глазам не лгут,
обиды тут не обижают,—тут
определены все определенья.
Тут вечно пять минут до отправления
и вечно до прибытия пять минут.

Петры

Он был не первый Петр. Да и потом,
как это всем доподлинно известно,
мальчишек многих нарекли Петром,
и звали их Петрушами невесты.

Они росли—скуласты и хитры,
прижимисты, добры и прямодушны—
Петры, Петры, Петры, как бы миры.
И звали их Петрушами подружки.

Какие были руки у Петра?
Откуда знать? Давно уж нет Петрухи.
Есть яблона среди его двора.
Ешь яблоки. Такие были руки.

МАЙСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Граждане «второго сорта»

В 1972 году в штате Кентукки была ратифицирована поправка к Конституции США, провозглашающая равные права для женщин. Но в марте 1978 года после ожесточенных дебатов отцы-законодатели штата шестидесятым голосом против двадцати восьми изменили свое прежнее решение. Тем самым Кентукки стал четвертым штатом, аннулировавшим утверждение поправки, которая запретила дискриминацию граждан США по признаку пола и уравнивает в правах женщин и мужчин Америки. Часть высококвалифицированных юристов сомневается в правильности этого шага властей штата, изменивших свое предыдущее решение, но как бы там ни было, эта акция в защиту женщин, кажется, обречена на провал: хотя поправка и была в свое время

ратифицирована в тридцати пяти штатах, все равно не хватало «голосов» еще трех штатов, чтобы сделать ее частью Конституции страны.

Сторонники равноправия женщин обеспокоены: если до 22 марта 1979 года поправка не будет утверждена законодательными собраниями тридцати восьми штатов, то это будет означать ее окончательное отклонение.

Президент движения за внесение поправки в Конституцию США Элеонора Смит говорит: «Окончательный срок для решения вопроса — 22 марта 1979 года — фиксирует внимание на времени, а не на существе дела. Не может и не должно быть никаких временных границ в борьбе за равенство граждан страны».

«ТАЙМ», США

16 ДРАМАТИЧЕСКИХ ЧАСОВ

Самолет, пилотируемый 49-летним летчиком Гарольдом Корбеттом, поднялся с острова Мауи. Неожиданно мотор начал работать с перебоями. Пилот делал все возможное, чтобы самолет не упал в море, однако в трех с половиной километрах от острова Гавайи машина почти полностью потеряла управление и спланировала на волны. Корбетт подавал отчаянные сигналы, размахивая рубашкой, однако никто ни с берега, ни с проходящих судов не заметил его. Вскоре самолет затонул. Плывающего к берегу летчика окружили акулы. В одиночку, лицом к лицу с этими страшными морскими хищниками, человек начал неравную борьбу. Непрерывно атакуя, акулы переворачивались брюхом вверх, стремились схватить жертву и утащить ее под воду. Конец этого необычного сражения оказался счастливым для летчика. Диспетчер аэропорта на Мауи, удивленный тем, что самолет еще не прибыл на Гавайи, поднял тревогу и послал на поиски вертолет. Спустя 16 часов после падения самолета в океан Корбетт был обнаружен в море совсем недалеко от берега, окруженный акулами. Ему сбросили канат, он из последних сил обвязался им и был перенесен вертолетом на землю. Из неравного сражения Корбетт вышел всего лишь с царапинами на ногах.

«РОМЫНИЯ ЛИБЕРЕ»,
РУМЫНИЯ

«СУПЕРКРЫСЫ» В НЬЮ-ЙОРКЕ

Жизнь в черных американских гетто опасна и трудна, это хорошо известно. Однако в течение вот уже нескольких лет жители Гарлема, района в самом центре Нью-Йорка, подвергаются новому испытанию — нашествию крыс.

Война с ними стала еще ожесточеннее с тех пор, как в 1975 году появились невиданные ранее гигантские крысы. Обитатели гетто назвали их из-за огромных размеров «суперкрысами». Эти крысы, величиной почти с кошек, особенно страшны для детей.

Заставленные мусорными ящиками, заваленные отбросами, тротуары всегда были полны грызунов. Чтобы как-то с ними бороться, в ход были пущены различные отравляющие вещества. Но результат оказался неожиданным. Животные приспособились к яду, а выжившие особи превратились в настоящих чудовищ, против которых бессильны все применявшиеся до сих пор яды.

Эти гиганты особенно агрессивны. В 1976 году в Гарлеме было зарегистрировано около десяти случаев, когда крысы загрызли новорожденных, оставленных на какое-то время без присмотра. В некоторых семьях по ночам приходится теперь принимать меры предосторожности и спать по очереди. А тот, кто дежурит, должен вооружаться карабином, так как сейчас это единственное действенное оружие, которым можно бороться с гигантскими крысами.

«ЖЕН АФРИК», ТУНИС

СПРАВОЧНИКИ НАДО УВАЖАТЬ

Комиссия, руководящая электрификацией железных дорог в Италии, вынуждена решать сложную проблему, которая возникла, впрочем, по ее собственной вине. В трехкилометровом туннеле Кастильоне по поручению комиссии были проведены провода питающей сети для скоростных электропоездов. Работа была сложной, но выполнена ее в срок. В последний момент оказалось, однако, что электропровода почти на десять сантиметров выше проема туннеля. Что предпримет комиссия, неизвестно. Известно, впрочем, другое: размеры туннеля Кастильоне фигурируют почти во всех географических справочниках.

«ХОРИЦОНТ», ГДР

КАМЕНЬ ВМЕСТО МЕТАЛЛА

Изделия из литого базальта, выпускаемые на заводе, вступившем недавно в эксплуатацию неподалеку от болгарского города Габрово, не только могут полностью заменять железо, сталь и цветные металлы, но и по многим свойствам превосходят их. Отливки из чугуна, например, изнашиваются в 20 раз, а отливки из стали — в 10 раз скорее, чем детали из литого базальта. Сейчас отличающиеся большой прочностью трубы из литого базальта можно использовать во многих отраслях экономики вместо асбестовых труб. Устойчивость к кислотам и щелочам, износу и коррозии открывает изделиям из камня большие перспективы в стекольной, цементной и химической промышленности.

«ДЕЛЬТА», ВЕНГРИЯ

ОНИ ПРОТЕСТУЮТ

Две недели бастовали в прошлом году студенты ФРГ. Непосредственным поводом к акциям протеста послужило принятие федерального закона о вузах. Этот закон значительно ухудшает положение студентов: вводятся более строгие дисциплинарные наказания, студенческие организации лишаются права вести политическую деятельность и ставятся под контроль местных властей, вдобавок ко всему в ущерб качеству обучения время учебы на многих факультетах сокращено до 3—4 лет.

Будущее не слишком обнадеживает западногерманских студентов — среди обладателей университетских дипломов растет безработица, а общая атмосфера нагнетания истерии, создаваемая правой печатью, только подливает масла в огонь. Студенты и преподаватели вузов часто обвиняются в «симпатиях к террористам».

Неутешительно и материальное положение студенчества. В итоге

политической борьбы студентов, происходившей в шестидесятые годы, в 1971 году был принят закон о поддержке образования, после чего число стипендий было увеличено. Однако растущая стоимость жизни заставляет многих студентов подрабатывать в процессе учебы, чтобы свести концы с концами. Впрочем, получить стипендию еще полдела, — ведь после завершения образования студенты обязаны вернуть большую часть стипендиальных сумм. С 1975 года стоимость питания в студенческих столовых возросла на 20 процентов, а сумма обязательной студенческой страховки — на 47 процентов.

Главной же проблемой по-прежнему остается безработица. В 1974 году не нашло работы 14 тысяч выпускников вузов, в 1976 году — 37 тысяч, а в нынешнем, 1978 году это число, как полагают, достигнет 50 тысяч.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Мой молчаливый друг

— Скажите, как зовут вашу... (так и хочется сказать — собачку), — нередко спрашивают прохожие у лондонского полицейского Малколма Дэвиса. «Гортензия!» — с серьезным видом отвечает страж порядка. Полицейские, как известно, шутить не склонны. Но как не улыбнуться, увидев рослого «бобби», который неспешно идет по тротуару, таща за собой на ремешке кусок кирпича.

Шутка? Но шутка эта такого рода, что стала весьма распространенным явлением. Таскать на ремешке или цепочке камешек или иной неодушевленный предмет стало на Западе модой. А мода эта пришла из США, где небольшие черные камни продаются для аналогичной цели под названием «безмолвный друг». Есть среди них камни для ношения в специальной коробочке с ручкой и окошечками, есть и такие, которые тащат на цепочке.

А пока социологи раздумывают над этим странным явлением, Малколм Дэвис охотно отвечает на вопросы прохожих: «Я не вижу ничего странного в этом деле. Гортензия — добрая собачка, и получше живой, потому что не просит есть, не кусается, не лает, не задирает ногу у каждого дерева. Вдобавок я уверен, что мой безмолвный камешек никогда не подведет меня в отличие от живого. К тому же по нынешним временам содержание настоящей живой собаки обходится весьма недешево!»

«ПАРАЛЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

НАТО: В АРМИЮ ПРИГЛАШАЮТСЯ ЖЕНЩИНЫ

Минувшей осенью армии стран НАТО включили в военные маневры, проходившие в ФРГ, триста женщин. Ставилась цель проверить в условиях, приближенных к боевым, возможность привлечения женщин в современные воинские части, оснащенные новейшей электронной техникой.

Выяснилось, что женщины-добровольцы, — кстати, все они окончили полную среднюю школу, в некоторые и институты — осваивались в боевых условиях так же хорошо, как и мужчины. Кроме того, женщины, изъявляющие желание вступить в ряды армии, остаются, как правило, на воинской службе на более длительный срок, нежели добровольцы-мужчины. С женщинами реже возникают проблемы дисциплины, и они не так часто, как мужчины, злоупотребляют алкоголем и наркотиками. В форте Джексон было устроено соревнование, и, по общему мнению, его выиграл прекрасный пол. Дамы серьезнее относятся к выполнению всех распоряжений начальства. Однако женщины в некоторых стрессовых ситуациях реагируют на трудности несколько неожиданно для их командиров — они плачут.

ИЛЛЮСТРИТЕД УИКЛИ ОВ ИНДИЯ, ИНДИЯ

ПОДВОДНЫЙ ПЛАНЕР

Для рыбаков исключительно важно знать характер водных слоев от поверхности до глубины, на которую можно опускать рыболовные тралы, то есть располагать информацией о наиболее богатых рыбой водных пластах. Для сбора такой информации в Гданьском политехническом институте создана оригинальная подводная лаборатория. Речь идет о подводном планере, буксируемом траулерами или движущемся самостоятельно с помощью электродвигателей, работающих от аккумуляторов. Двухместный аппарат располагает четырьмя аккумуляторами, мощными прожекторами, специальными приспособлениями для ловли рыбы и планктона. Максимальная глубина погружения 250 метров. Наряду с визуальными наблюдениями экипаж исследует обстановку и посредством автоматических электронных анализаторов, которые собирают и описывают в виде графиков информацию о процентном содержании рыбы на определенной глубине. Полученные подводным планером данные впоследствии используются для составления прогнозов ловли.

«МОЖЕ», ПОЛЬША

Самые распространенные заблуждения

Турист наводит свой фотоаппарат на знаменитую вестминстерскую башню с часами и делает снимок «Большого Бена». По крайней мере так он думает. На самом деле турист фотографирует башню святого Стефана. А «Большой Бен» — это спрятанный внутри башни громадный колокол, который отбивает часы.

Мы постоянно сталкиваемся с множеством чрезвычайно широко распространенных заблуждений, не давая себе труда проверить истинность тех или иных складывающихся веками мифов. Прания ли мы, например, называя какого-то обжору «свиньей» только потому, что он много ест? В действительности, свиньи никогда не пережуют. Любому фермеру вы скажете, что у коровы или лошади больше шансов пострадать от неумеренного потребления пищи; свинья знает, когда следует остановиться.

Другой миф касается волюнок. Они изобретены не в Шотландии

или в Ирландии. Волюнки были известны древним египтянам, грекам и римлянам. Волюнки были изображены на монете времен императора Нерона.

Гиза Клеопатры на лондонской набережной Виктории не имеет никакого отношения к Клеопатре — она была создана на несколько столетий раньше.

Страус не зарывает при испуге голову в песок, так же как слоны не боятся мышей. Неверен и миф насчет сов — они ничуть не умнее других птиц; сова выглядит мудрой только потому, что у них большие глаза и неизменно важноторжественный вид, как у судей королевского суда.

И еще одно заблуждение. Относительно озона, который адски пахнет отдыхающие на морском побережье. На самом деле озон — редкость на высоте ниже семи тысяч футов над уровнем моря.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

НЕФТЬ НАЙДЕНА!

Рабочий класс Вьетнама может теперь с гордостью говорить о рождении в стране новой отрасли промышленности — нефтяной. Начало когда-то было довольно скромным: шестнадцать лет назад была организована первая бригада, перед которой поставили задачу поисков нефти. В нее входил десяток людей, и среди них только два геолога-разведчика со средним специальным образованием. На вооружении поисковиков были лишь самые простые инструменты. Днем и ночью, в жару и под проливными дождями, пересекая реки и горы, шли пионеры нефте-разведки из района в район, и ничто — ни неудачи, ни налеты американской авиации — не могло поколебать их веру в то, что нефть в стране есть. И «черное золото» было найдено. Буровые вышки стали неотъемлемой чертой пейзажа страны.

Ныне ряды разведчиков нефти исчисляются несколькими тысячами человек. В их числе опытные специалисты, за плечами которых и большой опыт и высшее специальное образование. Среди геологов Вьетнама есть и геофизики, и буровики, и изыскатели. В 1977 году план буровых работ был выполнен уже в первые три месяца.

Страна восстанавливает свою экономику, и мы с гордостью говорим, что недра Вьетнама богаты нефтью.

«ВЬЕТНАМ ЮС», СРВ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Артур ХЕЙЛИ,
Джон КАСТЛ

посадочная полоса 08

Перевод Марии БОГДАНОВОЙ

ГЛАВА I

Выхватывая светом фар косые потоки дождя, такси стремительно приближалось к зданию аэропорта Виннипег. Колеса отчаянно взвизнули, машина, резко затормозив, остановилась. Единственный пассажир, ехавший в ней, выскочил на тротуар, сунул водителю пару банкнотов и, схватив чемодан, бросился к дверям, которые непрерывно распахивались перед нескончаемым потоком людей.

Очутившись внутри огромного зала, приехавший на секунду замер. Свободной рукой он отогнул поднятый воротник плаща и, взглянув на стенные часы, почти бегом направился к регистрационной стойке компании «Кросс-Канадиен Эйрлайнз». Она была расположена в углу и чем-то напоминала стойку бара. Около нее виднелась лишь одинокая фигура служащего компании, проверявшего декларацию. Затем агент взял микрофон и, глянув на человека в плаще, начал размеренно и четко объявлять: «Рейс 98. Рейс 98. Посадка на самолет, следующий прямым сообщением до Ванкувера с пересадкой на Викторию, Сиэтл и Гонолулу, совершается через вход номер 4... Всех пассажиров рейса 98 просят пройти через вход номер 4 на посадку. Просьба не курить».

Оторвавшись наконец от расслабляюще-мягких кресел или от осточертевшего чтения газет, часть ожидающих в едином порыве устремилась к указанному входу. Человек в плаще был уже готов обратиться к служащему, но его буквально оттолкнула пожилая женщина и, заикаясь от волнения, спросила: «Молодой человек, самолет из Монреаля, рейс 63, уже здесь?»

— Нет, мадам,— вежливо отозвался агент и, взглянув на расписание, добавил: — Он прибывает с опозданием примерно на 37 минут.

— О боже! Я договорилась о встрече со своей племянницей.

— Послушайте,— с отчаянной настойчивостью обратился к служащему человек в плаще.— Нет ли у вас свободного места на рейс 98 до Ванкувера? Агент покачал головой:

— К сожалению, нет. Ни одного. А вы справлялись в бюро заказов?

— Не было времени. Проехал прямо сюда, наде-

ясь, что кто-нибудь сдаст билет.— Человек в плаще стукнул от досады по столу.— Ведь у вас такое случается, я знаю.

— Совершенно верно, сэр. Но из-за завтрашнего матча все забито битком. Места на все наши рейсы до Ванкувера были заранее заказаны, и я сомневаюсь, что вам удастся улететь раньше завтрашнего дня, да и то только после полудня.

Человек тихо выругался, поставил чемодан на пол и сдвинул на затылок промокшую от дождя шляпу.

— Дело дрянь. Мне во что бы то ни стало надо быть завтра в Ванкувере не позднее двенадцати... — До чего невоспитанный! — обиженным тоном произнесла пожилая дама.— Я ведь тоже разговариваю. Вот что, молодой человек...

— Одну минуту, мадам,— прервал ее агент. Он перегнулся через стойку, дотронувшись карандашом до рукава стоявшего перед ним человека, проговорил: — Конечно, не полагается это делать, но...

— Да? Что такое?

— Ну, вот уж, действительно! — взорвалась оставшаяся без внимания дама.

— Тут есть еще один рейс, из Торонто. Он специально заказан на этот матч. Кажется, у них было несколько свободных мест. Может быть, вам удастся заполучить одно из них.

— Отлично! А что, может, повезет? — воскликнул человек в плаще, подхватывая чемодан.

— Попытка не пытка.

— А куда обратиться?

Агент указал через холл:

— Чартерные рейсы компании «Мэпл Лиф». Но я вам ничего не говорил, ясно?

— Огромное спасибо,— проговорил молодой человек и стремительно направился к небольшой стойке, над которой висела табличка с названием авиакомпании. За стойкой сидел служащий в темном, не в пример элегантной форме компании «Кросс-Канадиен», мешковатом костюме. Взглянув на подошедшего, он перестал писать и выжидающе замер с карандашом в руке.

— Не могли бы вы мне помочь? У вас случайно не осталось свободного места на рейс до Ванкувера?

— Ванкувер? Сейчас взгляну.— Его карандаш заскользил по списку.— Да, одно есть. Но самолет

ПОВЕСТЬ

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

отправляется прямо сейчас. По правде сказать, он должен был уже улететь, но задержался.

— Вот и прекрасно! Так я могу получить билет?

Агент пододвинул к себе корешок с бланками.

— Ваше имя, сэр?

— Джордж Спенсер.

Все данные были быстро записаны.

— Шестидесять пять долларов в один конец, сэр.

Спасибо. Рад был вам помочь. Ваши вещи?

— Только небольшой чемодан. Я его возьму с собой.

В один момент чемодан был взвешен и зарегистрирован.

— Ну, вот и все, сэр. Возьмите посадочный талон. Теперь, пожалуйста, через выход номер 3. Спросите рейс 714. Поспешите, сэр. Самолет вот-вот отправится.

Спенсер кивнул и, обернувшись к стойке «Кросс-Канадиен», подал знак, что все в порядке. Агент, глядя через плечо донимавшей его дамы, строил одобрительную гримасу, и Спенсер заспешил к выходу.

Снаружи его охватил порыв ветра, подымавшего его от двигателей самолета.

С наступлением темноты жизнь любого крупного аэропорта кажется суматошной и беспорядочной, хотя на самом деле все идет своим, обычным, строго установленным порядком. Дежурный направил Спенсера через залитую светом бетонированную площадь, блестящую под дождем, к самолету, фюзеляж которого напоминал отливающую серебром стрелу. Рабочие уже готовились отвести трап. Перепрыгивая через лужи, Спенсер подбежал к ним, сунул отрывной талон от билета и стремглав поднялся по ступенькам, едва удерживая на голове шляпу, готовую вот-вот слететь под порывами ветра. Он нырнул внутрь самолета и остановился, с трудом переводя дыхание. К нему тотчас подошла запахнувшаяся в накиннутый плащ стюардесса и, улынувшись, закрыла плотно дверь. Одновременно завелись моторы.

— Не совсем вовремя, но что делать! — извиняющимся тоном проговорил Спенсер.

— Добрый вечер. Рада видеть вас у нас на борту.

— О да, и мне с этим повезло!

— Ваше место там.

Спенсер стянул с себя плащ, снял шляпу и направился по проходу к свободному креслу. С трудом заталкивая свой мокрый плащ на набитую вещами багажную полку, он заметил наблюдавшего за ним соседа:

— Вечно тут не хватает места.

Запихнув чемодан под сиденье, он с наслаждением растянулся на мягких подушках кресла.

— Добрый вечер! — раздался по радио голос стюардессы. — Компания «Мэйл Лиф» приветствует на борту своих новых пассажиров рейса 714. Желаем вам приятного полета. Присегните, пожалуйста, ремни. Взлет начнется через несколько минут.

Спенсер завопил со своими ремнями, а его сосед вдруг мрачно заметил:

— Довольно-таки удручающая надпись, не находите? — И он кивнул на маленькую табличку на спинке впереди стоящего кресла: «Ваш спасательный пояс находится под сиденьем».

Спенсер рассмеялся:

— А я бы точно погиб, если бы не попал на этот трамвай.

— О! Вы такой страстный болельщик!

— Болельщик? — И тут Спенсер вспомнил, что это специальный рейс на футбольный матч. — Нет. Просто мне чертовски срочно надо быть в Ванкувере по делу. Я бы не прочь, конечно, посмотреть игру, но, наверное, ничего не выйдет!

— На вашем месте я бы поостерегся говорить об этом вслух. Самолет полон отчаянными болельщиками, которые уверены, что Ванкувер существует только для того, чтобы власть поругать там своих противников да покричать за своих любимцев. Так что, если вы будете столь пренебрежительно говорить об этом матче, они спокойно могут вас покалечить.

Спенсер снова рассмеялся и, выглянув в проход, осмотрел салон. По той раскованной и радостной атмосфере, которая царила там, сразу было видно, что вокруг заядлые и здоровые духом болельщики, для которых сейчас нет ничего важнее, чем, ославив команду противника, триумфально отметить победу своих.

По правую руку от Спенсера сидела супружеская пара, с головой ушедшая в чтение отливающих глянцем спортивных журналов. Позади них четыре друга уже начинали наполнять спиртным бумажные стаканчики, намереваясь, по всей видимости, провести так всю ночь, подогревая этим верным способом энтузиазм в обсуждении заслуг своих любимых игроков. Обрывки их разговора долетали до Спенсера, будто бы это происходило на стадионе: «Хатгерти? Хатгерти! Что ты мелешь?! Да он еще не дорос до Гандерболта. А... вот этот... ну, этот еще куда ни шло». За этой легкая подвыпившей четверкой сидели другие типичные представители болельщиков со знаками своей команды. Это были здоровяки с разгоряченными лицами, готовые уже сейчас сыграть в матче, который собирались посмотреть в Ванкувере.

Спенсер повернулся к своему соседу. С профессиональным вниманием к деталям он тут же отметил хорошо сшитый, но скромный костюм, правда, уже изрядно помятый, неудачно подобранный галстук, волевые складки около рта, седеющие волосы; выражение лица уверенное и властное. «Внешность незаурядного человека», — решил про себя Спенсер. Но тут взгляд его перехватили полыхавшие назад за окном голубые огни взлетной площадки.

— Да, я здесь выгляжу, наверное, белой вороной, — чтобы поддержать разговор, продолжил Спенсер. — Но ничего не поделаешь. Признаться, мне нужно проверить одну торговую сделку, и очень даже крупную.

Его сосед вежливо осведомился:

— А что вы продаете?

— Грузовики. И довольно успешно.

— Вот как! А мне всегда казалось, что этим занимаются местные агенты компаний.

— Верно. Но меня вызывают, как правило, когда попадает крупная сумма. Ну, когда речь идет, скажем, о тридцати или даже, бывает, ста грузовиках. По правде говоря, меня недолюбливают эти местные агенты, они считают, что, поскольку я из главного управления, то в сделках мне все карты в руки. В нашем бизнесе свои особые сложности. Но все же можно жить.

Спенсер потянулся было за сигаретой, но тут же остановился:

— Черт, курить нельзя. Мы ведь еще не поднялись.

— Вроде бы нет.

— Ну, ничего. — Спенсер вытянул вперед ноги. — Ох, и устал же я!.. Понимаете, выпадают такие отвратительные деньки, когда с досады готов лезть на стенку.

— Да, бывает.

— Сначала этот гусь вдруг заявил, что ему больше подходят грузовики нашего конкурента. Но когда я все-таки договорился с ним и должен был заключить сделку этим же вечером за ужином, а на следующий день быть уже дома, вдруг приходит телеграмма, из-за которой мне надо все бросать и срочно лететь в Ванкувер, потому что там ускользает из рук очень выгодный контракт. И вот, чтобы спасти дело, ваш покорный слуга должен быть в Ванкувере не позднее завтрашнего полудня. — Спенсер тяжело вздохнул, но тут же сладко потянулся и с наигранной серьезностью сказал соседу: — Послушайте, если вам нужно сорок или пятьдесят грузовиков, то я могу устроить по очень сходной цене.

Его сосед рассмеялся:

— Нет, спасибо, боюсь, что мне ни к чему столько грузовиков. Это несколько не из моей области.

— А что у вас за область?

— Медицина.

— Так вы доктор?

— Да. И потому в отношении продажи грузовиков я для вас совершенно бесполезный человек. Я бы не смог себе позволить даже такую роскошь, как один грузовик, куда там сорок. Единственная блажь, которую я могу себе позволить, — это футбол, и ради него я готов ехать куда угодно, если, конечно, позволяет время. Вот почему я здесь.

Откинувшись на спинку кресла, Спенсер произнес:

— Очень хорошо, что вы здесь. Если я не смогу заснуть, вы мне пропишете снотворное.

В то время как он говорил это, моторы взревели в полную силу, самолет задрожал в отчаянной попытке вырваться из сдерживающей силы тормозов.

Доктор склонился к самому уху Спенсера и прокричал:

— В этом грохоте снотворное вряд ли вам поможет. Не знаю, зачем это нужно — поднимать столько шума, прежде чем взлететь.

Спенсер понимающе кивнул и, когда через несколько секунд рев моторов стих настолько, что можно было говорить без особого напряжения, ответил:

— Это обычная проверка моторов. Ее всегда проводят прежде, чем начать взлет. В каждом моторе по два генератора на тот случай, если один из них вдруг выйдет из строя. Во время прогрева каждый двигатель по очереди запускают на полную мощность и каждый генератор проверяют отдельно.

Пилот начнет взлет, лишь убедившись, что они работают нормально. Слава богу, здесь на этот счет строго.

— Видно, вы хорошо в этом разбираетесь.

— Ну, не совсем так. Во время войны я летал на истребителях, так что мои знания порядком устарели. К тому же я многое забыл.

— Ну вот, мы уже отправляемся, — заметил доктор, когда рев двигателей перешел на более глубокие и мягкие тона; сильный толчок, вдавивший их в спинки сидений, означал, что самолет начал все быстрее набирать скорость. Вот и пол под ногами плавно пошел вверх — они уже в воздухе. Продолжая набирать высоту, самолет круто накренился в сторону аэропорта, и Спенсер увидел, как возникшие из-под крыла огни начали тут же таять в густеющей темноте.

По радио объявили: «Можно отстегнуть привязные ремни. Курить разрешается».

— Каждый раз жду не дождусь, когда этот чертов взлет закончится, — проворчал доктор, отстегивая ремень и беря протянутую Спенсером сигарету. — Благодарю. Между прочим, меня зовут Байард. Бруно Байард.

— Рад познакомиться, доктор. А я — просто Спенсер. Джордж Спенсер из компании «Фул Брайт Мотор».

Оба спутника погрузились в молчание, откровенно наблюдая, как дым от сигарет медленно поднимается вверх и, подхваченный потоком кондиционированного воздуха, уносится прочь. Мысли Спенсера были не из приятных. Он решил, что обязательно поднимет шум в конторе, когда вернется. Правда, он успел объяснить представителю фирмы в Виннипеге, в чем дело, до того, как вызвал такси в аэропорт, и сказал, что окончательное подписание контракта придется немного задержать.

Ну, а в Ванкувере не такое уж крупное дело, чтобы оправдать все нынешние затруднения? Тогда неплохо было бы использовать эту заварушку для прибавки зарплаты. Или еще лучше — для повышения в должности. Например, хорошо бы занять место управляющего отделом реализации. О нем шеф говорил Спенсеру довольно часто, но пока еще безрезультатно. Тогда бы Мэри, он сам, Бобси и крошка Кит смогли бы перебраться из своего старого дома в Паркуэй Хайтс. Или же оплатить счета за новый водопровод, за бак, школу, а там ведь еще и страховка, холодильник, госпиталь, где последний раз рожала Мэри. Нет, не все сразу,

рассчитав, отметил Спенсер. Не все, даже на оклад управляющего.

Доктор Байард, все еще находившийся в нерешительности, то ли поспать, то ли воспользоваться передышкой в делах и просмотреть очередной номер Бостонского медицинского журнала, вдруг поймал себя на мысли о той маленькой, захолустной больнице, в которой он побывал несколько дней назад. «Интересно, как пойдут дела у Эванса дальше, — подумал он. — Многообещающий юноша, но до смешного молод. И все же, надо полагать, Дорис сможет удержать его на верной дороге. Жены докторов, слава богу, это делать умеют». Доктор слегка задремал, но тотчас очнулся, так как недокуренная сигарета обожгла пальцы.

Супруги, сидевшие через проход от Спенсера, были все еще поглощены чтением спортивных журналов. Описать Джо Гризера и Газель Гриэр можно одними и теми же словами, хотя вторую такую пару трудно себе представить. Оба были розовощеки, с ясными, пронзительными, как свежий воздух, глазами. Оба сидели, склонив головы над испещренными мелкими буквами страницами с таким видом, будто там раскрывались тайны мироздания. «А Барди молодчина, верно?» — спросил Джо, когда стюардесса подкатила к ним тележку с закуской. «О, еще бы!» — откликнулась Газель. Затем, методично жуя, они снова склонили над журналом свои рыжеволосые головы.

Четверо на задних сиденьях уже в третий раз наполнили свои стаканы. Трое из них были упитанные здоровяки, явно любители поспорить да побуйствовать, люди, отправлявшиеся в Ванкувер вкушать двухдневную свободу. Четвертый был маленький, неопределенного возраста человек с худым, длинным лицом. Говорил он с ярко выраженным ланкаширским акцентом. «За завтрашних «Львов», — провозгласил он, поднимая свой бумажный стакан. Его друзья присоединились с благоговейной торжественностью. Один из них, у которого виднелся на ланкане значок с изображением какого-то паршивого кота, стоящего, однако же, на задних лапках, как положено царям зверей, отметил, пустив по кругу свой портсигар: «Я уже и не думал, что нам все это удастся. Когда мы застряли в Торонто, я сказал себе: «Анди, этот великий матч тебе придется пропустить». А выходит, что самолет лишь опоздает на несколько часов. К тому же мы всегда можем выспаться, пока летим».

— Да, но не на голодный желудок, я надеюсь, — сказал другой. — Я подыхою от голода. Когда же они притащат поесть?

— Скоро уже. Они обычно подают около восьми. Но из-за этой задержки все запаздывает.

— Ничего! Только вот когда ждешь, лучше всего пить, — отметил ланкаширец, прозванный друзьями «Пейдодна».

— Притормози, мальчик. У нас не так уж много осталось.

— Не бойся. Там еще хватит. Поехали! Это поможет тебе уснуть.

В радостном оживлении, предчувствуя близость долгожданной большой игры, пятьдесят шесть пассажиров, среди которых было две или три женщины, коротали последние часы своего трансатлантического полета. За иллюминаторами мерцали огни пригородов Виннипега, но вскоре и они поглотились тьмой.

В крохотном, но хорошо оборудованном буфете стюардесса Джанет Бенсон готовила ужин, который, не случись этой задержки, должен был быть подан два часа назад. Ее отражение в зеркале над стеклянным шкафом выдавало то сильное и радостное возбуждение, которое она всегда испытывала в начале полета, но которое, слава богу, всегда можно было скрыть за дверцей ее кабины. Джанет, благодушно мурлыкая что-то, вынимала приборы и салфетки. Подавать еду было наименее приятной обязанностью стюардессы, и поэтому Джанет заранее подготавливала себя к предстоящему испытанию. Насытить желудки пассажиров, до отказа заполнивших салон самолета, довольно трудное дело, но все же она чувствовала себя уверенной и почти счастливой. При взгляде на ее светлые волосы, выбивавшиеся из-под форменной шапочки, на быстрые и ловкие движения ее подтянутой фигурки, у многих стюардесс перехватывало дыхание от зависти. В двадцать один год Джанет только начинала по-настоящему ощущать жизнь и находила ее отнюдь не плохой.

Впереди, в кабине пилотов, было слышно лишь мерное гудение двигателей. Оба пилота сидели совершенно неподвижно, лишь рука или нога время от времени делала легкое, едва приметное движение. Их лица были слабо освещены звездным мерцанием бесчисленных приборов. Из наушников, слегка сдвинутых назад, доносились потрескивающие звуки какого-то разговора между другим самолетом и землей.

Командир корабля Даннинг потянулся, разминаясь, и с легкой манерностью, уже хорошо знакомой

всему экипажу, выдохнул в свои роскошные усы. Выглядел он гораздо взрослее своих тридцати двух лет.

— Пит, как там температура в головке цилиндра третьего двигателя? — спросил он, бросив быстрый взгляд на второго пилота.

Пит шевельнулся и, посмотрев на приборы, ответил:

— Все в порядке. При мне его проверяли, но ничего не обнаружили. Наверное, само отрегулировалось. Сейчас не перегревается.

— Порядок.

Дан окинул взглядом ночное небо. Тонкий серп луны слабо освещал под собой белый волнистый покров. Перистая, облачная пряха то неторопливо приближалась к лобовому стеклу, то внезапно распадалась на тонкие волокна и исчезала в темном пространстве. Иногда самолет проваливался в громаду серо-молочного облака, через секунду-две вырывался из нее, как спаниель из воды, встряхиваясь и фырча.

— Может, повезет, и пройдем дальше при ясной погоде, — сказал Дан. — Не похоже, чтобы и на этот раз метеосводка ошиблась... Но почему-то, когда летишь с такой беспоконной компанией на борту, обязательно что-нибудь нарушается в графике.

— Точно, — согласился второй пилот. — А вот через месяц или около того будет спокойнее.

Самолет стало слегка подбрасывать, он столкнулся с восходящими потоками теплого воздуха, и на несколько минут командир сосредоточил все свое внимание на пилотировании. Затем спросил:

— Ты хотел бы попасть на этот великий матч в Ванкувере, и, конечно же, если сможем отдохнуть перед этим?

Второй пилот, немного помедлив, ответил:

— Еще не знаю. Как получится.

Командир пристально посмотрел на него.

— Что ты имеешь в виду? Что значит «как получится»? Если ты решил приударить за Джанет, то брось эти шуточки. Она слишком молода для такого Казановы, как ты.

Но эта характеристика менее всего подходила молоденькому пилоту с его вдумчивыми глазами и свежим цветом лица.

— Полгче, командир, — вспыхнув, возразил он. — Я еще никого в своей жизни не развратил.

— Ну что ж, малыш, это вполне возможно. Но не советую начинать с Джанет, — усмехнувшись, заметил капитан. — Половина персонала авиалиний Канады считает своим долгом завоевать ее. Не осложняй себе жизнь, малыш.

В трех с лишним метрах от них за раздвижной дверцей та, о которой говорили, принимала у пассажиров заказы на ужин.

— Не хотели бы вы сейчас поужинать, сэр? — склонившись над пассажиром, спрашивала она с мягкой улыбкой.

— А! Как это? Ах да, пожалуйста, — пробормотал Байард, с трудом выбиравшись из сна и, подтолкнув Спенсера, который все еще спал, позвал:

— Проснитесь! Ужин.

Спенсер зевнул и встряхнулся.

— Ужин? Прекрасно. Немного запаздываете, мисс, да? А я думал, что давно проспал его.

— Нас задержали в Торонто, сэр, и поэтому мы еще не подавали, — сказала Джанет. — Что вы желаете? Могу предложить баранью отбивную или запеченного лосося.

— Э... да, пожалуй.

Улыбка Джанет стала немного напряженной.

— Так что же, сэр? — переспросила она невозмутимо.

Спенсер, наконец, совсем очнулся:

— Ах, да, простите, мисс. Я буду отбивную.

— И я тоже, — сказал Байард.

Вернувшись в буфет, Джанет тотчас занялась приготовлением. Теперь ей требовалось не более получаса, чтобы все подать. Улучив минутку, она взяла телефон и нажала кнопку внутренней связи.

— Кабина пилотов, — раздался голос Пита.

— Я наконец подаю ужин, — сказала Джанет. — Лучше поздно, чем никогда. Есть баранья отбивная и запеченный лосось.

— Минутку.

Джанет услышала, как Пит обратился к командиру:

— Джанет, командир сказал, что будет отбивную, нет, секунду, он раздумал... как рыба, ничего?

— Мне кажется, что вполне, — задорно откликнулась Джанет. — Ее выбрали почти все.

— Ну, тогда командир возьмет лосося. А вообще-то давай два. И побольше гарнира не забудь. Мы ведь еще растем.

— Хорошо. Значит, двойные порции, как обычно. Ну, сейчас приплывет ваша рыбка.

Она быстро собрала два подноса и, неся их впереди себя, пошла к пилотам, с профессиональной ловкостью поддерживая равновесие при почти неощутимых колебаниях самолета. Пит появился, чтобы открыть ей дверь, и принял подносы. Коман-

дир уже переключил управление на автопилот и теперь заканчивал очередную радиосвязь с диспетчерскими пунктами в Ванкувере.

«Высота 16 тысяч, — продолжал он, обращаясь в крохотный микрофон, торчащий у его рта на тонкой пластмассовой дужке. — Курс точно 285. Воздушная скорость 210 узлов. Расчетное время прибытия 05.05 по тихоокеанскому часовому поясу. Конец».

Дан переключил связь на прием, и в кабине сразу же послышался звонкий треск из его наушников, сопровождавший подтверждения аэродрома: «Рейс 714-й? Говорит контрольный пункт Виннипег. Вас понял. Конец».

Дан достал бортовой журнал, сделал в нем запись и затем отодвинул кресло от штурвала на расстояние, достаточное, чтобы чувствовать себя свободным, но в то же время чтобы в любую минуту можно было до него дотянуться. Пит уже начал есть, поставив поднос к себе на колени.

— Я быстро, командир, — сказал он.

— Не спеши, — отозвался Дан, вытянув руки над головой, насколько позволял это довольно низкий потолок в кабине. — Я могу и подождать. Поешь в удовольствие. Ну, как рыба?

— Неплохо, — пробормотал с набитым ртом второй пилот. — Если бы еще этого было в два-три раза больше, то вполне бы насытился.

Командир хмыкнул:

— Ты бы лучше следил за своей талией, Пит! — И обернулся к стюардессе, которая ожидала в полумраке у двери: — Все в порядке в салоне? Как там наши болельщики?

Джанет пожала плечами:

— Совсем утихомирились. Наверное, их измотала наша задержка в Торонто. Четверо из них прикладывались довольно часто к бутылке, но останавливать их не имело смысла. От выпитого они только еще больше притихли. Наверное, ночь пройдет спокойно, тыфу-тыфу.

Пит насмешливо поднял брови:

— Ха-ха, детка. Вот в такую-то ночь все несчастья и происходят. Вот увидишь, кого-то уже сейчас выворачивает...

— Еще нет, — легко отпарировала Джанет. — Но предупредите меня, когда вы возьметесь за штурвал. Вот тогда-то я и приготовлю пакеты.

— Молодец, так его! — воскликнул командир. — Я рад, что ты его раскусила!

— Что слышно насчет погоды? — спросила Джанет.

— Сейчас проверим. Так. Небольшой туман на востоке от гор, распространяется почти до Манитобы. А в общем-то беспокоиться не о чем. Думаю, доберемся спокойно.

— Прекрасно! Только держи младшего подальше от штурвала, пока я подаю кофе.

И она выскользнула из кабины прежде, чем Пит успел ей ответить. Она направилась в салон, но вскоре снова появилась у пилотов с подносом. Дан к тому времени уже покончил с ужином и с удовольствием выпил принесенный Джанет кофе. Когда командир поднялся, Пит даже не обернулся, так как, приняв управление на себя, с напряженным вниманием новичка следил за приборами.

Дан прошел за Джанет в залитый светом салон и, зажавшись у яркого освещения, приостановился у кресел, где сидели Спенсер и Байард. Они, протянув свои подносы стюардессе, взглянули на него.

— Добрый вечер, — обратился к ним Дан. — Все в порядке?

— Ну, конечно. Спасибо. Чудесный ужин. Правда, мы уже давно были к нему готовы.

— Да, я понимаю. Извините, что запоздали.

Доктор успокаивающе махнул рукой.

— Ерунда. Вряд ли стоит обвинять вас в том, что Торонто вдруг вздумал немного прикрититься туманом. А теперь, — добавил он, устранившись в кресле поудобнее, — я собираюсь немного вздремнуть.

— И я тоже не прочь, — сказал, зевнув, Спенсер.

— Надеюсь, что вы хорошо выспитесь, — сказал Дан, выключая боковой свет над их головами. — Стюардесса принесет вам одеяла.

Он направился дальше по проходу, приглушенным голосом обмениваясь двумя-тремя словами с каждым пассажиром, одним объясняя, как можно откинуть кресло, другим рассказывая, как проходит полет, какая ожидается погода.

— Ну, я готов соснуть, — сказал Спенсер. — А для вас еще одно хорошо: не будет ни одного вызова.

— Сколько нам еще лететь? — пробормотал Байард сонно, глаза его были уже закрыты. — Наверное, добрых семь часов. Лучше всего их полностью отдать сну. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, доктор, — с тяжким вздохом отозвался Спенсер, стараясь поудобнее устроить голову на валике спинки. — Но не мешало бы выпить чего-нибудь успокаивающего.

Окутанный густой облачностью, отрешенно и независимо, будто особый изолированный мир, са-

молет летел по строго заданному курсу. Под ним на расстоянии 16 тысяч футов простирались тихие и спящие просторы Саскачевана.

Дан подошел к четверке на задних сиденьях и мягко запретил им на эту ночь дальнейшее прикладывание к спиртному.

— Вы же знаете, — сказал он им с укоряющей улыбкой, — этими вещами запрещено здесь заниматься. Так что лучше, если я больше не увижу ни одной бутылки, иначе вам придется выйти и добираться пешком.

— А в карты разрешается? — спросил один из компании и, проверив на свет содержимое своей бутылки, унылой гримасой отметил свое разочарование.

— Отчего же нет, пожалуйста, — ответил Дан, — но только с тем условием, что вы не будете беспокоить других пассажиров.

— А наш бедный командир! — проговорил вдруг болельщик из Ланкашира. — Неужели он всю ночь так и будет опекать своих пассажиров?

— Ничего не поделаешь, — ответил Дан. — Такова наша работа.

— И каждый полет одно и то же?

— В общем-то да.

— До тех пор, пока что-нибудь не случится?..

Раздалось дружное хихиканье, к которому присоединился и сам Данинг. Только ланкаширец вдруг ненадолго погрузился в неясно проступающие сквозь алкогольный дурман мысли, вызванные его собственными словами.

ГЛАВА II

Командир обошел уже почти всех пассажиров и теперь мог позволить себе задержаться, чтобы поболтать с одним из них, забавным человечком, которого он запомнил по предыдущему полету.

— Наверное, с ними я выгляжу, как заправский вояка из ВВС, — сказал Дан, поддев свои густые усы. И как бы в оправдание пояснил: — Но я к ним так уже привык, что расстаться теперь то же, что и потерять друга.

— Спорю, что все девушки от них без ума, — отозвался его маленький собеседник. — Как же они вас прозвали, не Моржом ли?

— Не совсем, — ответил Дан, пряча в усах улыбку. — У нас на авиалинии народ образованный. Чаще они зовут меня Дансиной.

— Как? — переспросил его собеседник.

— Дансиной, — проговорил капитан раздельно. — Вы-то должны знать! Неужели забыли нашего «Макбета»!

— Забыл Макбета? — повторил он обескураженно. — Эй, да о чем это вы?

Командир пояснил. Пока он говорил, его глаза неотрывно следили за стюардессой, которая стояла несколько поодаль, склонившись над креслом какого-то пассажира. Когда он подошел, то увидел, что там скорее лежала, чем сидела женщина, все ее тело тяжело вдавилось в подушку кресла, лицо время от времени искажалось судорожной гримасой. Глаза суживались, как бывает от сильной боли. Командир тронул за плечо стюардессу.

— Что-нибудь случилось, мисс Бенсон? — спросил он.

Джанет выпрямилась.

— Мадам немного не по себе, командир, — сказала она совершенно спокойно. — Я дам ей аспирин. Сейчас вернусь.

Дан занял ее место и, наклонившись, обратился к женщине и ее спутнику.

— А что вас беспокоит? — спросил он сочувственно.

Женщина с трудом подняла на него глаза.

— Я... я не знаю, — сказала она слабым голосом. — Вдруг стало так плохо. Всего несколько минут назад я почувствовала тошноту и головокружение, и еще такая страшная боль вот здесь. — И она показала на живот. — Извините, что доставляю вам хлопоты, но... я...

— Ну, ну, дорогая, — пробормотал человек рядом с ней. — Лежи спокойно. Скоро тебе станет легче. — Он взглянул на капитана: — Наверное, просто приступ воздушной болезни.

— Я тоже так думаю, сэр, — ответил Дан и озабоченно взглянул на женщину: капельки пота начали проступать на ее мертвенно-бледном лбу, волосы были спутаны, костяшки пальцев побелели, так напряженно она держалась одной рукой за подлокотник кресла, а другой за мужа. — Мне очень жаль, что вам стало нехорошо, — сказал он мягко, — но я уверен, что наша стюардесса сможет вам помочь. Постарайтесь как можно больше расслабиться. Может быть, вам станет немного легче, если я вам сообщу, что дальнейший полет, по всей видимости, будет спокойный. — Командир отступил на шаг, чтобы дать дорогу Джанет.

Продолжение следует.

Красота родной земли

ДОРОГИ ЩЕДРАЯ ЛАДОНЬ

Лев ФИЛИМОНОВ.

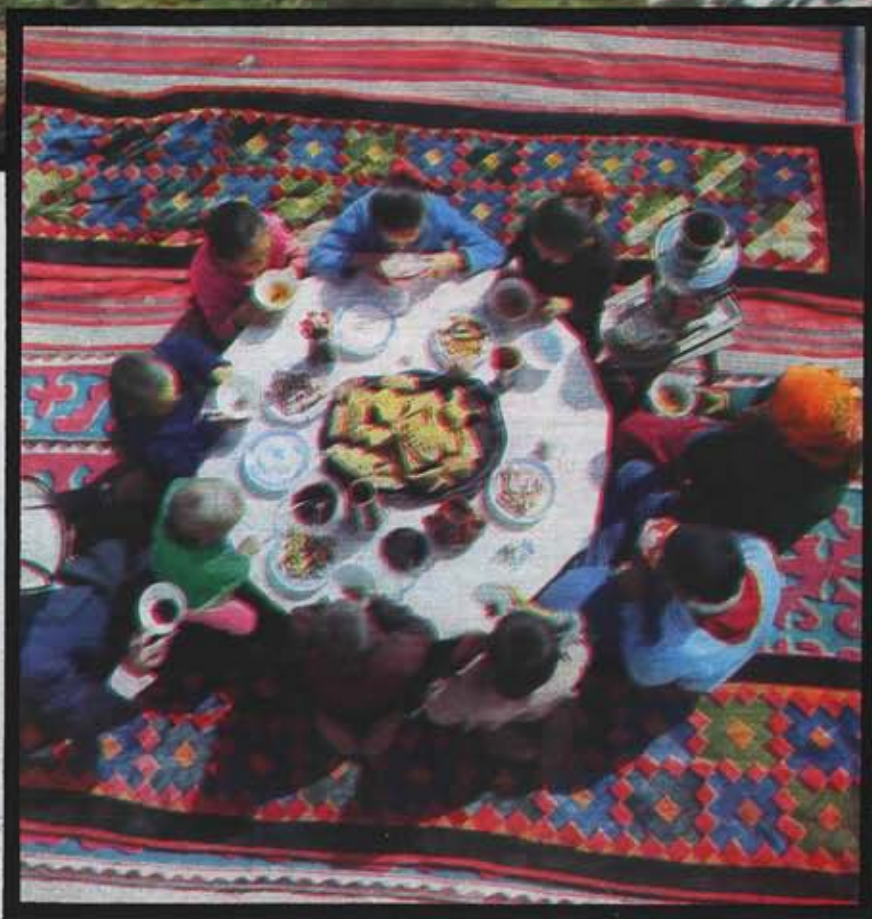
Фото Александра НАГРАЛЬЯНА, Николая РАХМАНОВА
и Виктора СИДЕЛЬНИКОВА.

Сколько ни вспоминай, начнешь с дороги. Гладкое асфальтированное шоссе или рабочая бетонка, пыльный проселок или горная тропа, улица города, поселка, кишлака, взлетно-посадочная полоса аэродрома, снежная целина, степное бездорожье... И бездорожье — дорога, если нужно идти. А киргизским дорогам неизбежно присущ аромат кочевого привольного бездорожья.

Кочевье никого не балует комфортом. Легких дорог здесь нет, и это вовсе не зависит от качества самой дороги, от ее класса, назначения, усердия ремонтников. Просто такая уж страна, таков сам дух киргизского кочевья, древнего, нынешнего, завтрашнего. Поэтому дорога здесь — работа и для пассажира. Может быть, не совсем обычная работа, вроде бы даже и не настоящая. Но с настоящим, постоянным напряжением, а иногда и с настоящим риском. И с самой подлинной, от километра к километру нарастающей усталостью.

Однако будешь и вознагражден, и это тоже очень здешняя особенность, словно дорога километр за километром медленно раскрывает щедрую ладонь. А на ладони непременно что-то заведомо необычное, маленький праздник лично

ТРАДИЦИОННОЕ КИРГИЗСКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО.

для тебя в знак завершения перекочевки.

Ну, например, мифический дракон, тысячу лет живущий в горном озере. Или вполне реальный динозавр из позднемеловой эпохи. Или с фантастикой граничащая необычность и покоряющая красота пейзажа. Или совсем уж настоящая фантастика прямолинейных контуров огромной стройки в хаосе скал, обрывов, осыпей, в мареве плавящегося от зноя неба или в созвездии ночных огней. Или манящие в седую старину гостеприимство и архаика полуночного тоя с пенным кумысом в пиалах и аксакалами, священнодействующими над бешбармаком. Или еще одна дорога. Или еще одна...

Пусть для начала будет гладкое шоссе. От столицы Киргизии до киргизского главного озера. Вдоль реки Чу, по древнему оазису киргизского же земледелия.

Будет хорошая машина. Будет попутчик, знающий побережье Иссык-Куля, как свою ладонь, и имеющий родственников или друзей чуть ли не в каждом придорожном кишлаке.

Под приглушенный рокот мощного мотора и монотонно-бесконечный шорох шин попутчик будет говорить о Теплом озере (по-киргизски «Иссык» — «горячий», «теплый»), чем знаменита, чем богата голубая высокогорная «жемчужина Киргизии»: ионизированный воздух, великолепные песчаные пляжи, источники целебных вод, месторождения лечебных грязей, санатории, дома отдыха, пионерские лагеря... Он будет много говорить и все равно, по-моему, не скажет лучше, чем было сказано еще в XVI столетии географом Хайдаром:

«Озеро простирается на двадцать дней пути и ни с какой стороны не имеет стока. Оно окружено горами. Вся вода, текущая в Иссык-Куль, пресна и приятна на вкус, но как только она входит в озеро, она становится такой горькой и соленой, что ею нельзя пользоваться даже для умывания... Она замечательно чиста и прозрачна, так что если налить этой воды в китайскую чашку, то на дне не останется никакого осадка. Вода ручьев вокруг озера превосходна. Множество ароматических трав, цветов и плодовых деревьев: в окрестных горах и долинах много антилоп и птиц. Немного местностей в Могулистане отличаются таким приятным климатом».

Относительно умывания иссык-кульской водой средневековый автор, кажется, присочинил. Можно не только умываться, можно купаться, плавать, и нырять, и даже пить. Это свидетельство из первых рук: сам умывался, сам купался и получил большое удовольствие. Хотя на вкус вода действительно солоната, а триста лет тому назад, как знать, возможно, и горчила.

Все остальное абсолютно верно. Хотя Хайдар не мог, конечно, знать всего того, что знает четыреста лет спустя мой хорошо осведомленный спутник. Того, что озеро, к примеру, дает республике тысячи центнеров отличной рыбы и позволяет транспортировать водой тысячи тонн различных грузов. Или того, что на красивых берегах люди не только отдыхают, но и работают — строят дома и корабли, заводы и электростанции, производят из местного сырья строительные материалы, сеют пшеницу, кукурузу, мак и многое другое, выращивают племенных коней, пасут овец.

Но все это не так уж трудно сообразить и самому. Стоит лишь повнимательнее приглядеться к встречному потоку разнообразнейших автомашин: трейлер, везущий на платформе готовую квартиру для панельного жилого дома, сверкающий гофрированным алюминием рефрижератор, грузовики с сахарной свеклой, кирпичом и бочками соленой рыбы, белые, серые, зеленые цистерны с надписями «молоко», «бензин», «цемент».

А овцы топают самостоятельно, отара за отарой, под присмотром почерневших на горном солнце чабанов и под охраной деловитых, бдительных собак. Блеют, толкаются, пылят — овцы, когда их много, могут поднять пыль даже с промывного дождем асфальта — и, половодьем затопив шоссе, теснят к обочинам притихший автотранспорт. Стоит сентябрь — разгар перекочевки с летних джайлоо на зимовку.

Впрочем, овец и лошадей, и прочие скот на Иссык-Куле и в долине Чу, да и во всей Киргизии, пасли и триста лет назад и много раньше. Память о тех туманных временах врезана в камень — в самом прямом, буквально точном смысле слова.

Когда на пыльном горизонте по обе стороны шоссе замельтешат приземистые домики крупного кишлака Чолпон-Ата, нужно свернуть с асфальта на проселок и с полчасца погромыхать в сторону гор по колее, разбитой тракторными гусеницами. Потом дорога завилается среди валяющихся как попало больших камней — тут следует притормозить, пройтись пешком и осмотреться. Мы так и сделаем. И будто на машине времени вкатимся в последнюю эпоху.

Ледник гигантским утюгом прогладил почву на огромной территории и, тая, вымостил ее округлыми, шлифованными валунами. Их здесь десятки или сотни тысяч, больших и маленьких, с арбуз и с юрту.

Освободить от валунов это заманчиво горизонтальное, весьма рентабельных размеров поле — задача невообразимо сложная даже при мощной современной технике. И непригодное под пашню или пастбище, оно служило грандиозной «мастерской» для многих поколений древних художников и резчиков по камню. А ныне это уникальный «вернисаж» гравюр на камне, или «наскальников», как называют их специалисты.

Непритязательные, не бросающиеся в глаза «наскальники» не терпят суетливости — их не отыщешь с ходу в россыпи камней, не углядишь с наскака, под торопливым мимолетным взглядом они плывут, как неразборчивый мираж, и распадаются на грязноватые, бесформенные пятна. Здесь нужен очень точный ракурс, строго определенный угол зрения. И чуть-чуть воображения. На облюбованный булыжник нужно взглянуть как бы случайно, краем глаза... И вот тогда из глубины «пустынного загара», которым солнце за тысячелетия покрыло камни, всплывут и словно оживут картины прошлого. По валунам запрыгают козлы с закинутыми на спину рогами, застынут барсы в грациозном напряжении, помчатся кони, побегут испуганные овцы и важной поступью пойдут верблюды. Рисунки четко, лаконично, с предельной ясностью расскажут о самой сути незатейливого бытия доисторического скотовода и охотника. Здесь все поймет без лишнего слов даже пришелец из иного мира — так выразительно работал кремневым резцом древнейший гравер.

На Иссык-Куле нам не раз еще придется вернуться мыслью в прошлые века, вспомнить давно умерших предков — очень уж тесно здесь сплелись в своеобразнейший этнографический «орнамент» жесткие линии свершений современности и интригующая архаичность древних традиций и обычаев. Здесь можно ехать по прекрасному шоссе мимо новехоньких панельных зданий, мимо зеркальных, в алюминии витрин, а по другую сторону дороги будут стоять безмолвной чередой пыльными травами заросшие курганы и с их вершин будут взирать на вас грубо отесанные каменные идолы. Можно заночевать в гостинице, а поутру она окажется трапезной

старого монастыря, комнатой с крепостными стенами, сводчатым потолком и арочными окнами. Можно ехать заброшенной караванной тропой и на заоблачном, забытом богом и людьми джайлоо найти транзисторный магнитофон и портативный телевизор. Можно сидеть у очага в пастушьей юрте на сваленном вручную войлоке и пить кумыс — и вздрагивать от грохота сажающегося вертолета; можно выйти из юрты и обнаружить возле конюшни среди чабанских лошадей сверкающую лаком «Волгу». Можно идти по современному микрорайону и встретить юношей в сверкающих импортных костюмах и войлочных национальных колпаках.

В селе Григорьевка мне вспомнится рассказ монаха, путешествовавшего по Иссык-Кулю тысячу триста лет назад. Бедный монах был удручен — озеро встретило его неласково:

«Широкие волны то простираются огромными ровными валами, то вздымаются и стремятся с неудержимой силой. Драконы и рыбы обитают в нем вместе, а иногда из недр его появляются необыкновенные чудовища. Вот почему путешественники возносят небу молитвы о благополучии. Хотя обитатели озера многочисленны, но никто не осмеливается их ловить».

В надежде встретиться с драконом я сяду в лодку к рыбаку с местного рыбокомбината, и мы осмелимся отправиться на лов «многочисленных обитателей озера».

Взрывает мотор, зайдется злым и тонким воем, но спохватившись, сбавит тон и забудет ритмично и миролюбиво. Резко рванется, уходя назад, увешанный сетями берег и будет долго уходить, отодвигаться, пока не станет тонкой синей полосой между водой и горным краем. Будет звенеть над озером лилое солнце, и гладь воды затянется тканью, сотканной из алмазных искр.

Жаль, что перевелись на Иссык-Куле страшные драконы и необыкновенные чудовища, и «обитателей» теперь осмеливаются ловить и те, кому это положено по долгу службы, и те, кого к берегу озера на выстрел подпускать нельзя. Жаль, очень жаль, что нет драконов.

— Драконов нет, — скажет рыбак вполне серьезно. — Я двадцать лет тут сети ставлю, хоть раз да встретил бы. А вот чудовища, — он усмехнется, — попадаются. На восемнадцать килограммов я сам ловил. А прошлый год, болтали мужики, кто-то поймал двухпудовалую. Но врать не стану, сам не видел.

Несколько позже я и сам увижу иссык-кульских монстров — на фотографиях. Чудовища окажутся... форелью. И станет ясно, что не их имел в виду монах, писавший в седьмом веке о драконах. Это история нашего века, это севанская форель, «царская рыба» — геаркуни.

Крестный отец «чудовищ» — академик Л. С. Берг, инициатор акклиматизации в озере Иссык-Куль ценных пород неведомых рыб. 1930 год — начало странного эксперимента. На Иссык-Куль в особые холодильниках была доставлена икра форели, взятая в озере Севан. Выведенных в инкубаторах мальков выпустили в солончатую стихию Иссык-Куля и, не особенно надеясь на успех, стали гадать о результате. И ничего не угадали — те, кто дождался результата, только руками развели и по сей день еще разводят.

Рекордный вес форели в озере Севан — 4 килограмма, а максимальная длина всего лишь сорок сантиметров. На Иссык-Куле та же рыбка вымахала в длину до метра, а вес достиг феноменальных величин. В конце концов бог с ними, с рыбаками, мало ли что они там наплетут о двухпудовых экземплярах... Но 18 килограммов — цифра, зарегистрированная официально.

Сейчас об этом пишут скромно: «Форель успешно акклиматизировалась и размножается». Никто не может толком объяснить, что происходит с «царской рыбой», а то время как с любой другой, и местной и акклиматизированной, не происходит ничего подобного.

Вечером мы отвеем «чудовищной» ухи. Правда, «чудовища» на этот раз будут довольно скромных габаритов — вдвоем уместятся в рыбацком котелке.

В полночь в Григорьевке погасят свет. Сгинут мерцающие окна, смутные контуры домов, слабое зарево над крышами. Нахлынет тьма, и резче засияют звезды, бесчисленные и беспомощные перед тьмой. Только костер на берегу не покорится властной ночи и сохранит уютный, маленький мирок багрово-желтого мятущегося света, где можно будет растянуться на остывающем песке и просто так бездумно полежать, послушать, как трещат в огне сухие ветки, бурлит уха, вздыхает ветер и, набегая на песок, бормочет сонная волна...

В детстве мы у костров рассказывали сказки. Будет мне сказка и теперь — о тех далеких временах, когда на месте нынешнего озера была широкая равнина среди гор, цвели сады и колыхались нивы, паслись отары, табуны коней. В центре равнины был большой и шумный город, а в центре города за крепостной стеной прятался пышный замок грозного и жестокого эмира.

Тепло костра навеет сонную истому. Прикрыв глаза, как наяву, увидишь город... Тонкий высокий минарет над глинобитным лабиринтом улиц, глухими стенами на улицу дома — окна здесь по обычаю обращены во двор, рыжие, из пахсовых кругляшей дувалы вокруг ходящей худому, горланящей базарной площади, караван с полосатыми тюками на верблюжьих горбах, лавки купцов, мангал шашлычника, тихую чайхану, веселую цирюльню и молодого, ловкого цирюльника, бредущего по-мусульман

ски голову кочевнику с Тянь-Шаня, который сел, поджав под себя ноги, прямо в пыль, не выпуская из руки узды коня и плетки. А вот и стражники эмира в кольчугах и железных шлемах, с кривыми саблями у пояса. Они проталкиваются к цирюльне... Через минуту молодого брадобрея уже ведут, подталкивая копытами, сквозь расступающуюся толпу, и в изумлении глядят им вслед кочевник, стирая мыло с недобритой головы.

Вот сам эмир в своих покоях, а перед ним испуганный цирюльник. Эмиру нужно выбрить голову, а у цирюльника трясется руки—уши у благородного эмира, как у хорошего осла, выше макушки и покрыты мохнатой шерстью. Собравшись с духом, парень делает свою работу, и стража тут же волочет его в тюрьму. Эмир приказывает: ночью обезглавить, чтобы не разболтал народу об ушах, народу может не понравиться осолоподобный повелитель.

Вот дочь эмира, юная красавица, гуляет по дорожкам сада и видит, как ведут в тюрьму избитого, но все еще красивого цирюльника. Любовь охватывает сердце девушки с первого и единственного взгляда—в сказках подобное случается... Едва дождавшись темноты, она крадет у захрепавшего папаша связку ключей из-под расшитой золотом подушки. Прокравшись в сад мимо уснувшей стражи, девушка отпирает бронзовый замок на мраморном колодеце, и поднатужившись, откидывает крышку... И из колодеца в небеса с ужасным грохотом бьет столб воды! Дальнейшее уже несложно: в поднявшейся всеобщей панике открыть тюрьму и вместе с парнем взять из конюшни лучших скакунов—поминай, как звали. Погони наши беглецы не опасаются, скакать в погону будет некому—заткнуть колодец смертным не под силу, вода затопит и дворец, и город, и всю цветущую долину до самых гор. И образует в сад этом месте озеро, не замерзающее круглый год, и будут люди называть его по-русски Теплое, а по-киргизски Иссык-Куль.

Сказка окончена, уха готова, можно, пожалуй, и проснуться. А сказка, в общем, ничего, забавная...

—Какая сказка!—скажет мне рыбак.—Это на самом деле было.

Утром он отвезет меня на лодке к месту, «где того самого эмира был дворец», и я увижу под водой расплывчатое и подернутое рябью подобие разрушенной стены. Потом подарит скрепя сердце поднятый со дна озера кирпич с фигурным торцом в виде цветка под голубой глазурью. И ведь добьется своего, я поупрямлюсь и поверю во все, что

он мне рассказал.—и во взбесившийся колодец, и в ослухого эмира, и в сумасшедшую любовь, ради которой можно уничтожить город.

Позже смешная эта вера вдруг обретет серьезную основу. Однажды я прочту в газете:

«Существуют легенды о городах на дне озера, затопленных в результате катастрофических землетрясений... В последние годы Академия наук Киргизской ССР провела здесь ряд подводных археологических экспедиций».

Потом я встречу с археологами, и они расскажут мне о памятниках древней земледельческой и кочевой культуры Иссык-Кульской котловины—и затопленных и укрытых под землей, раскопанных и изучающихся, бесспорно, существующих, но до сих пор не найденных.

...Щедры дороги Иссык-Куля, богаты всем, что ищешь в путешествии. И не успеет, отшумев листвою, растаять в пыльной синеве Пржевальск, как над дорогой, закрывая небо, встанут гигантские свидетели-вовсе уж незапамятных эпох—странные скалы Джеты-Огуз, будто перенесенные сюда из марсианского пейзажа, ошеломляющие грандиозностью и необычностью форм, немыслимым багрянцем цвета и фантастически причудливой резьбой, созданной временем и погодой...

Ну и довольно, может быть, об Иссык-Куле? О нем ведь сколько ни рассказывай, все мало. Может быть, просто написать, как академик Берг: «Я имел счастье трижды побывать на Иссык-Куле...»?

А Иссык-Куль еще не вся Киргизия. В Киргизии, и кроме Иссык-Куля, есть еще тысячи дорог и троп.

Пусть теперь будет южный городок где-нибудь, скажем, в Ошской области. И пусть зовется он... ну, например, Джалал-Абадом. Можно назвать его и как-нибудь иначе—Узгеном или Кара-Су. Сузаком или Кок-Янгаком, разница будет небольшая. Ибо у каждого из них на юго-западе Ферганская долина—необозримый океан хлопковой зелени, запыренный, будто снегом, спелым хлопком, а на востоке и на севере—Тянь-Шань.

В Джалал-Абаде желтые холмы пыльной подковой огибают город, за их округлыми, наизусть вытоптанности скотом верхушками снежно ломаются туманный горизонт.

В Джалал-Абаде нам случилось «загоститься» несколько дольше, чем требуют приличия. Правда, не по своей вине. Мы, специальная бригада радиомонтажников, ждали в Джалал-Абаде вертолет, чтобы забросить экспедиционное имущество и оборудование в горы Ферганского хребта, где мы должны были смонтировать автоматическую станцию погоды. Каждый день мы звонили во Фрунзе—просили, требовали, умоляли, угрожали... И каждый день в ответ нам слышалось:

—Терпите! Завтра обязательно!

Однажды в трубке прокричали:

—Что вы торопитесь? Джалал-Абад не нравится?

Джалал-Абад нам нравился. Есть города, которые с первого дня становятся своими, в которых просто и легко, как дома. Это можно почувствовать—объяснить невозможно. Разве что кто-то разгадает тайну любви с первого взгляда.

Стоял октябрь. На юге Средней Азии это, пожалуй, лучшая пора—месяц усталой радости, тревожного спокойствия.

Еще шумели пышной зеленью деревья, еще бросали на асфальт полетному густую тень. Но кое-где в их буйных кронах уже светились блеклой прожестью пряди осенней седины. А по утрам вдоль чисто выметенных улиц синими струями стелился дым с вяжущим горьковато-прелым привкусом—дворники жгли опавшую листву.

Еще дышали пыльным зноем рыжие склоны глинистых холмов, грузно давивших на окраинные улицы, и сатанело среди дня медное яростное солнце. Но налетал уже с Тянь-Шаня свежий ветер с запахом выпавшего на вершинах снега. И городок, укутанный в полуденную дрему, вдруг зябко вздрагивал и настояраживался.

Ветер накатывал с Тянь-Шаня, как прибой, странное чувство нарастало вместе с ветром и достигало нестерпимой остроты. Тогда мы шли в буфет аэропорта и пили красное киргизское вино. И щемящая снежная свежесть растворялась в подступающей к сердцу горячей волне... И кто-нибудь спохватывался:

—Парни, пора по шашлыкам!

Мы соглашались, что действительно пора по шашлыкам. И отправлялись на базар.

А на базаре пировал октябрь.

Базар орал, толкался, торговался, клялся и призывал в свидетели аллаха, ругался, пел, гадал на картах, хохотал, ел шашлык и пил вино, попал арбузы, обливался соком дынь, плевался косточками персиков и обедался коскавой, щупал халаты, примерял костюмы, звенел посудой и раскидывал ковры, платил наличными и кланчил в долг и вновь орал, толкался, торговался...

И был еще другой базар. Совсем другой, расположившийся особняком от первого. Здесь под тенистыми навесами тихо сидели старики с лицами бронзовой чеканки в черни серебряных бород, немногословные, загадочные в кажущейся простоте, неуловимо осененные отблеском давнего величия.

Смешным товаром торговали старики, всякая всячина лежала вперемешку: связки злого стручкового перца и мешочки цветочных семян, пуговицы, карандаши и стертые подшпильники, перстни с бутылочными изумрудами и свежие лепешки, лампочки для карманного фонарика и рыболовные крючки, гвозди и ржавые ключи, лавровый лист в бумажных фантиках и ярко-синие кристаллы купороса, нитки, иголки и кустарные узбекские ножи, сработанные с нескрываемым расчетом на невзыскательный туристский вкус.

Как ни забавен был товар, а покупатель находился—мы, например, лепешки брали только у этих стариков. Может быть, потому, что торговали старики с редким достоинством, не зазывая, не навязывая, не снисходя до спора о цене, и на копеечный товар ложился отсвет их чарующего обаяния—старая пуговица, медное кольцо вдруг обретали тайный смысл и ореол бесспорной ценности, словно диковина заморских стран или трофей забытого похода... А впрочем, эти продавцы и не гнались за покупателем и не страдали от его отсутствия. Ибо не мизерная выручка являлась стимулом коммерции, напоминающей продажу утиля. Эта «коммерция» была работой. Смешной на первый взгляд работой, недостойной и чем-то даже унижительной для величавых стариков, с чьих рук до смерти не сойдут бугры набитых кетменом мозолей. Но старики-то понимали лучше, чем кто-либо другой, что нет работы недостойнее и унижительнее вынужденного безделья. Если ты в состоянии еще работать. Хотя бы так, хотя бы продавцом не очень нужного товара.

Мы это тоже понимали. И еще лучше, может быть, чем старики с джалал-абадского базара. Так как в отличие от них мы не могли прервать свое безделье и не могли заняться чем-нибудь другим. Мы были попросту обязаны сидеть и ждать—это учитывалось в планах экспедиции как «ожидание транспортных средств», это и было в данном случае работой да и оплачивалось как работа. Связанные спецификой профессии, мы были вынуждены отдыхать, а сколько радости в подобном отдыхе, знает любая канарейка. К Джалал-Абаду мы претензий не имели—он предложил нам все, что мог. Только на клетку, даже золотую, всегда приятно посмотреть с высоты птичьего полета.

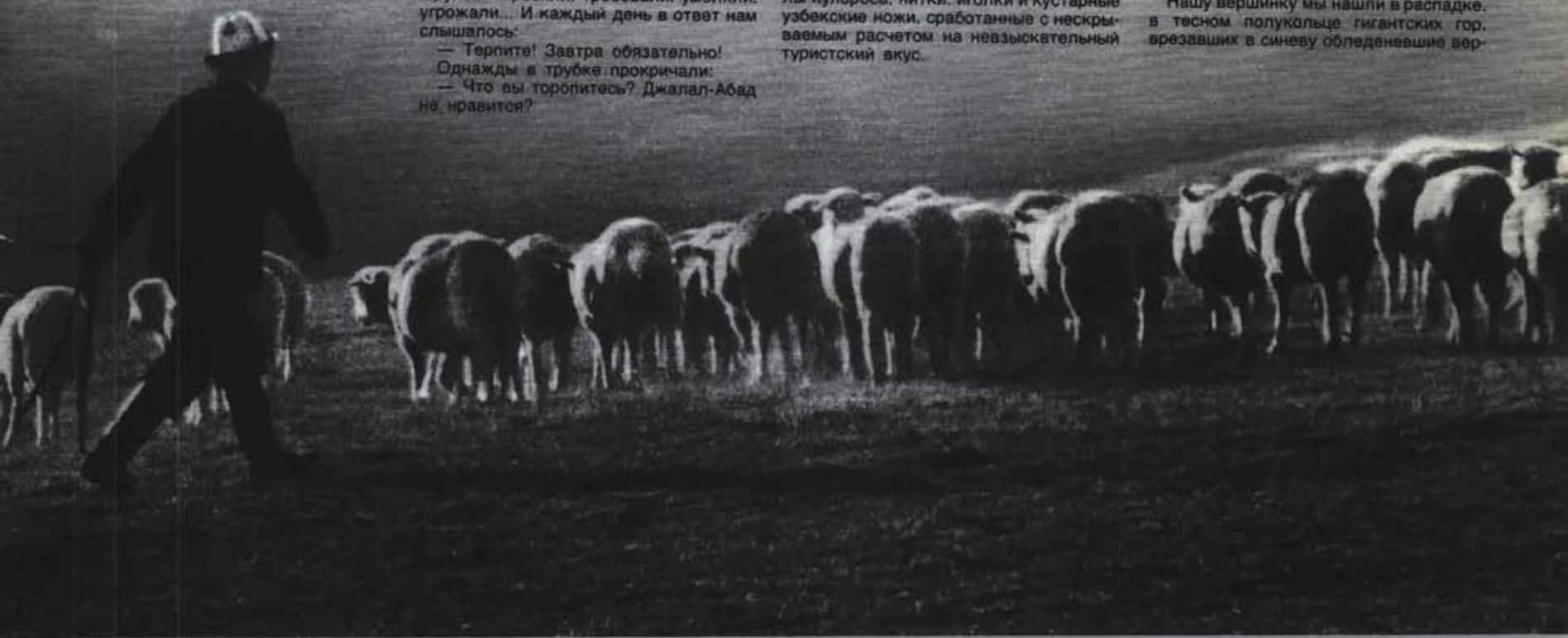
К радости птиц и грусти стариков, нет ситуаций, продолжающихся вечно. Наш вертолет в конце концов пришел.

В облаке рыжей пыли за иллюминатором вздыбилось, покачнулось и исчезло поле джалал-абадского аэродрома. Смазанной каруселью пронесли окраинные улицы. Ухнули вниз округлые холмы и потекли под брюхо вертолета.

Медленно двинулся навстречу снежный горизонт. Медленно двинулись к зениту пики Ферганского хребта—его сплошная издали стена утрачивала монолитность, открывая провалы, распахивая ущелья, обретая нерезкие поначалу подробности: бурые склоны с языками снега, русла ручьев и ребра скал...

Мы не смогли подняться над грядой и не смогли увидеть ее сверху—у вертолета не хватило сил. Гряда втянула нас в ущелье, и вертолет заглохнул, как трактор, в каменной кишке, набитой острыми углами и неожиданными выступами.

Нашу вершинку мы нашли в распадке, в тесном полукольце гигантских гор, врезавших в синеву обледеневшие вер-

ДАВНО ЗАБЫТЫ ВРЕМЕНА.
КОГДА ЖЕНЩИНЫ КИРГИЗИИ
БЫЛИ БЕСПРАВНЫМИ.

В АЛЬПИЙСКИХ ЛУГАХ
ТЯНЬ-ШАНЯ.

шины. В этом соседстве она выглядела холмиком да таковым, по сути дела, и была: двухтысячник по здешним меркам не гора. Но мы как раз такую и искали—нас волновали не рекорды высоты, а сносные условия работы и небольшой, но по возможности горизонтальный кусок земли для установки станции. Эта вершинка нас устраивала: ровная, чуть покатая к краям, припорошенная пушистым снегом и окаймленная кустарником шиповника, как лысина остатками волос.

Еще вращался, слившись в круг, свистящий винт, работал двигатель, сидели в креслах летчики, а мы уже стояли на земле и несколько ошеломленно озирались. Тянь-Шань вознесся перед нами на расстоянии протянутой руки—во всем своем торжественном великолепии, в грозном безмолвии и исполинской мощи...

И мы остались вчетвером лицом к лицу с самим Тянь-Шанем. С запасом

пищи на неделю и сотней литров питьевой воды в железных флягах. Воду пришлось везти с собой: до речки, выходящей по дну ущелья, было примерно километров восемь по прямой, по скользкому крутому склону,—полдня сползать на ягодицах вниз с пустыми ведрами и день карабкаться обратно с полными. Позже, когда мы вспоминали эти дни, нам стало ясно, что Тянь-Шань в общем-то обошелся с нами снисходительно, разве что малость пошутил, самую малость...

Сначала это был курорт. Синее небо, горный воздух, жгучее солнце и ослепительная белизна вечного снега на вершинах. Жара стояла, как на пляжах Черноморья, и мы работали, раздевшись до трусов. Снег, правда, таял очень медленно—пришлось остаться в сапогах.

Эта «спецовка»—плавки с сапогами, стала неистощимой темой для остроумия, предлогом для беспечного веселья. А веселились мы, как выяснилось, зря. Солнце-то жгло в буквальном смысле слова, а ослепительная белизна снегов и в самом деле ослепляла. Но только к вечеру мы поняли, что шутки плохи,—у всех слезились вспухшие глаза и, как ошпаренные кипятком, горели спины. Это была первая «шуточка» Тянь-Шаня, первое, легкое предупреждение, которое мы сразу же учли,—сказался экспедиционный опыт.

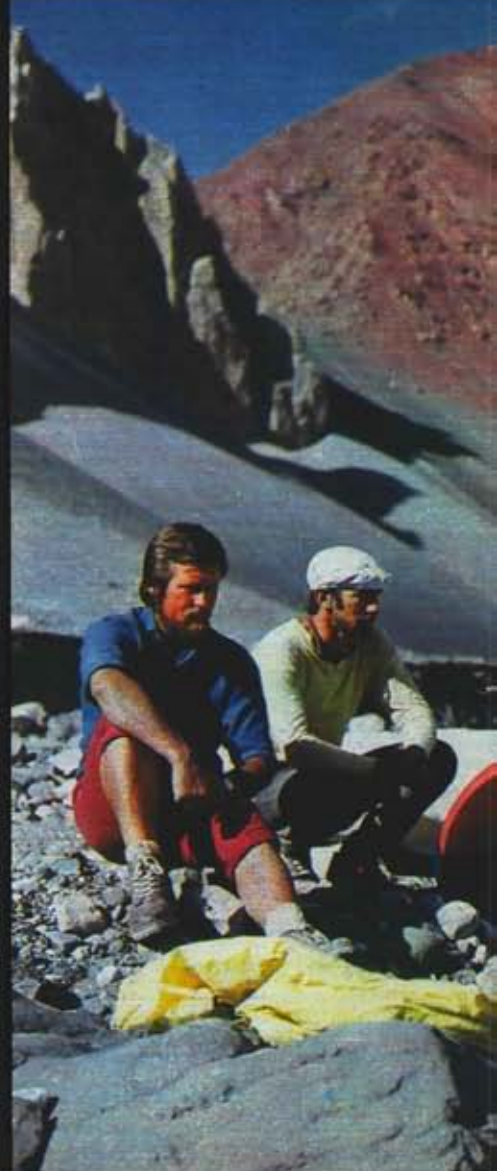
В этот же вечер мы узнали, что вечеров здесь не бывает. Солнце заваливается за ближнюю вершину, и день кончается. Сумерек нет, мрак падает мешком на голову. И так же резко падает температура. Курорт мгновенно превращается в зимовку, и нужно мчаться к рюкзакам, чтобы напялить на себя ватные брюки, свитера, шапки и меховые куртки. И проклинать судьбу за то, что негде высушить портянки.

ТРЕТЬ ТЕРРИТОРИИ КИРГИЗИИ ЛЕЖИТ ВЫШЕ 3 ТЫСЯЧ МЕТРОВ НАД УРОВНЕМ МОРЯ.

Смех смехом, а портянки в экспедиции—проблема. Нам сокрушительно не повезло, злая судьба лишила нас ковра—главной отрады кочевого люда. Не обнаружилось на горке ничего, что можно было бы использовать как топливо. Шиповник, окаймлявший «лысину», привел нас в искреннее изумление: он оказался негорючим. Даже обильно политый бензином, этот кустарник не хотел гореть. То есть бензин-то, разумеется, сгорал, но прутья только тлели и чадили. В конце концов мы плюнули на прутья, стали готовить пищу на газу. И хорошо еще, что догадались на всякий случай захватить с собой баллон и плитку.

Но, может быть, это и правильно и предусмотрено самой природой, чтобы шиповник не горел. Иначе где бы зимовали божьи коровки? В нашем кустарнике гнездились миллиарды этих милейших насекомых, красненьких с черненькими пятнышками. Прилетая сначала поодиночке, они трогательно ползали по нашим рукам и навевали приятные детские воспоминания: «Божья коровка, полети на небо, принеси мне хлеба...» Потом, пригревшись на осеннем солнце, они охотно компенсировали нам отсутствие летающей кровососущей нечисти. В неисчислимом множестве своем божьи коровки омерзительнее самых наглых мух, а уж кусаются—куда комарикам! Тянь-Шань шутил... Божьи коровки, кто бы мог подумать?

И наконец он пошутил всерьез: яростным солнцем растопил у нас весь снег и не послал нам больше ни снежинки. Ночью соседние вершины кутались в тучи и туман—над нашей горкой полы-

**ЗАГАДОЧНЫ В КАЖУЩЕЙСЯ ПРОСТОТЕ
АКСАКАЛЫ.**

хали звезды. Днем снегопад валил во всех ущельях. Рядом, в ста метрах, кольцевой стеной качалась мутно-белая завеса, снег шел везде, но не у нас.

В последней фляге с питьевой водой ясно просвечивало жестяное дно. И мы уже не заикались о том, что нужно мыть посуду, стирать носки да и самим хоть изредка умыться. До этой «шуточки» мы умывались снегом, посуду мыли снеговой водой.

...Когда мы сделали свою работу и запросили вертолет (в нашем имуществе имелась рация), то услышали—как обычно!—бодрый и жизнерадостный ответ:

— Терпите! Завтра обязательно!

Ну что ж, терпеть мы в принципе умели. Только терпение на этот раз было отмерено предельно жестко—оставшимися банками консервов и считанными литрами воды.

«Мы согласились подождать. И ждали день, ждали второй... Опыт подсказывал, что ждать в подобных случаях можно неделями, а то и месяцами. Воды во фляге оставалось на два дня. И мы решили уходить. Пешком до первого попавшегося кишлака, где можно будет сесть в автобус или поймать попутную машину.

Дороги мы, естественно, не знали. Но тем она была и хороша. Иначе было бы неинтересно.

**ТЕСНО СПЛЕЛИСЬ В СВОЕОБРАЗНЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ «ОРНАМЕНТ» ЧЕРТЫ
СОВРЕМЕННОСТИ И ДРЕВНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ.**

Публикованный год назад очерк «После свадьбы...» («Смена», 1977, № 3) вызвал много читательских откликов. Автору это, конечно, очень приятно: труд не пропал даром.

Большинство читателей очерк одобрили, одни целиком, другие с оговорками. Приведу небольшую выдержку из типичного письма такого рода.

«Здравствуйте, уважаемая редакция журнала «Смена»!

Огромное спасибо за своевременный социологический очерк «После свадьбы...». Это весьма актуальная и всех волнующая тема. Только, к сожалению, читать-то по этой теме почти нечего. Редко у нас еще обращают на эти вопросы внимание, очень мало выпускается книг, журналов на темы семьи и брака» (Майзенко из Тольятти).

Мне, однако, более интересны письма критические, авторы которых активно оспаривают основные положения очерка и высказывают свое понимание рассмотренных там проблем. Поскольку в этих письмах затрагивается ряд новых вопросов, которых я не касался в предыдущем очерке, есть смысл рассмотреть их на страницах «Смены». Только заранее оговорюсь, что касаться всех поднятых в письмах вопросов нет никакой возможности.

Надо ли обо всем этом писать?

В отличие от цитированного выше письма Майзенко некоторые читатели считают, что автор очерка поступает неправильно, лишняя раз напоминая многим людям о вещах, о которых хотелось бы забыть. Вот, к примеру, письмо жительницы Новосибирска:

«Вы в своем очерке написали, что женинцам трудно вступить в брак. Я согласна, но нельзя же отнимать надежду. Почему эта сторона человеческой жизни вдруг стала темой для шуток, об этом слышишь повсюду? Ведь это же человеческая драма, об этом кричать надо, а не смеяться. Ведь любой нормальный человек хочет иметь семью, я тоже не исключение. Ну что же делать, если жизнь не сложилась? Ведь человек не может жить только работой, это будет уже машина, а не человек... Отнять у человека надежду создать семью—значит отнять у него все... Будьте великодушны. Не отнимайте надежды у меня и мне подобных».

Автор очерка был убежден (и убежден до сих пор), что он скорее вселяет надежды, чем отнимает их. В частности, в очерке специально—и весьма настойчиво—указывалось, что мы находимся на пороге кардинальных перемен в области брачных отношений, что в ближайшие годы жениться будет значительно труднее, чем выйти замуж. На этом важном выводе социологов стоит еще раз специально остановиться.

Мужья в среднем старше жен примерно на три года. С 1943 по 1960 год происходил постоянный рост числа новорожденных, а также быстро падала (после войны) детская смертность. Каждая последующая годовая группа оказывалась более многочисленной, чем предыдущая. Более многочисленным женщинам каждой годичной группы «противостояли» менее многочисленные женихи. Но положение, как уже было сказано, меняется. В 1960 году в стране родилось 5 миллионов 341 тысяча детей. А уже в 1967 году детей родилось всего 4 миллиона 93 тысячи, еще меньше их было в два последующих года. Девочек рождения 1963 года много меньше, чем мальчиков рождения 1960 года, девочек 1966 года—чем мальчиков 1963 года и т. д. В связи с этим в начале восьмидесятых годов у нас возникнет и долго будет усиливаться недостаток молодых невест.

Это обстоятельство неизбежно скажется и на брачной судьбе женщин более зрелого возраста—не выходящих замуж, разошедшихся или овдовевших,—поскольку возможности жениться на женщинах значительно моложе себя для разведенцев сильно уменьшатся.

Следовательно, уважаемая оппонентка из Новосибирска, реальная демографическая ситуация «отнимает надежды» не у женщин, а у тех молодых жизнелюбивых мужчин, которые хотели бы «погулять» лет до 30—35, полагая, что жениться всегда успеется.

Конечно, правы те читатели, которые пишут, что пресса крайне мало уделяет внимания вопросам брака, семьи, демографии вообще. А освещение демографических проблем тем более необходимо, что решение многих из них зависит в немалой степени

от самих читателей: мужей и жен, отцов и матерей, женихов и невест. Кто же, например, приветствует будущим супругам трудолюбие, любовь к порядку, умение справляться с неизбежными домашними делами, как не их родители! Можно ли ожидать равенства супругов в семье, если родители будущего мужа постоянно словом и делом внушают ему, что он глава будущей семьи, а жена должна его обслуживать? Разве психологический климат родительской семьи не переносится в молодую семью?

Убежден, что в решении некоторых вопросов брака и семьи возможности общества, государства в целом куда меньше, чем возможности семейные и личные. Почта, к сожалению, свидетельствует о том, что у некоторой части читателей достаточно развиты иждивенческие настроения. И если, например, сорокалетний мужчина ждет от редакции ответа на вопрос «Как жить дальше: одному или с семьей?», то это смешно и грустно.

Я, конечно, рад, что многие читатели приняли близко к сердцу проблемы молодой семьи и поделились своими соображениями о том, какой должна быть семейная жизнь, отношения супругов, как уменьшить количество разводов. Некоторые сомневаются в точности приводимых в очерке цифр. Тут я, разумеется, могу сослаться только на данные государственной статистики. А статистика разводов у нас фактически говорит о числе получаемых в загсах справок о разводах, которые можно не брать. На практике же разводов гораздо больше.

Некоторые читатели пытаются судить о фактах, приведенных в очерке, по личным наблюдениям, иногда очень точным. Вот И. В. Волкова из города Дербента пишет: «А количество разводов, указанное в статье, меня удивило, здесь такого не наблюдается». И я, конечно, должен с ней согласиться: в Дагестане такого нет, но ведь у нас-то речь шла о стране в целом. Не согласна она и с утверждением «насчет недостатка женихов. Я не наблюдаю такого». Ну, что ж, вам, как говорится, повезло.

После опубликования очерка появились новые статистические сведения о разводах, и стоит дополнить приведенную раньше в «Смене» таблицу, не повторяя ее целиком, данными за 1976 год. Напомню, что количество разводов в каждом данном году сравнивается с количеством браков за 8 лет до этого, поскольку средняя продолжительность брака—восемь лет.

Годы	Число разводов (в тысячах)	Число браков за 8 лет до того (в тысячах)	на 1000 браков разводов
1970	636	2222	286
1973	679	2009	338
1976	861	2121	406

Если сравнивать количество браков и разводов в одном году, то «разводимость» получается, естественно, меньше. В 1976 году было 2 миллиона 596 тысяч браков, то есть 308 разводов на 1000 браков. К сожалению, в последние годы произошел заметный скачок в «разводимость».

Так надо ли об этом писать? Если мы хотим улучшить положение, писать необходимо.

«Стоит ли надевать мужчинам белые фартуки?»

Это заголовок письма Марата Даутова из села Исянгулова Башкирской АССР. Письмо это очень важно и не очень длинно. Поэтому приведем его целиком.

«Уважаемая редакция!

В третьем номере журнала «Смена» познакомился со статьей «После свадьбы...». Статья очень взволновала меня. В ней автор, ссылаясь на равноправие мужчин и женщин в нашем обществе, призывает мужчин надевать белые фартуки и взять на себя домашние работы. Но ведь равноправие не значит взаимозаменяемость! Есть такие виды работ, которые лучше выполнять только мужчинам или только женщинам. Тут, конечно, не следует забывать и о том, что у женщины любовь к семейным заботам заложена с самого рождения. Это подтверждается простыми наблюдениями в семье: девочки играют с куклами и разными игрушками бытового обихода, а мальчишкам подавай только технические игрушки. С древних времен женщина была хранителем негаснущего очага и домашнего уюта. У них тысячекратный опыт по выполнению домашних работ, и чтобы достигнуть сегодняшнего уровня мас-

терства женщин и преодолеть психологический барьер, мужчины затратят столетия. Правда, автор статьи робко высказывается об улучшении сферы обслуживания: «Разумеется, можно сказать, количество домашних дел надо уменьшать путем развития сферы обслуживания. И это будет правильно. Но одно не противоречит другому. В обществе, где существует равенство полов, домашний труд должен делиться поровну. К сожалению, наша молодежь считает иначе...» Да, мы думаем иначе! Одним из наиболее трудоемких процессов является доставка продуктов из магазина и приготовление пищи. Мне кажется, вот с этого и надо начинать. Открыть кооперативные столовые или строить дома по таким проектам, где были бы предусмотрены общие столовые и кухни для жильцов этих домов и где предоставлялась бы возможность готовить обе-ды по очереди, а доставка продуктов питания из магазина или с базы была бы централизованной. Ведь недалек тот день, когда все мы будем обедать в общественных столовых, а кооперативные столовые будут реальной основой и базой для будущих пунктов общественного питания. Поэтому стоит ли надевать мужчинам белые фартуки?»

Вот такие печки-лавочки... Честно говоря, я не ожидал столь откровенного высказывания ветхозаветных взглядов молодым человеком. Дело, разумеется, не в одном питании—в домашнем хозяйстве немало забот, помимо кухонных. Суть письма М. Даутова: со временем все домашние дела отойдут к сфере обслуживания, а пока этого нет, пусть ими занимаются женщины. Первое можно было бы только приветствовать. А вот второе... Такой взгляд, а главное, практическое поведение мужчин, соответствующее этому взгляду,—одна из основных причин нынешних семейных трудностей и раздоров, скандалов и разводов. Повторю в кратком виде сказанное мною ранее о принципах, по которым равенство в семье становится необходимым. Именно равенство, а не равноправие, которое, кстати, существует уже шестьдесят лет. Равноправие—это равенство по праву, по закону. Нас же интересует практическое равенство, равенство в жизни. Разумеется, мы говорим о равенстве социальном и только о нем, а не о равенстве физических сил и не о том, что «не могу я сына грудью кормить», как острят иной раз.

Было время, когда функции мужа и жены в семье были четко разграничены. Муж—работник, кормилец, жена—домохозяйка.

Пришло время, когда женщина стала такой же работницей, «добытчицей», как и муж, но... осталась домохозяйкой, то есть практически почти все домашние дела по-прежнему лежат на ней. А это означает, что у женщины ежедневно два полновесных рабочих дня: восемь часов—столько же, что и у мужчины, на производстве плюс пять-шесть часов дома.

В общественном хозяйстве женщина добилась равенства, а в некоторых отношениях даже и обогнала мужчину. Женщины, особенно молодые, имеют более высокое общее и профессиональное образование. Из каждых десяти специалистов народного хозяйства (то есть людей с дипломами вузов и техникумов) шесть—женщины. Заработки женщин нередко выше, чем мужчин, жены—выше, чем мужья.

Совсем иное дело в семье. Домашних дел у жены обычно в два-три раза больше, чем у мужа, свободно-го времени соответственно много меньше. Пока жена занимается домашним хозяйством, муж отдыхает, читает, смотрит телевизор, забивает «козла», развлекается в «мужских компаниях» и т. д. Женщина должна быть сущим ангелом, чтобы безропотно мириться с таким «равенством», тем более что до выхода замуж она действительно во всем была равна со своими сверстниками или даже превосходила их (в образовании, духовном развитии и т. д.).

Неравенство женщины в семье в нынешних условиях—несомненный пережиток, явление, потерявшее корни в реальной действительности и существующее только в силу традиций, привычек, старых нравов, которые находятся в непримиримом противоречии с ведущими тенденциями нашей жизни.

Мириться с таким положением женщина не может. Эти противоречия и раскачивают «семейную подку» и нередко пускают ее ко дну.

Единственно прогрессивный и исторически возможный выход из этого конфликтного положения—на пути к действительному равенству полов и в семье. Разумеется, конкретные семьи находят выходы каждая по-своему в зависимости от очень многих конкретных обстоятельств. В одних семьях домашние обязанности жены и мужа примерно равновесны; в

других—жены еще согласны мириться со старыми порядками; есть и такие семьи, где дом в основном на муже. Но во многих случаях конфликт, увы, разрешается только разводом.

Я вполне допускаю, что жена Марата Даудова—если она у него есть—целиком разделяет его взгляды. Тогда ему повезло. Поскольку он живет в селе, где, видимо, сильны еще бытовые пережитки, он, возможно, сумеет пронести свои взгляды через всю жизнь. Но допустим, что он или ему подобный переедет в город и женится на горожанке, у которой понимание семейной жизни совсем иное. «Переломить» такую жену с новыми, современными взглядами едва ли удастся. Остается два выхода: или «перековать» самому, или развестись. Можно еще, конечно, провести всю супружескую жизнь в постоянной семейной войне. Такое тоже бывает. В подобных случаях нескладную семейную жизнь объясняют обычно заботой о детях.

Прежнее безграничное главенство в семье мужчина безвозвратно потерял, произошел—во всяком случае, в молодых городских семьях—переход от патриархата к «биархату» (от мужского главенства к равенству мужа и жены), но переход этот происходил и происходит в «войне полов». А на войне как на войне. Приведу отрывок еще из одного письма в «Смену».

«Хочу поделиться своим мнением и болью. Разводится не только молодежь. Я тоже развелся в 1974 году, а плохо жили практически почти всю жизнь. Мне 48 лет, ей 50. С вступлением в печать относительно того, что в разводах больше виновны мужчины, я согласен. Но вместе с тем хочется подчеркнуть, что от женщины больше зависит семейное благополучие. Я исключаю мужей-пьяниц и тех, кто не помогает жене в домашней жизни. Я видел различные семьи и коротко расскажу о своей. В хозяйстве я помогал во всем. Стирал, мыл полы, сажал, убирал огород, ходил в магазин, готовил обеды...

Но большинство женщин в этом отношении эгоисты. Они же первые за это перестают видеть в тебе мужчину и считают тебя тряпкой. Вот и моя бывшая супруга до того разбаловалась, что считала меня чуть ли не своим рабом».

Разумеется, это «показание» лишь одной стороны в конфликте. Дело не в том, кто виноват в этом конкретном случае. Что же касается участия мужчины в домашних делах, то некоторые письма подтверждают мнение, что женщины «перестают видеть в тебе мужчину и считают тряпкой».

«Что это за мужчины?! Стоят в очередях, безут с бидончиками, стирают белье. Отсюда и мелочность, и злоба, и разводы» (Галина Ишак, г. Волгоград).

Прочитав эти письма, хочу обратить внимание на то, что подчас именно матери настраивают своих сыновей на определенный стиль семейной жизни, именно они хотят нередко во что бы то ни стало видеть их «главами».

Вот интереснейшее (к сожалению, чрезвычайно длинное) письмо пожилой женщины из Иркутска:

«Прочитала статью «После свадьбы...». Там девочки жалуются на нехватку женихов. Многие из парней, женившись однажды, вдруг опять жениться не желают. И ведь правильно. Не слышно ли замесившие девы нынче стали? Все эти эмансипации, акселерации и прочие «ации» не утратившие ли молодухами в семье? Молодые с родителями жить не хотят. Уходят, отделяются. А потом начинается... Она оказывается не приспособленной к ведению хозяйства, начинает требовать от мужа помощи. А он... мужчина. Его и не думали готовить в домохозяйки. Ему родители внушали быть главой, обеспечивать семью средствами. Ему внушали, что хозяйство вести должна жена. ...А она беспомощна. Жена у родителей привыкла на всем готовом жить. Ее берегли, холили. Ей внушали, что в семье равноправие и что муж обязан во всем помогать жене. Забыли только девочку учить хозяйствовать, учить помнить об экономии, об умении распределять правильно доходы, о том, что помогать муж должен, но только помогать, а не превращаться в бабу. Помнить это надо всегда, всем и во все века... Умей распорядиться домашними работами сама и правильно. Сама не устань и мужа не унизь. Готовить, мыть полы, шить и стирать—женская и только женская работа. ...Не унижайте мужское достоинство!»

Хороших родителей, строгого воспитания девочки к нам пришла. Но и она не сразу притерпелась. А уж о других и говорить нечего. Ох, и строптивы! Ни одной не разрешила своих сыновей заставить полы мыть или стирать. А ты, голубушка, на что? Зачем мужику жена, если сам все делать будет?.. Жизнь-то сейчас! Одна радость вокруг! И одеты-то, и обуты все, и грамоте учись, коли голова варит. Живи да радуйся! А вы, неумехи, и сами слезы льете и другим души мутите. Не жалею я таких! Вот и весь мой сказ на это. Звать меня Любовь Ивановна, а фамилию не обязательно. Не для известности я написала, а для мнения своего. Пенсионерка я. Старая. С уважением...

Трудно более четко выразить старые, отживающие взгляды на семейную жизнь. И в то же время замечательное письмо! Много здесь правильного. Но поставьте себя на место той «девчухи», которой пришлось жить с такой свекровью. Сыновья такой матери «главами» будут. А вот «девчухи», что станут их женами, захотят ли они такого строя семейной жизни? Речь идет не о конкретных сыновьях Любови Ивановны—вполне допускаю, что в их семейной жизни все хорошо. А о типе отношений в семье, при которых жена заведомо существование неравноправное, подчиненное, услужающее. Но ведь «девчухам», как правильно пишет Любовь Ивановна, «внушали, что в семье равноправие» (и хорошо делали!), но, кроме того, забыли научить хозяйствовать (что, конечно же, плохо, никак нельзя в этом с Любовью Ивановной не согласиться). При таких исходных данных семейные неладят и все, что с ними связано, вполне обеспечены. Что же из этого следует? Вернуться к прошлому? Никак это невозможно, если бы даже и захотеть. Стремиться надо не к прошлому неравенству, а к будущему равенству!

Воспитанные в патриархальном духе молодые мужчины в полной мере пожнут плоды такого воспитания в ближайшем будущем. Изменение ситуации в брачной проблеме очень скоро приведет к тому, что «выбирать» будет женщина; напрасно уважаемая Любовь Ивановна так уж убеждена, что «выбирали, выбирают и будут выбирать нас мужчины, а не наоборот». И, думаю, очень многие девушки предпочтут выбрать не «главу», не господина, а нечто более современное.

«Дайте молодоженам квартиры!»

Это тоже из письма, точнее даже, из многих писем.

«Прочитал я ваш очерк «После свадьбы...». Интересно вы пишете. Браки, разводы, статистика. Причины экономические, психологические. Все это, конечно, правильно. А где же жить молодой семье? Что же об этом автор молчит?» (В. В. Скоблинов, г. Нижний Тагил).

«Что касается разводов, то причины указаны правильно: пьянство, несходство характеров, безразличное поведение жены или мужа—все это бывает и служит нередко причиной разводов. Но об одной, тоже важной, причине в статье даже не упомянули. Это квартира, вернее, отсутствие ее. Негде жить—вот и начинаются неудовольствия, потом ссоры, скандалы, и в результате развод. Молодоженам надо давать квартиры, хотя бы однокомнатные, сразу бы разводов меньше стало. И браков бы заключалось больше» (И. В. Волкова, г. Дербент, ДагАССР).

Авторы этих и многих других писем затрагивают действительно один из важнейших вопросов жизни молодой семьи, хотя, думаю, совершенно напрасно пытаются объяснить разводы нехваткой жилья. Скорее наоборот, улучшение жилищного положения в какой-то степени облегчает разводы и тем самым, если хотите, способствует их росту. Стремительный рост «разводимости» совпал во времени с быстрым улучшением жилищного положения городского населения страны. За последние 20 лет прирост жилищной обеспеченности горожан составлял регулярно по 1 квадратному метру на человека. Кроме того, резко улучшилось качество жилья, особенно оснащенность его инженерным оборудованием.

Думаю, что совпадение роста жилищной обеспеченности с ростом числа и интенсивности разводов совсем не случайно. Раньше просто многим некуда было «разъехаться».

Однако это совсем не говорит о том, что все в этой области благополучно и что нет острой нужды в улучшении жилищных условий молодоженов.

Специальное обследование вступающих в брак в

г. Киеве в 1970 году показало, что если доходы большинства молодоженов были достаточно высоки (среднемесячный доход составлял у женихов 116 рублей, у невест—84 рубля), то их жилищные условия были явно неудовлетворительными. Прочитав выдержку из исследования Л. Чуйко: «Только в 5—7 процентах случаев вступающие в брак имели отдельную жилую площадь для создающейся семьи и примерно 20 процентов обследованных семей могли предоставить молодоженам отдельную комнату». Таким образом, большинство создающихся семей нормальных жилищных условий не имело, если даже считать нормальным жильем комнату в квартире родителей. Почти половина молодоженов собиралась жить без родителей. При этом доля желающих жить без родителей повышалась с увеличением возраста молодоженов, причем среди невест доля желающих жить отдельно от родителей во всех возрастах была больше, чем среди женихов. До 20 лет она составляла 40 процентов всех невест, от 20 до 25—48 процентов, от 25 до 30—63 процента. То есть невестки явно не хотят жить со свекровями. В то же время многие люди старшего поколения хотели бы жить со своими семейными детьми; об этом, в частности, говорит и цитированное ранее письмо Любови Ивановны из Иркутска.

Предпочтение, которое отдают молодожены самостоятельной жизни, тесно связано, несомненно, со стремлением к независимости, с большими различиями между родителями и детьми во взглядах на семейную жизнь, во вкусах, интересах.

Итак, жилищное положение молодоженов было неблагоприятным даже в Киеве, где в среднем проблемы жилья решаются лучше, чем по стране в целом. Поэтому лозунг «Квартиру—каждой молодой семье!» представляется куда как заманчивым. Но, прежде чем эти квартиры дать, надо их построить.

В последние годы в стране ежегодно вводилось около 110 миллионов квадратных метров жилья. Некоторая его часть шла на восполнение сносимых домов из-за ветхости, реконструкции городов, стихийных бедствий и т. д. Только в городах эти потери составляют ежегодно 10—13 миллионов квадратных метров. С учетом потерь жилья, которые надо восполнять на селе, можно считать, что ежегодный прирост общей площади жилых зданий составляет в год около 90 миллионов квадратных метров.

В последнее время ежегодно в стране возникает около 2,5 миллиона новых семей. Если допустить условно, что все новое жилье будет предоставлено этим молодоженам, то на каждую семью пришлось бы квартира жилой площадью примерно в 24 квадратных метра.

Всем, однако, хорошо известно, что в жилье нуждаются не только молодожены. Почти на всех предприятиях и в учреждениях, а также при горисполкомах существуют очереди на получение жилья и улучшение жилищных условий. При этом главный фактор при распределении жилья—продолжительность производственного стажа. И нет пока никакой возможности отказаться от такого порядка. Поэтому подавляющее большинство молодых семей включаются в общие очереди, в свое время получают жилье, в свое время улучшают жилищные условия...

Сейчас, пожалуй, нет людей, которые не понимали бы преимуществ отдельных семейных квартир над всеми иными типами жилья. Да, молодым семьям нужны отдельные квартиры. Но их не хватает, и нехватка эта будет устранена еще не завтра. На среднего горожанина сейчас приходится по 8 квадратных метров жилой площади. Это немало по сравнению с недавним прошлым. Но этого мало, чтобы дать всем молодоженам отдельные квартиры.

Разумеется, можно сказать: надо больше строить жилья. Но средства на жилье берутся из того же кармана, что и на школы, больницы, детские учреждения и т. д. Увеличить затраты на жилье—значит уменьшить их на что-то другое.

Где же в этих условиях выход?

С одной стороны, придется некоторым молодым супругам еще какое-то время мириться с проживанием в квартирах родителей. С другой, можно, думаю, увеличить строительство жилья именно для молодых семей, но не за государственный счет. В стране давно уже практикуется кооперативное жилищное строительство. XXV съезд КПСС указал на необходимость его расширения. Однако подавляющее большинство молодоженов не может вступить в обычные жилищно-строительные кооперативы из-за больших первоначальных взносов (40 процентов стоимости квартиры). Думаю, что для молодых семей условия вступления в кооператив могли бы быть льготными. Первоначальный взнос можно существенно уменьшить или даже

вообще отменить, с тем чтобы предоставляемый государством кредит был погашен за те же 15 лет, но более значительными ежемесячными взносами. Это было бы выгодно для всех.

Есть и еще один резерв жилищного обеспечения молодых семей—существенные избытки жилой площади у части населения.

Представим себе такую «типовую» ситуацию. Вот живет обычная семья: оп, она, двое-трое детей. Получила семья в свое время от государства отдельную трехкомнатную квартиру. Быстро бежит время. Сыновья выучились и разъехались к местам работы, у них свои семьи, свои квартиры. Дочь вышла замуж и переехала к мужу. В трехкомнатной квартире остаются вдвоем «старички». На каждого приходится по 20—25 квадратных метров жилой площади. Потом приходит день, когда она остается одна (поясню, что средняя продолжительность жизни женщин у нас на 10 лет больше, чем мужчин). Нужна одинокой старушке трехкомнатная квартира? У квартиросъемщика есть право попросить соответствующие органы переселить его в квартиру меньшей площади. Только что-то не слышно, чтобы этим правом активно пользовались. Квартира нынче—громадная ценность. Почему бы одну-две лишние комнаты не сдать жильцам?! И сдают, получая немалые нетрудовые доходы.

За излишнюю жилплощадь взимается, правда, дополнительная квартплата, однако она тоже очень низка и не стимулирует сдачу излишнего жилья государству.

Я ничего не имею против одинокой бабушки, роскошествующей в многокомнатной квартире; однако я имею кое-что «за» молодые семьи, которые у таких бабушек вынуждены снимать комнаты.

Не будем сейчас рассматривать методы, которыми эти избытки можно извлечь,—это слишком отвлекло бы нас от темы. Однако методы такие есть. И думаю, что за счет этого жилищное положение молодоженов можно было бы улучшить весьма существенно.

Рамки статьи не позволяют мне коснуться многих других вопросов, затронутых в читательских письмах. Завершая разговор, хочу еще раз обратить внимание читателей на то обстоятельство, что трудности молодой семьи связаны сейчас главным образом не с материальными недостатками (хотя именно в этом убеждено большинство наших корреспондентов!), а с причинами совсем иного свойства. Будет ли кто-либо спорить со мной, если я скажу, что нынешний жизненный уровень много выше, чем всего четверть столетия назад, когда в брак вступали родители нынешних молодоженов?! Настолько тут все очевидно, что и слова тратить незачем.

Семейные дела относятся к таким явлениям, о которых каждый имеет (и не может не иметь) свое собственное суждение. Нужно, однако, четко понимать, что взгляды эти основаны, как правило, на здравом смысле, житейском сознании и могут быть весьма далекими от истины. Здравый смысл, например, говорит неспециалистам, что рождаемость должна повышаться при повышении зарплаты, а демографы прекрасно знают, что связь между зарплатой и рождаемостью обратная, то есть чем выше зарплата (или вообще доходы) у данной категории населения, тем ниже у нее рождаемость.

Никакой уровень материального благосостояния, никакие самые роскошные жилищные условия не спасают семью от ее нынешних проблем. Ибо очень многое здесь коренится в нравственной сфере, в подготовленности молодых людей к семейной жизни. Значение всесторонней подготовки нынешних школьников к будущей семейной жизни, к исполнению чрезвычайно важных социальных ролей мужа и отца, жены и матери невозможно переоценить. На это я и пытался обратить внимание читателей очерком «После свадьбы...».

Что касается брачной ситуации, то надвигающиеся ее изменения, повторяю, чрезвычайно благоприятны для молодой семьи, для женщин особенно. И надо только суметь эти благоприятные изменения наилучшим образом использовать.

Я начал с выдержки из письма, в которой говорилось, что у нас почти нечего читать по актуальным и всех волнующим темам семейной жизни, что «мало выпускается книг, журналов на темы семьи и брака». Автор совершенно прав: литературы этой действительно не хватает, и именно это в громадной степени мешает глубокому пониманию нынешних семейных проблем обществом и соответствующему воспитанию молодежи.

Любую важную общественную проблему можно решить, только осознав ее. Проблемы семьи много сложнее, чем это обычно кажется. Разобраться в них невозможно без науки. А наука пока семей почти не занимается. Наверное, потому, что все тут ошибочно представляется ясным. А количество разводов все увеличивается и увеличивается...

Рисунок
Сергея ШИГАНОВА

Рисунок Вадима ШАПОВАЛОВА

Рисунок
Адольфа
СКОТАРЕНКО

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

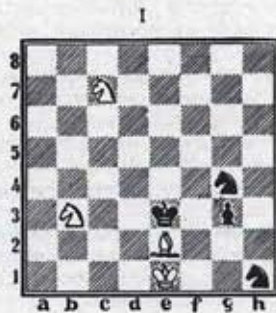
ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ

ЮБИЛЕЙНАЯ 20 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

ДЕВЯТЫЙ ТУР

Ход белых. Как должна закончиться борьба при наилучших действиях сторон? (4 балла).

Ход черных. В чью пользу, по вашему мнению, следует присудить эту отложенную позицию? (4 балла).

III

Кто одержал верх в соревнованиях претендентов на первенство мира по шахматам 1965 и 1968 годов? (1 балл).

IV

Где и когда проходил турнир гроссмейстеров, посвященный 60-летию Великого Октября, и кто вышел его победителем? (1 балл).

V

Важное задание (за его выполнение засчитывается 10 баллов!) этого тура—организация классификационных турниров. Напомним, что минимальное количество играющих—6 (в два круга), а максимальное—два турнира по 20 соперников в каждом (в этом слу-

чае играют друг с другом по одной партии). Тем шахматистам, кто наберет 60 и более процентов от общей суммы возможных очков, «Смена» вышлет справки о присуждении спортивного разряда. А лучшие популяризаторы шахмат—участники нашей олимпиады будут награждены.

Не забудьте, пожалуйста, что итоговые таблицы турниров нужно аккуратно начертить на обыкновенном листе бумаги и официально заверить в тех коллективах, где они проходили.

Как было ранее обусловлено, тем участникам олимпиады, кто, к сожалению, не сможет провести турнир, предлагается выполнить компенсирующее задание, за что тоже присуждается до 10 баллов. Имеется в виду разбор двух эндшпилей, в которых четким вариантным доказательством необходимо оценить шансы партнеров. В обеих позициях ход белых.

1. Белые: Kpf6, Ce2, Ke3, пп. a4, b3, c4, e4, f3. Черные: Kph4, Cc5, Ch3, пп. a5, b7, c6, e5, g5.

2. Белые: Kpf6, Kc7, пп. b2, c5, g7. Черные: Kpg8, Cf7, пп. a5, c6, h6.

Письма с турнирными таблицами или с анализом эндшпилей (5-е задание) следует высылать в адрес «Смены» не позднее 30 июня 1978 года. На конверте слева сверху обязательно проставьте свой олимпийский номер.

Открытки с решениями и ответами на 1—4-е задания девятого тура надо отправить отдельно от 5-го задания, в период с 5 до 20 июня (по почтовому штемпелю).

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 4/IV 1978 г. А 09058. Подписано к печати 26/IV 1978 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1 200 000 экз. Изд. № 1226. Заказ № 2113. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

Слова Анатолия ПОПЕРЕЧНОГО.
Музыка Алексея МАЖУКОВА.

ЭТО - ЖИЗНЬ

Что такое происходит, что такое происходит,—
Снег идет, а на душе сирень цветет.
Сок в березах яро бродит, сок в березах яро бродит,
Ну, а в жилах кровь в сто раз быстрее течет.

Что же это происходит, что же это происходит,
Отчего кружится кругом голова?
А в краях, где лютый холод, а в краях, где лютый холод,
Из-под снега пробивается трава.

Припев:
Это—жизнь, которой в мире нет предела!
Это—песня, что с собою в путь возьму.
Это значит, мы с тобой помолодели
На еще одну, еще одну весну!

Что творится в этом мире, что творится в этом мире,—
Журавлиным клином в сердце входит боль.
Кто-то шепчет нежно: «Милый», кто-то шепчет нежно:
«Милый.
Ты встречай, я остаюсь навек с тобой!»

И по рельсам мчится поезд, и по рельсам мчится
поезд.
А над сопками качается звезда.
Сердце просит звездных просек, сердце просит
звездных просек.
Сердце тоже открывает города!

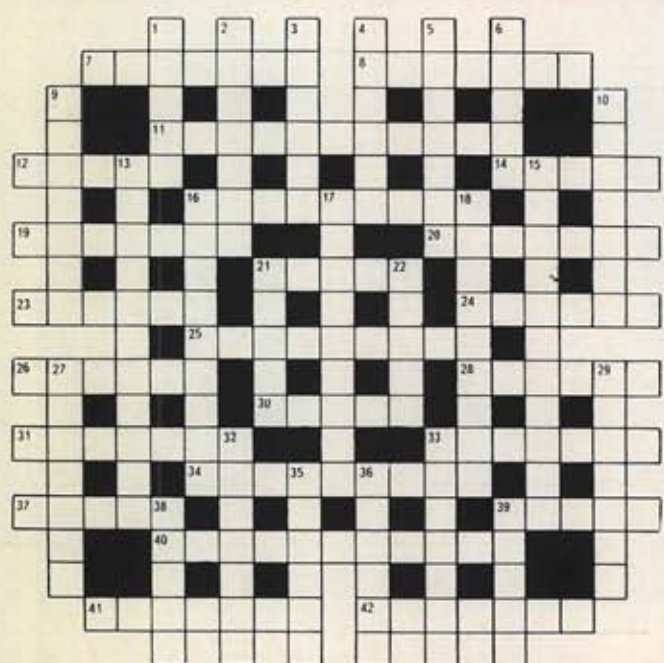
Припев.
Что такое происходит, что такое происходит,—
Снова верится давно забытым снам.
Ты на белом пароходе, ты на белом пароходе
Уплываешь вдалеку к заветным берегам.

Что же это происходит, что же это происходит,—
В снегопад сибирский радуга цветет.
Это вновь любовь приходит, это к нам любовь
приходит,
Это солнечной весны круговорот!

Припев.

КРОССВОРД

Составил В. БЕЛЬСКИЙ,
г. Орел

По горизонтали:

7. Русская народная сказка.
8. Прибор для измерения расхода газа.
11. Актриса Малого театра, народная артистка СССР.
12. Щит со световыми сигналами.
14. Лиственное дерево.
16. Комедия Ж. Мольера.
19. Русский поэт XIX века.
20. Ударный музыкальный инструмент.
21. Чешский писатель.
23. Атракцион.
24. Повесть А. С. Пушкина.
25. Единица давления.
26. Город в Иркутской области.
28. Старинная французская монета.
30. Один из приемов поднятия штанги.
31. Река, впадающая в Онежское озеро.
33. Выступление артистов.
34. Порт в Бельгии.
37. Черный дятел.
39. Сумма, выдаваемая под отчет.
40. Композитор, Герой Социалистического Труда.
41. Балерина, лауреат Ленинской премии.
42. Город в Гомельской области.

По вертикали:

1. Возвышенная равнина, плоскогорье.
2. Порт в Шотландии.
3. Музыкальный интервал.
4. Исполнитель роли в театре.
5. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым.
6. Приток Камы.
9. Персонаж оперы Д. Пуччини «Тоска».
10. Воинское звание.
13. Государство в Центральной Европе.
15. Действующее лицо комедии А. Н. Островского «Лес».
16. Художественное произведение малых размеров.
17. Пьеса Л. Леонова.
18. Пьеса Б. Шоу.
21. Легендарный древнерусский поэт.
22. Конторский служащий в Англии, США.
27. Представитель коренного населения автономной области.
29. Шлифовка, обработка драгоценных камней.
32. Временное замедление, прекращение жизненных процессов.
33. Один из Ионических островов.
35. Город в Новгородской области.
36. Овощное растение.
38. Река на Северном Кавказе.
39. Штат в США.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9**

По горизонтали:

7. Красноречие.
9. Тында.
10. Данко.
11. Макаров.
13. «Даешь!»
15. Нурек.
17. Энтузиазм.
18. «Версаль».
19. Давыдов.
23. Андантино.
24. «Фронт».
26. Адыча.
27. Кантеле.
30. Титан.
31. Арань.
32. Гипсомертия.

По вертикали:

1. Прозаизм.
2. Сканд.
3. Уста.
4. Доло.
5. Федин.
6. Вышата.
8. Акцент.
11. Монтажник.
12. Воззвание.
14. Шателен.
16. Ужгород.
20. Жаркий.
21. Анатомия.
22. Тычина.
25. Танго.
26. Агаян.
28. «Аист».
29. «Лето».

В. И. УЛЬЯНОВ — ГИМНАЗИСТ.

Да, его идеал — современник, а если говорить конкретней — человек труда, молодой строитель нашего общества. Вот почему в его мастерской нередко можно рядом встретить уральского сталеплавильщика и геолога-первопроходца, строителя Байкало-Амурской магистрали и нефтяника из Сургута. А когда дверь мастерской на замке, хозяина ее надо искать на Атоммаше или Нурекской ГЭС, у механизаторов целинного совхоза или на строительстве олимпийского комплекса столицы.

Скульптор Виктор Никифоров не сидит на месте. Он всегда в пути, в поиске своего героя — самоотверженного и неутомимого современника.

Первые же самостоятельные работы его, выпускника художественного института имени В. И. Сурикова, показали, что автор не только беспрдельно влюблен в своих героев, но и предан им. Он умеет тонко подметить и остановить в мраморе, металле, камне тот поэтический миг душевных переживаний современника — нынешнего ровесника Павки Корчагина и героев Краснодона, — который ярче всех передает существо человека, величие его духовных устремлений. Тот короткий миг, который трудно уловить глазу художника, если взгляд его не согрет истинной любовью к человеку труда. Вот почему запоминается нам Галя Суркова — юная ремесленница из Нижнего Тагила. Запоминается молодой каменщик со стопкой кирпичей («Лиха беда начало»). Запоминаются девушки в скульптурной композиции «На работу». Мы не всегда знаем точный адрес, точную прописку героев Виктора Никифорова, — мы понимаем, что таких парней и девушек встретишь повсюду. Их можно встретить на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, это

НА РАБОТУ.

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО.

их руками построены десятки, сотни новых городов, заводов, фабрик. И это они составляют лучшую часть нашего многомиллионного орденоносного Ленинского комсомола.

Большое место в творчестве коммуниста Виктора Никифорова занимает ленинская тема. Образу вождя мирового пролетариата посвятил он не одну работу. Одна из лучших скульптур, созданных молодым художником, — «В. И. Ульянов — гимназист». Она с успехом экспонировалась на V республиканской художественной выставке «Советская Россия» и нашла живой отклик в сердцах зрителей.

Виталий ЗАСЕЕВ

ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

ЕГО ИДЕАЛ - СОВРЕМЕННИК

